А. И. ЧЕРЕПАНОВ

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД

Национально-революционной армии Китая

1926
1927

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

А. И. Черепанов

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ КИТАЯ

(Записки военного советника)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1968

9(И)7
Ч-46

Ответственный редактор
Р. В. Вяткин

Продолжение изданных в 1964 г. «Записок военного советника в Китае» посвящено одному из выдающихся событий китайской революции 1925—1927 гг. — Северному походу, во время которого вооруженные силы революции освободили от милитаристов значительную часть территории Китая. Плечом к плечу с китайскими солдатами сражались советские военные советники — добровольцы. В книге на новых, до сих пор не публиковавшихся материалах раскрыта роль ряда крупных военачальников и партийных деятелей нашей страны, активно осуществлявших советскую программу помощи революционному Китаю, — М. М. Бородина, В. К. Блюхера, А. С. Бубнова, В. М. Примакова, А. Лапина и др.

9(И)7

1-6-3
11-Б3-31-68

Предисловие

Автор этой книги генерал-лейтенант в отставке Александр Иванович Черепанов хорошо знаком советскому читателю. В 1957 г. вышла в свет его книга «Под Псковом и Нарвой», в 1960 г. — «Боевое крещение», в 1961 г. — «Первые бои Красной Армии», в 1964 г. — «Записки военного советника в Китае».

Жизненный путь А. И. Черепанова неразрывно связан с историей нашей страны, ее вооруженных сил, с выполнением высоких интернациональных задач советского народа. Призванный в 1915 г. в царскую армию, А. И. Черепанов прошел первую тяжелую школу войны на Северном фронте в его сибирских частях. Октябрьская революция открыла перед сыном бедного крестьянина новые горизонты. В январе 1918 г. Александр Иванович вступил добровольцем в Красную Армию, а в феврале был избран командиром 2-го красноармейского полка, созданного из солдат — добровольцев 6-го Сибирского корпуса. Этот полк под командованием А. И. Черепанова 23 февраля 1918 г. участвовал в бою под Псковом против войск кайзеровской Германии. Потом были походы против интервентов и белогвардейцев.

Окончив после гражданской войны Военную академию, А. И. Черепанов в 1923 г. отправился добровольцем в армию южнокитайского правительства, возглавляемого Сунь Ят-сеном, в качестве военного советника. Он помогал в организации военной школы Вампу, участвовал в разгроме юньнань-гуансийских милитаристов, в Восточном и Северном походах.

Вернувшись через четыре года на родину, А. И. Черепанов командовал 1-й Тихоокеанской дивизией, уча-

ствовал в боях во время конфликта на КВЖД, развязанного фэньтяньскими милитаристами. Когда же началась японо-китайская война, А. И. Черепанов вновь, откликаясь на зов партии, поехал в Китай, где в 1938—1939 гг. работал главным военным советником.

Во время Великой Отечественной войны А. И. Черепанов около трех лет командовал одной из армий на Ленинградском фронте. В 1944—1947 гг. был заместителем председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии, позднее — заместителем начальника Управления высших военно-учебных заведений.

Только уйдя в отставку, Александр Иванович получает возможность сесть за письменный стол, оглянуться на пройденный путь, рассказать о виденном и пережитом. Ясная память, природная наблюдательность, огромный опыт помогают ему воссоздать героические страницы прошлого. Не полагаясь только на свою память, он тщательно изучает архивы, прессу, литературу, картографический материал, советуется с товарищами.

В своей новой книге «Северный поход Национально-революционной армии Китая» автор продолжил рассказ о китайской революции 1924—1927 гг., начатый им в «Записках военного советника в Китае».

Сложен и извилист был путь китайской революции. Эта сложность определялась полуколониальным положением Китая, крайней отсталостью китайской экономики и ее многоукладностью, невероятно низким жизненным уровнем населения, господством в стране милитаризма. В то же время китайская революция развертывалась в новой международной обстановке, созданной Великим Октябрем. Это благоприятствовало развитию и углублению революционных процессов в Китае, так как они протекали в условиях кризиса мирового капитализма, конкурентной борьбы империалистов, бурного развития национально-освободительного движения народов. Отсюда острота империалистической борьбы в Китае, размах классовых битв китайского пролетариата и крестьянства и одновременно слабость единого фронта демократических сил, частые измены генералов-попутчиков, колебания национальной и мелкой буржуазии.

С первых же страниц книги мы видим, в каких тяжелых условиях пришлось работать нашим советникам,

А. И. Черепанов

приехавшим в Китай для помощи китайской революции, молодой Коммунистической партии Китая.

Как нелегко порой было разобраться в очень сложном переплетении социальных столкновений, личных взаимоотношений, в соотношении субъективных и объективных факторов. Особенно много политического чутья, опыта, военного мастерства потребовалось от наших советников во время Северного похода.

Стратегический план этого похода, разработанный Василием Константиновичем Блюхером (Галиным) — главным военным советником южан, — состоял в том, чтобы бить противников поочередно. Первой задачей было разгромить войска У Пэй-фу, достигнуть Уханя и соединиться с национальными армиями Фэн Юй-сяна.

Северный поход начался в июле 1926 г. и уже к концу августа от войск милитаристов была очищена важная в стратегическом отношении провинция Хунань, а 10 октября занят Учан — последний город известного трехградья на реке Янцзы. Успехи похода объяснялись преж-

де всего активной поддержкой Национально-революционной армии народными массами, которым были близки антиимпериалистические и антимилитаристские лозунги борьбы. Большую роль сыграли в боях те части, в которых проводилась политработа и где коммунисты занимали крепкие позиции в политаппарате и среди офицерства. Широкую известность в тот период приобрел полк, руководимый коммунистом Е. Тином.

На втором этапе Северного похода в конце 1926 г. главным объектом удара революционных сил стала армия милитариста Сунь Чуань-фана. Наступление на него шло через провинцию Цзянси и с юга через Фуцзянь. Победы НРА в центре и на востоке Китая облегчили положение национальных армий на северо-западе. Фэн Юй-сян заявил о присоединении к гоминьдану, его войска 20 ноября овладели Сианью — центром провинции Шэньси. Три героических восстания шанхайских рабочих завершились в марте 1927 г. переходом этого крупнейшего промышленного центра в руки пролетариата.

Эти победы радовали друзей китайского народа во всем мире. Особенно тепло принимали известия об успехах революционных сил советские люди, видя в них залог освобождения всего Китая. VII расширенный пленум ИККИ в конце 1926 г. отмечал: «В последние месяцы интересам мирового империализма в Китае нанесен тяжелый удар. Гигантские успехи кантонских армий распространяют власть гоминьдановского национального правительства почти на половину Китая. Революционное правительство, возникшее в Кантоне, выходит сейчас на широкую всекитайскую арену и становится могучим фактором китайской революции. Это открывает новый этап в развитии национально-освободительных движений на Востоке, во всех колониях...» [1].

Волна массового движения, победы Национально-революционной армии и разложение милитаристских сил встревожили весь реакционный лагерь. Империалистические державы открыто вмешались в китайские события. Подъем революции вел к быстрому размежеванию сил в самом гоминьдане. Национальная буржуазия Китая, напуганная революцией, быстро отходила вправо, стремясь покончить с единым фронтом и установить свою

---

[1] «К борющимся китайским массам», — «Правда», 23.XI.1926.

диктатуру. Этому способствовала слабость Коммунистической партии и других массовых организаций, оппортунистические ошибки тогдашних руководителей КПК. В так называемом левом крыле гоминьдана, центром которого на какое-то время стало Уханьское правительство, вскоре возобладали соглашатели, политические авантюристы и милитаристы.

В апреле 1927 г. произошел контрреволюционный переворот в Нанкине, Шанхае, Гуанчжоу. К власти пришло правительство реакционной буржуазии во главе с Чан Кай-ши. Через несколько месяцев контрреволюционеры захватили власть и на остальной части Китая. Началась полоса кровавого террора, оголтелой антисоветской кампании, налетов на советские учреждения, убийств советских людей. Естественно, что нашим советникам пришлось покинуть Китай. «До самого последнего дня своего пребывания на службе китайской революции, — пишет А. И. Черепанов, — наши люди были верны своему интернациональному долгу, преданы великому делу освобождения китайского народа, готовы жертвовать жизнью во имя революции».

В книге на широком фоне показан весь Северный поход, его этапы, важнейшие операции. С чувством большой симпатии описывает автор свои встречи с представителями революционных масс, коммунистами, рассказывает о лучших сынах китайского народа Чжан Тайлэе, Е Тине и др. Точны и выразительны характеристики деятелей иного рода, генералов и политиканов, правых и «левых» гоминьдановцев, боявшихся революции. Все это помогает читателю лучше понять особенности обстановки в Китае.

Книга А. И. Черепанова восстанавливает в памяти людей страницу тесной боевой дружбы советского и китайского народов, их совместных битв за новый и свободный Китай. Воспоминания одного из ветеранов этих лет служат ярким свидетельством подлинного интернационализма советских людей и разоблачают попытки очернить историю отношений СССР и Китая.

Книга А. И. Черепанова не исторический очерк, а воспоминания, причем воспоминания военного человека. Поэтому главное внимание в них, естественно, обращено на военные дела, на Национально-революционную армию, многие события показаны через призму армей-

ских дел. Но в книге дан и широкий политический фон. При анализе узловых событий автор цитирует официальные документы, мнения и выводы видных военных и партийных работников нашей страны (А. С. Бубнова, М. М. Бородина, В. К. Блюхера), что позволяет глубже раскрывать суть происходящего.

Много теплых, по настоящему взволнованных страниц книги посвящено нашим советникам, посланным на помощь борющемуся народу Китая. Автор рассказывает об их деятельности, трудной и порой опасной, в корпусах и армиях. Несмотря на молчаливое сопротивление вчерашних милитаристов, они продолжали терпеливо обучать войска, сплачивать лучшие силы НРА и в союзе с коммунистами крепить революционный фронт. Трудно бывало иногда понять сложную китайскую действительность, отличить правду от лжи, но выручали партийная хватка и чутье, боевой опыт (ведь у советников за плечами были годы гражданской войны в России) и непоколебимая вера в конечную победу китайского народа.

Мы встречаемся с нашими советниками в короткие минуты отдыха, когда они вдали от Родины, собираясь вместе, поют протяжные русские песни, шутят, спорят, даже танцуют, чтобы на рассвете идти в новый бой. Это — суровый и немногословный интернационализм настоящих коммунистов. Коммунистическая партия Советского Союза вправе гордиться славным отрядом своих членов — участников первой китайской революции.

Книга А. И. Черепанова будет, несомненно, с интересом встречена в нашей стране. Она еще и еще раз говорит о глубокой настоящей дружбе советского и китайского народа, какие бы искривления ни случались в политике нынешних китайских руководителей, ибо «советские люди, — говорится в Тезисах ЦК КПСС „50 лет Великой Октябрьской социалистической революции", — всегда рассматривали великий китайский народ как друга и союзника в борьбе за революционное преобразование общества. Разрыв КПК с нынешней пагубной политикой, укрепление отношений КНР с Советским Союзом и другими странами социализма отвечали бы интересам мирового социализма и прежде всего самого Китая». Нет сомнения, что так и будет.

Р. Вяткин

Возвращаться еще рано...

В январе или феврале 1926 г. я приехал в Пекин, где намеревался провести недельку-другую. Настроение было радужным, позади два года напряженнейшей, подчас опасной работы, впереди — возвращение на Родину, по которой истосковался. Однако это благодушное настроение длилось лишь до утра следующего дня, когда я явился в полпредство. Как читатель, вероятно, помнит, там с лета 1923 г. работал П. Смоленцев, один из пяти советников, прибывших в Китай первыми. Он сообщил важную новость. Для ознакомления с работой советников на Юге и в армиях Фэн Юй-сяна и вообще для изучения вопросов, связанных с помощью Советского Союза китайской революции, в Пекин прибыла из Москвы чрезвычайно авторитетная комиссия. Достаточно сказать, что возглавлял ее один из известнейших деятелей нашей партии А. С. Бубнов, занимавший в то время должность начальника Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Военный атташе А. И. Егоров, к которому мы явились с докладом, не мог уделить нам много внимания. Он спешно готовился к докладу на комиссии. Егоров предупредил, что позже будет подробно беседовать с нами, что, вероятно, и нас вызовут на комиссию.

Ничего не оставалось, как вновь заняться делами. Мы старались обобщить важнейшее из огромного опыта, полученного на юге, чтобы сделать выводы достоянием комиссии. Очень помогла нам встреча с товарищами, прибывшими в командировку в Пекин из Северного Китая. Они подробно рассказывали о своей работе в народных армиях Фэн Юй-сяна.

У нас тоже было что рассказать! За два с половиной года в Южном Китае была создана база для дальнейшего развития революции. Большую роль при этом сыграла советская помощь — пароходы с оружием и наши собственные пот и кровь. За это время были победоносно завершены три значительные военные кампании против милитаристов. В ходе гражданской войны в Кантоне (Гуанчжоу) и других городах провинции Гуандун были подавлены вооруженные силы компрадоров — «бумажные тигры». Национально-революционная армия (НРА) разбила мятежных генералов, бывших членов ЦИК гоминьдана Ян Си-линя и Лю Чжэнь-хуана — милитаристов из провинций Юньнань и Гуанси.

Используя благоприятную обстановку, поднялся на борьбу пролетариат Южного Китая. Вот уже восемь месяцев длилась грандиозная Гонконг-Кантонская стачка.

Серьезнейшее значение для укрепления власти национально-революционного правительства в Гуандуне имели советы и организационная деятельность М. М. Бородина и его помощников. Конструктивная государственная работа заметно оживилась после разоружения армии кантонского милитариста Сюй Чун-чжи и отъезда из Кантона правого гоминьдановца Ху Хань-миня. Они были главными саботажниками всех революционных начинаний.

К началу 1926 г. удалось коренным образом улучшить финансовое положение кантонских властей. Два с половиной года назад их доходы составляли 300 тыс. в месяц, а ныне поднялись до 5 млн. долларов.

Нам, окунувшимся в самую гущу политической борьбы на юге, было понятно, чья это заслуга в первую очередь. Решающее слово принадлежало китайским пролетариям. Начатая ими после шаманьских расстрелов 23 июня 1925 г. борьба привела к уничтожению на юге неравноправных договоров, навязанных Китаю колониальными державами. Гонконг-Кантонская стачка подорвала господство в местной экономике английских империалистов, прежде всего Гонконг-Шанхайского банка. Не удивительно, что министр финансов национального правительства без тени протеста регулярно выписывал чеки на 10 тыс. долларов для нужд стачкома.

Стабилизация финансов в Гуандуне после многих лет

разрухи и разнузданного произвола милитаристов благотворно сказалась на жизни местного населения. Прежде английская и американская пресса в Китае, а также китайские газеты в Гонконге надрывно кричали о том, что «в Кантоне хозяйничают большевики», что они-де анархисты и разрушители и не в состоянии ничего создать. Теперь даже эти фальсификаторы вынуждены были признать, что такого хорошего экономического положения в Гуандуне еще не было.

Во время военных действий нам довелось побывать с войсками во множестве уездов провинции. Своими глазами мы увидели ужасающую нищету китайских крестьян-арендаторов, полуарендаторов, мелких собственников. Урожай с площади в один му давал крестьянину лишь 10 долларов в год. Товарищи, изучавшие по заданию М. М. Бородина аграрный вопрос, подсчитали, что сельский труженик должен был отдавать в виде арендной платы или налога в среднем 65% продукции. В некоторых местах с крестьян собирали до сорока видов всяких налогов, в том числе и на выплату «боксерской» контрибуции [1]. Получалось, что формальное обладание крошечным участком почти ничего крестьянину не давало. Собственность являлась фикцией.

Удерживать крестьян в повиновении шэньши могли лишь с помощью своей полиции — миньтуань, набранной из всякого отребья. И на ее содержание брали с крестьян налог. Облагали их регулярными сборами и местные бандиты. Они имели даже для этого специальные бланки и печати.

Полновластными хозяевами гуандунской деревни были по-прежнему начальники уездов. Они распоряжались всеми делами: и административными, и фискальными, и судебными. Некоторые сидели на своих теплых местах еще со времен маньчжурской Цинской династии. Кое-где в провинции о революции 1911 г. просто не слышали. «Левые» гоминьдановцы и коммунисты, разумеется, понимали, что уездных реакционеров необходимо заменить, однако в Кантоне тогда не было необходимых кадров. Начальники были смещены лишь в нескольких

---

[1] В литературе империалистических держав восстание ихэтуаней названо «боксерским». Отсюда и контрибуция, наложенная на Китай империалистами в 1901 г., называлась «боксерской» контрибуцией. — *Прим. ред.*

из девяноста четырех уездов. Между тем правительство остро нуждалось в деньгах.

Гуандунская деревня поднималась на борьбу! Крестьяне массами записывались в союзы, создававшиеся на очень невинной платформе: самозащита от бандитизма, простейшая кооперация и т. п. Однако шэньши не намерены были мириться ни с какими формами организации крестьянства. За последние несколько месяцев в Гуандуне произошли на этой почве семь кровопролитнейших столкновений.

У гоминьдановцев не было глубокой и четкой аграрной программы. Китайское правительство стремилось как-нибудь временно сгладить классовые противоречия в деревне. Оно лишь в отдельных случаях отправляло войска на выручку крестьян, дабы не допустить их массового истребления. Ситуация, конечно, была связана и с крайним недостатком революционных организаторов, способных действовать в деревне. В крестьянских союзах объединились уже несколько сотен тысяч, а сплачивали их лишь около ста коммунистов. (Речь идет о людях, посланных из города, а не о коммунистах из местных крестьян). Только КПК воспользовалась постановлением I конгресса гоминьдана о работе в деревне, гоминьдановцы в крестьянские массы не шли, при всем этом даже нам, военным, а не политическим работникам, было ясно, что в Гуандуне назревает аграрная революция.

Такова, если говорить коротко, была та политическая атмосфера, в которой приходилось воевать и создавать вооруженные силы революции — Национально-революционную армию.

За два года перед этим в Гуандуне было 200-тысячное разношерстное неорганизованное милитаристское войско, которым командовали десятки грызшихся между собой генералов. Теперь мы имели вполне боеспособную, более или менее сплоченную армию в составе 21 дивизии. Еще несколько месяцев — и она будет готова к серьезным операциям за освобождение других провинций. Товарищи из войск Фэн Юй-сяна слушали рассказ о наших достижениях с завистью. Впрочем, были и «узкие места». На Юге ощущалась нехватка среднего командного состава. Чтобы преодолеть ее, при академии Вампу создавалась центральная школа по подго-

А. И. Черепанов

товке комсостава, возглавить которую должен был Чан Кай-ши.

Обменявшись сведениями с советниками из народных армий, мы пришли к заключению, что Национально-революционная армия была беднее войск Фэна вооружением и особенно артиллерией, пулеметов же было примерно столько же. Плюс к этому у северян имелась созданная с помощью наших товарищей кавалерия. Армия Фэна существовала уже семь-восемь лет, а Национально-революционную армию создали совсем недавно. И несмотря на все это, кантонцы в общем были не слабее Фэн Юй-сяна. А таких современных дивизий, как 1-я и 2-я дивизии Вампу, в Китае больше не было. Объясняется это, конечно, в первую очередь тем, что южнокитайская армия создавалась как вооруженная сила революции, а также большими средствами, выде-

ляемыми для нее кантонским правительством. Тогда из 5 млн. долларов ежемесячного дохода 4 млн. шло на армию.

Громадное значение имело развертывание в Национально-революционной армии политического воспитания солдат. В июле 1925 г. в Кантоне было создано Политическое управление, ПУР, как мы его называли по московской привычке. Во все дивизии уже были назначены начальники политотделов, а сами отделы организовывались. Незадолго до нашего отъезда в Кантон прибыли 250 политработников, среди них около ста коммунистов. Теперь коммунисты имелись в каждой дивизии, однако как старые войсковые командиры, так и гоминьдановцы косо на них посматривали.

В сущности, число коммунистов и в деревне и в армии было ничтожным, но работали они каждый за десятерых и были полны революционного энтузиазма. Во время второго Восточного похода ПУР уже смогло оказать огромную реальную поддержку фронту. Лишь за октябрь 1925 г. было роздано солдатам и населению более 2 млн. листовок, брошюр, плакатов. И семена революционных идей падали на благодатную почву. Войска, остававшиеся близ Кантона, два-три раза в неделю посылали своих представителей для политического инструктажа. В итоге ПУР установило более тесный контакт с частями, чем главный штаб.

Разумеется, революционная пропаганда в армии не проходила гладко. Для идейной борьбы с коммунистами в войсках правые гоминьдановцы создали так называемое «суньятсеновское общество», ничего общего не имевшее с революционной стороной учения Сунь Ят-сена. Гнездом реакционеров стала 2-я дивизия, которая не участвовала в военных действиях. За исключением нескольких старых командиров, в общество входила антикоммунистически настроенная молодежь 18—20 лет. Эта группа правых гоминьдановцев не делала погоды. Революционные силы крепли как в Гуандуне, так и за его пределами.

В это время кантонским правительством было заключено соглашение с гуансийцами. Гуансийские генералы для реорганизации своей 40-тысячной армии готовы были пригласить к себе гоминьдановцев и коммунистов. В период второго Восточного похода они сыграли ре-

шающую роль в ликвидации опасности со стороны южного фронта, где наступал гуандунский милитарист Дэн Бэнь-ин. Оказав поддержку НРА, они ушли обратно в свою провинцию.

К сожалению, в то время южнокитайскому правительству не удавалось установить прочные связи с Фэн Юй-сяном. Когда Фэн пригласил в Калган (Чжанцзякоу) одного из видных лидеров южан, генерала У Те-чэна, тот имел по этому поводу откровенный разговор с Николаем Терешатовым. У Те-чэн жаловался: «Фэн ведет политику „закрытых дверей", он охотно принимает гоминьдановцев по нашей просьбе, но этим дело и ограничивается. В полки он их не пускает и вести работу в армии не дает».

Надо сказать, что у нас, кантонских советников, не было постоянной надежной связи с дипломатическим руководством в Пекине. Почта и телеграф находились в руках англичан. Да и были мы настолько загружены, что некогда было информировать пекинских товарищей регулярно. Помню, приехал в командировку из Пекина советник Хмелев и говорит: «Давайте материалы!». А в Кантоне в то время было лишь трое наших работников, и они буквально разрывались на части. Не было времени отоспаться, не то чтобы писать подробные доклады.

К 1926 г. удалось объединить финансы Гуандуна, частично провести отделение гражданской власти от военной. Правительство взяло на себя содержание и снабжение армии. Все это создавало серьезные предпосылки для прочного сплочения армии, окончательной ликвидации розни внутри нее. Однако противоречия между отдельными командирами корпусов и генералами еще не были устранены.

М. М. Бородин, который за два с половиной года обнаружил большое дипломатическое искусство, умение путем разного рода комбинаций, учета характера кантонского гражданского и военного руководства добиваться решений, нужных для укрепления революционных сил, смотрел на вещи достаточно трезво и стремился максимально использовать обстановку и оправдавшие себя методы. Н. В. Кисанька (Куйбышев), заменивший В. К. Блюхера на посту главного советника южного правительства, был несколько более прямолинеен. Он ошибочно считал, что уже пройден переломный момент и

настала пора перейти к жесткой централизации в южной армии, к подчинению ее централизованному военному организму с ясными задачами, единообразной организацией, единой дисциплиной. Весь же опыт работы советников свидетельствовал о том, что Кисанька торопился, принимал за уже достигнутый тот этап строительства НРА, за который еще предстояло вести длительную и нелегкую борьбу.

Пока мы ожидали вызова на комиссию Бубнова, прошло несколько дней. Позже мы узнали, что 11 февраля 1926 г. на комиссии делал доклад военный атташе А. И. Егоров (будущий Маршал Советского Союза — один из прославленных военачальников Красной Армии времен гражданской войны, поэтому его мнение весьма интересно).

Егоров считал необходимым всесторонне проанализировать обстановку в Китае, выработать единый план действий. Он сообщил о том, что однажды уже была предпринята попытка пойти по такому пути. В Пекине созвали совещание, на котором присутствовали Карахан, Егоров, Войтинский, Соловьев и Трифонов. Они обсудили тезисы, составленные Г. И. Войтинским. Однако этим дело и закончилось.

14 февраля 1926 г. в одном из помещений посольства мы предстали перед начальством. Обратились было к А. С. Бубнову с положенным по уставу воинским приветствием, но он мягким движением руки остановил нас. «Имейте в виду, — сказал он, — что мы здесь как частные лица и я даже не Бубнов, а Ивановский». Затем он представил нам остальных членов комиссии: членов ЦК ВКП(б), секретаря Дальневосточного крайкома партии т. Н. А. Кубяка, крупного профсоюзного работника т. И. И. Лепсе, а также Лонгва, командира РККА, который был секретарем комиссии. Лепсе, с которым я был знаком по гражданской войне, изумленно протянул: «Во-от где ты, оказывается», — и дружески меня обнял. Не первый раз я встретился и с Лонгва.

Меры предосторожности, предпринятые в связи с приездом комиссии, показались нам разумными. Поскольку в те годы Китай кишел шпионами империалистов и белоэмигрантами, обеспечить безопасность крупнейших работников нашего государства можно было лишь строгой секретностью.

С особым интересом разглядывали мы А. С. Бубнова. Мы знали, что он еще в дореволюционное время был одним из самых замечательных организаторов партии, вместе с М. В. Фрунзе вел в подполье бесстрашную борьбу за сплочение иваново-вознесенских рабочих, не раз подвергался арестам. В 1917 г. он был членом той пятерки, которая руководила проведением Октябрьского вооруженного восстания, взятием Зимнего. В гражданскую войну в качестве члена Реввоенсовета он руководил многими операциями Красной Армии, в частности боями за освобождение Украины, и, наконец, всего лишь пять лет назад он заслужил орден Красного Знамени за участие в подавлении Кронштадтского контрреволюционного мятежа.

Помню, что в начале встречи все мы несколько сбивчиво и торопливо начали высказывать членам комиссии свои соображения по общеполитическим вопросам в Китае. Пальма первенства здесь принадлежала, разумеется, Нилову и Н. Терешатову, поскольку они оба хорошо разбирались в этих вопросах, работая в аппарате главного советника М. М. Бородина. Терешатов вскоре после приезда в Кантон перешел туда из академии Вампу, а Нилов состоял там временно.

Бубнов сперва терпеливо все это слушал, а затем очень тактично прервал кого-то, спросил, как идет учебная работа в Вампу. Выяснилось, что Бубнов, будучи руководителем политработы в армии, глубоко знает и чисто военные вопросы, повседневную армейскую жизнь. На этот вопрос отвечал в основном я.

Вскоре определилось главное направление беседы. Товарищей в первую очередь интересовала перспектива осуществления Национально-революционной армией Северного похода. Надо сказать, что по этому вопросу Нилов и Терешатов высказали разные точки зрения. Нилов категорически заявил, что через два-три месяца против милитаристов Центрального Китая могли бы выступить 30—40 тыс. солдат НРА, которые в состоянии даже освободить Пекин. Терешатов сказал тоже вполне определенно: «Предпринять сейчас поход на Север ни в коем случае нельзя». По его мнению, походу должна предшествовать длительная подготовка, необходимо приблизительно в течение года вести политическую работу в Гуандуне и соседних провинциях, создать достаточные

запасы вооружения и продовольствия, материальные средства. Терешатов считал: чтобы прочно закрепиться на Севере, надо иметь там какое-то военно-учебное ядро вроде академии Вампу. Нужно создать такой революционный очаг. Пусть год-два он влачит жалкое существование (Вампу восемь-девять месяцев «была ничем»), зато потом он сыграет свою роль.

Бубнов слушал товарищей очень внимательно, не отрывал от говорившего пристального взгляда больших голубых, очень красивых глаз. На его вопрос, стоит ли Северный поход вообще на повестке дня, Терешатов ответил утвердительно.

И Нилов и Терешатов высказали в связи с идеей Северного похода ряд ценных соображений. Нилов обратил внимание на проблему прочного закрепления завоеванной территории, а также указал на одну весьма специфическую, характерную для местных условий опасность — на вероятность присоединения к НРА огромного количества разгромленных милитаристских войск. Такие части, не прошедшие революционной обработки, могли бы создать несомненную угрозу в тылу.

Нилов призывал широко воспользоваться возможностями, открывшимися перед революционным правительством в Гуанси. По его мнению, отправив туда гоминьдановцев, коммунистов и наших советников, за три-четыре месяца можно было бы создать такое же положение, как и в Кантоне.

Нилов вообще был настроен в высшей степени оптимистично. Конечно, в те дни никто из нас и не подозревал, что всего-навсего один месяц отделяет нас от первой попытки Чан Кай-ши совершить контрреволюционный переворот, от известных «событий 20 марта» 1926 г. в Кантоне. Однако одни оценивали ситуацию более осторожно, другие весьма категорически. Нилов несомненно принадлежал к числу последних. Он заявил, что в Кантоне сосредоточена единственная в Китае дисциплинированная армия. «Правительство твердо знает, что если даже командир корпуса не вполне надежен (а на них теперь можно полагаться), то те, которые стоят под ним, не пойдут против кантонских властей. Сейчас нет в армии скрытой оппозиции, а тем более открытой оппозиции». Жизнь опровергла эти оценки. Впрочем, ошибался тогда не один Нилов.

Определив отношение к идее Северного похода в целом, А. С. Бубнов постарался получить от нас анализ ряда важнейших обстоятельств, которые могли бы быть порождены продвижением на Север. Прежде всего его заинтересовала перспектива возможной встречи Национально-революционной армии с войсками Фэн Юй-сяна после разгрома У Пэй-фу. Бубнов предупредил, что Фэн мог бы оказаться врагом южан и что во всяком случае в так называемых народных армиях придется вести серьезную политическую революционную работу, наподобие той, которую Красная Армия проводила в партизанских отрядах в годы гражданской войны.

Н. Терешатов высказал твердое убеждение, что армии Фэна через пару недель после встречи станут врагами НРА. «А если их здесь, на Севере, политически обработать?» — спросил Бубнов. «Тогда другое дело»,— ответил Николай. Он отметил, что в войсках Фэн Юй-сяна есть офицеры, окончившие академию Вампу, их можно использовать для агитации. Если даже удастся избежать противоречий с Фэном, подчеркнул Терешатов, НРА все равно следует закрепиться на занятой территории, прежде чем идти дальше. Бубнов уточнил: «Если бы южане укрепились в Среднем Китае, то нужно было бы заключить перемирие с Чжан Цзо-линем?». «Обязательно», — подтвердил Николай.

Бубнов захотел узнать наше мнение о возможности вмешательства империалистов во внутренние дела Китая с целью поддержки реакции. Терешатов высказал предположение, что англичане из Гонконга в ближайшие дни предпримут какую-то акцию против кантонских революционеров. «Гонконг в последнюю неделю заговорил совсем другим языком», — отметил он. 4 февраля местный генерал-губернатор произнес обвинительную речь против Кантона. А через день в Кантоне нагло высадились английские военные моряки, прибывшие из Сингапура, и устроили манифестацию. В японских газетах поднялся провокационный крик о том, что Япония поддержит англичан в случае конфликта.

Бубнов вновь задал вопрос: «Не могут ли из Гонконга нанести прямой удар по Кантону?». Мнения моих товарищей разделились. Нилов ответил отрицательно, а Терешатов с ним не согласился. Он сказал, что сделать «удар накоротке» (так в те времена выражались в

армии) империалисты вполне могут. Они же не побоялись расстрелять мирную демонстрацию в июне! Николай обратил внимание комиссии на то, что после начала большой забастовки в Гонконг подошли военные суда, прибыло 30 аэропланов. Англичане прилагают усилия к тому, чтобы сплотить силы реакции, связать союзом двух крупнейших милитаристов Среднего Китая У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана.

Лишь получив подробные ответы на ряд конкретных вопросов, А. С. Бубнов вернулся к анализу общих проблем: «Теперь относительно перспектив национально-революционного движения. Летом мы имели очень высокий подъем революционной волны, сейчас — полоса затишья. Будет ли следующий этап? И если впереди новый подъем, то как поведут себя купечество, буржуазная верхушка, не произойдет ли расслоение движения?». Нилов высказал мнение, что революционное движение в связи с наступлением НРА на Север может развернуться. Однако сам по себе Северный поход не вызовет подъема, необходимо готовиться к самой широкой пропаганде в массах, особенно среди крестьян.

Н. Терешатов также связывал возможность революционного взрыва с походом. Судя по прессе, сказал он, в Шанхае нарастает всеобщее недовольство милитаристами. Даже крупные купцы страдают от их произвола и беззакония. Единодушную ненависть вызывает и империалистическая политика.

Николай рассказал комиссии о таком характерном эпизоде. Советники предложили китайским преподавателям Вампу сфотографироваться на память и пригласили их в японскую фотографию. Последовал дружный отказ, никто не захотел сниматься у японцев.

Вспоминая сейчас свое участие в работе комиссии, я испытываю чувство известного удовлетворения, ибо последовавшие события частично подтвердили мои предположения. Я высказал мнение, что, начав Северный поход, НРА до Янцзы сможет продвинуться относительно легко, а после этого империалистические державы выступят против сил революции сплоченно, единым фронтом. Фэн Юй-сян, вероятно, также станет противником НРА. В армии на этом этапе потребуется большая реорганизационная работа. Возможно, часть бывших милитаристов отколется.

Я считал, что, двигаясь на север, южное правительство должно дать какой-то политический лозунг, чтобы поднять крестьянство. Для меня тогда уже было вполне ясно, что слабость национально-революционного единого фронта — в отсутствии у него четкой аграрной программы. К крестьянам, несшим на своих плечах всю тяжесть снабжения армии, нельзя было идти ни с чем. (На II конгрессе гоминьдана М. М. Бородин пытался провести лозунг снижения арендной платы — о конфискации помещичьей земли не могло быть и речи, — но он не был принят гоминьдановцами). Я указал также на отсутствие постоянной связи между советниками «южанами» и «северянами». Мы в Кантоне плохо знали, что делается у Фэн Юй-сяна. Иногда лишь с десяток выпускников Вампу направлялись в Калган, и через них удавалось получить кое-какие сведения. Между тем советники у Фэн Юй-сяна в своей работе, судя по их рассказам, делали те же самые ошибки, что и мы на раннем этапе пребывания в Кантоне.

А. С. Бубнов спросил: «Почему несвоевременно идет информация из Кантона?». «Обстановка в Кантоне была такая, — ответил Терешатов, — что каждый из нас, еле волоча ноги от усталости, должен был работать и некого было посылать».

В заключение беседы мы обсудили вопрос об организации работы советников, о сроках их пребывания в Китае. Терешатов высказался за то, чтобы почаще менять советников, дабы они не отставали в военных знаниях от быстро прогрессирующих командиров РККА. Я не мог не выступить против этой точки зрения. По моему мнению, следовало задержать в Китае хотя бы некоторых из советников, прибывших туда первыми. Ведь за два года работы мы хорошо узнали местные условия и сумели установить прочные связи с китайскими командирами, с которыми провели три военные кампании. Некоторые из взводных командиров на наших глазах выросли до командиров полка. Вновь прибывающим советникам пришлось бы все начинать заново и приложить большие усилия, чтобы завоевать тот авторитет, которым мы уже обладали. Для того же чтобы советники не отставали, следовало посылать их время от времени на лагерные сборы или на краткосрочные курсы на Родину.

Надо сказать, что высказанные мной мысли, видимо, совпали с мнением членов комиссии. Во всяком случае, перед тем как распрощаться, А. С. Бубнов откровенно выразил недоумение в связи с нашей готовностью вернуться на Родину: «Как же так, вы заложили прочную основу для создания единой революционной армии, заслужили широкое признание, у нас просят еще советников для работы в Китае, и в этот момент вы собираетесь домой?».

Мне Бубнов предложил поехать во 2-ю народную армию Юэ Вэй-цзюня в Кайфын, с тем чтобы оценить сложившуюся там обстановку и передать накопленный на Юге боевой опыт кайфынской группе советников. Отдохнув в Пекине, я должен был направиться обратно в Кантон. Я попросил немного времени на обдумывание этого предложения. «Может быть, что-то заставляет вас особенно торопиться с отъездом на Родину?», — поинтересовался Бубнов. Я признался, что такая причина существует. Перед отъездом я был принят в ряды партии, но не успел оформиться в райкоме и вот уже пятый год числился кандидатом. Бубнов с улыбкой ответил: «Этот вопрос я берусь уладить иначе. Когда вы вернетесь на Родину, я войду с ходатайством в Центральный Комитет, чтобы вам был засчитан партийный стаж с момента нашей беседы».

Мы вышли из комнаты, где происходила встреча, с чувством удовлетворения. На нас произвело большое впечатление стремление А. С. Бубнова, одного из старых работников партии, которым посчастливилось пройти ленинскую школу, по-настоящему глубоко разобраться в обстановке в Китае, достоинствах и недостатках нашей работы в этой стране. С огромным вниманием комиссия выслушивала мнение каждого из нас. Мне кажется, что нам удалось высказать ряд полезных соображений, которые в дальнейшем помогли осуществлению обширной программы советской помощи китайской революции.

Я столь подробно осветил нашу встречу с комиссией Бубнова прежде всего для того, чтобы показать всю глубину заинтересованности нашей партии проблемами освобождения Китая. Да, мы не были похожи на сложившийся тип военного советника из империалистической страны, простого наемника, несущего службу ради

заработка. Каждый из нас был проникнут идеей пролетарского интернационализма, именно оттого мы трудились в Китае, не покладая рук, старались как можно глубже проникнуть в существо сложных задач, стоявших тогда перед китайским народом. Это и нашло частично отражение в беседе с членами комиссии.

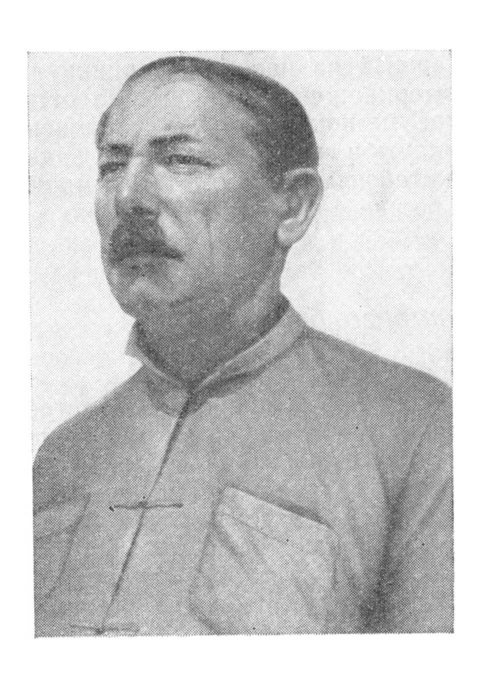
Глазами старого большевика

Выйдя из здания, где происходила встреча, мы внезапно услышали пронзительный мальчишеский вопль. Откуда-то из-за угла выбежал прямо на нас младший сынишка М. М. Бородина Норман, высоко держа окровавленный палец. Поблизости стояла Фаня Семеновна. Всхлипывая и запинаясь, Норман стал ей жаловаться на старшего брата Фреда, который нечаянно чем-то прищемил ему руку. Фред держался в стороне и смущенно улыбался. Фаня Семеновна со свойственной ей решительностью мгновенно разобралась в ситуации и поступила как опытный воспитатель. Отчитав Нормана-ябеду, она отправила его забинтовать палец и, лишь когда он скрылся за дверью, негромко прочитала нотацию Фреду.

Вслед за тем Фаня Семеновна обратилась к нам: «Вас просил зайти Михаил Маркович». Бородин вышел навстречу. «Извините, что не в парадной форме, не успел переодеться, завтра мой доклад на комиссии, и я к нему усиленно готовлюсь», — пробасил он. На Бородине было китайское одеяние: халат с высоким воротником, который он часто носил и в Кантоне и который отлично сидел на его плечистой, несколько грузной фигуре.

Бородин обратился к нам с просьбой внимательно ознакомиться с тем, что он написал. «Фаня, проводи, пожалуйста, товарищей на террасу и организуй им чай. У них, наверное, после комиссии большая жажда»,— шутливо усмехаясь в густые усы, сказал он жене. Фаня Семеновна в те годы несла обязанности секретаря Бородина и справлялась с ними образцово.

Мы получили от Михаила Марковича первый экземпляр только что завершенного доклада и отправились его изучать. Нужно ли говорить о том, с каким огромным

М. М. Бородин — главный политический советник

интересом читали мы каждую страницу. Только что прошла перед нашими глазами цепь бурных, подчас захватывающе неожиданных событий китайской революции, но у нас, военных советников, не было возможностей оценить их исторический смысл. Мы были в самом их центре, боролись с контрреволюцией вооруженным путем и не имели возможности окинуть взглядом всю южнокитайскую политическую панораму. Мы были молоды, не имели достаточного опыта революционной борьбы и по-настоящему глубоких марксистско-ленинских знаний. Теперь же нам представился случай увидеть глазами старого большевика, прошедшего в политике огонь, воду и медные трубы, все то, что подчас мелькало перед нами, как разрозненные кадры киноленты. Бородин пользовался в Кантоне огромным авторитетом, он в первую очередь руководил проведением в жизнь всей программы нашей помощи китайской рево-

люции на юге страны, поэтому от его оценки событий, анализа перспектив национально-освободительного движения зависело очень многое.

Мы вырывали друг у друга прочитанные страницы, спорили, делали кое-какие выписки. Несомненный интерес для историков представляет периодизация Бородиным процесса борьбы за создание в Гуандуне революционной базы. Он разделил его на ряд этапов.

Первый — сентябрь 1923 — январь 1924 г., когда определялась роль гоминьдана в национальной революции. Второй — январь — сентябрь 1924 г., этап вовлечения в движение народных масс, создания Национально-революционной армии. Ликвидация мятежа «бумажных тигров», по мнению Бородина, показала, что Сунь Ят-сен, когда возникла необходимость, не остановился даже перед разрушением собственности буржуазии. Третий — сентябрь 1924 — весна 1925 г. Поездка Сунь Ят-сена на Север и первый Восточный поход. На Севере Сунь Ят-сен убедился в нереальности создания национального правительства на основе соглашения с милитаристами и перед смертью завещал китайской революции идею прочного союза с СССР. Четвертый — борьба с контрреволюционным выступлением Ян Си-миня и Лю Чжэнь-хуаня, юньнаньских и гуансийских милитаристов, завершившаяся 12 июня 1925 г. Бородин отмечал, что оба были членами ЦИК гоминьдана. «В сущности, это была борьба с правым течением в партии». Пятый — 12 июня — 20 августа 1925 г. Этап борьбы левого крыла гоминьдана за власть. Провозглашение образования национального правительства. Концентрация руководства в Политбюро ЦИК гоминьдана. Шестой — 20 августа 1925 г. Убийство агентами реакции самого верного последователя Сунь Ят-сена — Ляо Чжун-кая и разоружение армии собственно кантонских милитаристов во главе с Сюй Чун-чжи. «В этой борьбе, — подчеркивал М. М. Бородин, — основную роль сыграли забастовавшие после шаманьских расстрелов 100 тыс. рабочих Гонконга и Кантона». Седьмым этапом был второй Восточный поход против коалиции Чэнь Цзюн-мина и правых гоминьдановцев, ставленников Гонконга.

Михаил Маркович определенно считал главным достижением всей работы на Юге то, что удалось поднять

на борьбу массы. Он писал: «Я должен сделать одно историческое заявление. Все то, что было сделано в Гуандуне с 12 июня и до последнего поражения противника, было возможно только благодаря забастовкам. Если бы не Гонконг-Кантонская и Шамяньская забастовки, я не думаю, чтобы все выступления были бы так удачны и положение так прочно». Для Бородина, как подлинного марксиста-ленинца, в центре внимания неизменно находился рабочий класс.

Из доклада видно было, что КПК играла тогда значительно бóльшую роль, чем можно было бы предполагать, исходя из ее крайней малочисленности. Бородин отмечал: «Коммунисты всегда оказывались наилучшими, наиболее преданными, наиболее честными работниками в армии, наиболее храбрыми в той или иной кампании».

Но М. М. Бородин был высоким советником ЦИК гоминьдана и национально-революционного правительства, поэтому, естественно, главной его задачей было осветить процесс государственного строительства на Юге, борьбу внутри гоминьдана. Ряд страниц посвящен упорной работе по консолидации революционных сил, созданию более или менее прочной власти. Здесь Бородину пришлось проявить все свое искусство, чтобы помочь Сунь Ят-сену от первозданного хаоса безвластия и непрестанной борьбы милитаристских клик перейти к закладыванию основ государственного и партийного аппарата. О первом этапе этой работы Бородин рассказывал так: «Нет двух человек, которых можно объединить на чем-либо без невероятнейших трудностей. Кантон — это какое-то вавилонское столпотворение, в котором можно совершенно потеряться».

Первоначально приходилось в интересах будущего более или менее ловко маневрировать между противоречивыми интересами отдельных генералов и гоминьдановских политиканов. Сунь Ят-сен еще до 1924 г. хорошо понимал, что на таких приемах далеко не уедешь. В сущности его северные экспедиции были попыткой вырваться из тягостной зависимости от милитаристов, однако они были тогда обречены на неудачу. После смерти Суня стало совершенно ясно, что некоторые гоминьдановцы из его окружения, особенно Ху Хань-минь, погрязли в этом болоте интриг, подсиживания, шантажа

и т. п. Вокруг Ху как раз и сплотились такие разложившиеся гоминьдановцы.

Опираясь на более левых гоминьдановцев, М. М. Бородин вместе с коммунистами боролся за ликвидацию этого скверного наследия прошлого, за сплочение всех сил национальной революции под знаменем единого фронта и подлинного суньятсенизма. Ему удалось добиться многого, но последующие события показали, что и он сильно преувеличивал достижения того этапа. Как и другие, он не предвидел возможности «событий 20 марта». В докладе своем он писал: «С уходом Сюй Чунчжи, с разоружением Ляо Хун-кая, с высылкой в Москву Ху Хань-миня в Кантоне получилась как бы единая прочная власть... из шести командиров корпусов можно считать четверо надежных [1]. С ними у нас вряд ли будут недоразумения... С этими командирами можно будет проделать большую работу». Как мы видим, Бородин дал в известной мере обмануть себя той самой беззастенчивой демагогией, которой были полны тогда все выступления названных им политиков и генералов.

Бородин недооценил и опасность так называемого «суньятсеновского (правильнее было бы сказать антисуньятсеновского!) общества», хотя и наметил меры борьбы с ним: вычистить из армии часть контрреволюционных офицеров, придать организации характер образовательных кружков и т. п. Справедливо отметил Михаил Маркович серьезную ошибку молодой КПК, которая не стала вести в этой организации работу.

Особенно интересен был анализ перспектив революции в свете решения ее аграрной проблемы. «Я лично думаю, — писал Михаил Маркович, — что самым главным оплотом империализма в Китае вообще и в особенности в Гуандуне являются не милитаристы, а земельные отношения, отсталые, средневековые отношения».

Михаил Маркович уже тогда превосходно понимал, что борьба за решение аграрной проблемы не пойдет гладко, что она будет связана с серьезнейшим взрывом внутренних противоречий в едином фронте революционных сил. «Разбить генералов, — писал он, — это одно,

---

[1] Бородин, вероятно, имел в виду 1-й корпус Чан Кай-ши, 2-й корпус Тань Янь-кая, 3-й корпус Чжу Пэй-дэ и 4-й корпус Чэн Цяня.

а взяться за изменение земельных отношений, за изменение налоговой системы, — это несравненно более трудная задача, чем бить генералов. Тут встретишь сопротивление целых классов, социальных слоев населения, живущих на 65-процентную эксплуатацию труда крестьян».

Бородин со всей четкостью поставил вопрос: пойдут ли гоминьдановцы на проведение аграрной реформы? По его мнению, в гоминьдане должен произойти раскол, левое его крыло пойдет на это, а иначе «ничего не выйдет». Бородин провозглашал, что отныне левым гоминьдановцем можно будет считать только того, кто находит, «что национально-революционное движение в Китае победит только через аграрную революцию».

Из доклада Бородина вытекало, что увлечь левых гоминьдановцев за собой в этом вопросе будет очень и очень нелегко. Когда-то Бородин рекомендовал Сунь Ят-сену издать декрет, предоставляющий крестьянам право организовываться. Позже был подготовлен также декрет о сокращении арендной платы на 25%, но он, по словам Бородина, «лежал в архиве». Несмотря на все это, Михаил Маркович считал, что теперь, когда силы революции окрепли, можно и нужно повести левых гоминьдановцев на аграрную реформу.

М. М. Бородин доказывал в докладе, что необходимость решения земельной проблемы заставляет подумать об аппарате власти в деревне, где пока хозяйничают уездные начальники. «Если продолжать создание крестьянских союзов, то неизбежна борьба с шэньши. В случае проведения Северного похода этот же вопрос встанет и в Хунани и в Гуанси, повсюду... Новое антиимпериалистическое государство не может быть построено без того, чтобы не разрешить аграрной проблемы». Необходимо, считал он, популярно изложить программу ее решения и дать такой документ в качестве лозунга. Бородин обратил внимание на то, что во время столкновений крестьян и помещиков в Гуандуне левые гоминьдановцы поддержали народ оружием, и сделал вывод: «Я думаю, что если мы (т. е. руководство революционных сил. — *А. Ч.*) решим взяться за подготовку земельной реформы, необходимой для создания прочной власти на местах в Гуандуне и для успеха Северной экспедиции, то у левых гоминьдановцев препятствий

не встретим. Это приведет, несомненно, к расколу гоминьдана, но другого выхода нет».

Только с аграрной реформой образуется база для настоящего антиимпериалистического государства, «которое одной лишь уступкой со стороны держав в отношении неравных договоров не будет довольствоваться, а пойдет дальше в своей борьбе с экономической властью империалистов в Китае». Бородин указывал, что на такой путь толкают силы единого революционного фронта и назревающая стихийная борьба самих народных масс: «Вряд ли мы можем удержать крестьян от преждевременных выступлений под предлогом, что мы-де еще не готовы».

Исходя из таких общих предпосылок, Бородин предлагал решать и другую неотложную в то время проблему: Северный поход НРА. В пользу его проведения он привел следующие доводы. Северные милитаристы сейчас заняты войною, а потом английские империалисты, особенно в случае победы У Пэй-фу, приложат все усилия, чтобы через свою агентуру натравить их на Кантон.

Однако главное — другое. В результате объединения Гуандуна, разгрома милитаристов, строительства прочного государственного аппарата, стабилизации финансов в провинции наступило экономическое оживление. Буржуазия воспряла духом, и ее охватила горячка обогащения, этакое грюндерство (Бородин писал «гуандунский нэп»). Многие гоминьдановцы решили, что «теперь надо отдохнуть».

Империалисты учитывали эти настроения. Гонконг намеревался дать заем на постройку железных дорог, японцы — основать концессию по разработке нефти на юге провинции. Буржуа, входившие в революционный лагерь, готовы были ради наживы забыть о задачах национальной революции. Бородин резюмировал: «Оставаться в Гуандуне и не готовиться к Северному походу, фактически не выйти на большую дорогу национально-революционного движения, значит раньше или позже стать жертвой гуандунского нэпа и подвергнуть все наши революционные силы разложению».

Однако Бородин многократно подчеркивал свою основную мысль: «Идти в Северный поход лишь для того, чтобы наказать милитаристов и учредить честное правительство, просто смешно». Лозунг «Милитаристы

являются прислужниками империалистов» устарел уже и в Гуандуне. Двигаться с ним на Север нельзя. Для Северного похода нужна серьезная политическая и экономическая платформа. По приезде в Кантон Бородин собирался разработать и предложить южному правительству программу борьбы за аграрную революцию. Северный поход не должен был походить на северные экспедиции Сунь Ят-сена.

Нужно было в соответствии с аграрной программой решить вопрос о принципах организации власти на освобожденных территориях.

Бородин указал на еще одно благоприятное обстоятельство: в Южной Хунани тогда находилась значительная дружественно настроенная армия (4-я дивизия Тан Шэн-чжи); если туда отправить для агитации гоминьдановцев и коммунистов, то эту часть провинции можно будет легко захватить.

С особым вниманием несколько раз перечитывали мы последнюю страницу доклада, на которой М. М. Бородин кратко сформулировал свои выводы. Главными задачами революционных сил он считал укрепление левого крыла в гоминьдане и армии, налаживание работы среди крестьян, усиление профсоюзов, внедрение в них коммунистов, количественный и качественный рост компартии, концентрацию сил партии на решении основных задач, из которых одна — это участие в организации и проведении северной кампании.

Нравы вчерашних милитаристов

Под сильным впечатлением вышли мы от Бородина. Хотелось поскорее остаться одному, чтобы в тишине без спешки еще раз обдумать важнейшие проблемы, затронутые Бородиным. Однако мне пришлось задержаться. Михаил Маркович пригласил меня на семейный совет. В повестке дня был один вопрос: «Как быть с Фредом?». Старший сын Бородиных подрос, и нужно было решить, где он должен учиться. Бородины приняли мое предложение отправить Фреда в Москву в артиллерийское училище. Через 15 лет Фред Михайлович в звании

Советник А. Лапин

полковника Советской Армии погиб, защищая столицу от немецких захватчиков.

Хотя я и попросил у комиссии дать срок для размышлений, у меня не было никаких сомнений. Хочется или не хочется, а в Хэнань надо ехать — долг велит! В ожидании отправки я провел несколько дней в Пекине. Здесь состоялось мое знакомство с двумя замечательными людьми, которое в дальнейшем перешло в прочную многолетнюю дружбу.

23 февраля 1926 г. я обедал в ресторане при гостинице «Пекин». Внезапно где-то рядом женский голос произнес: «Это из безработных».

Я сразу понял, в чем дело. Будучи в Китае, мы увидели на страницах «Правды» ответ председателя Совнаркома на нескромный вопрос иностранных корреспондентов: «Работают ли советские командиры советниками в китайских армиях?». Отрицать наше присутствие в Китае было бы нелепо, но приходилось учитывать и нелегкую международную ситуацию того времени, по-

этому ответ был сформулирован весьма дипломатично. В нем было указано, что Красная Армия по окончании гражданской войны демобилизовала значительное число командиров, переводя их в запас. Предоставить им всем немедля подходящую работу было невозможно. В это время доктор Сунь Ят-сен обратился к правительству СССР с просьбой о присылке советников. Учитывая существующую во взаимоотношениях между государствами практику приглашения иностранных специалистов, Совнарком разрешил командирам запаса по их желанию выехать на работу в Китай.

Мы восприняли это разъяснение не без теплого юмора. Конечно же, отправились мы выполнять почетное задание Родины с ведома и разрешения партии и правительства. Конечно же, руководствовались мы, изъявляя согласие на отъезд, чувством интернационализма, братской солидарности с великим китайским народом. И конечно же, перед тем мы служили в рядах РККА. С тех пор мы стали шутки ради именовать друг друга «безработными». Поэтому, услышав упомянутую фразу, я понял, что относится она ко мне.

На меня из окна падал слепящий веселый луч света. Как бы желая от него избавиться, я пересел на другой стул. Вижу неподалеку обедает молодая пара: темная шатенка, одетая по последней моде, и по-южному черноватый мужчина, который рассматривал меня добрыми улыбающимися глазами. Женщина что-то шепнула ему, он забавно передернул плечами и уставился в тарелку, чтобы не показаться излишне назойливым. Я в свою очередь стал усердно разглядывать меню. «Не похожи на эмигрантов, — подумал я. — Но и в посольстве они мне не попадались. Кто же это?».

В тот же вечер я отправился на званый товарищеский ужин в честь восьмой годовщины РККА к Альберту Лапину (Сейфуллину), исполнявшему обязанности военного атташе. И первым, кого я там встретил, оказался, к моему изумлению, тот самый молодой человек, вызвавший мое любопытство в ресторане. «Галина не ошиблась, что вы из «безработных»», — произнес он с заметным иностранным акцентом, знакомясь со мною и крепко пожимая мне руку.

Это был Иван Винаров, болгарский революционер. В конце 1922 г. с помощью партии он бежал из тюрьмы

и, переплыв на лодке значительное расстояние по Черному морю, добрался до СССР. Здесь он кончил командные курсы, служил в РККА, а ныне был советником в одной из народных армий Фэн Юй-сяна. Его жена, москвичка, Галина Петровна работала стенографисткой посольства. При первом взгляде я подумал, что она, вероятно, «бестужевка», т. е. окончила знаменитые курсы в Ленинграде, но оказалось, что образование она получила менее демократичное — в институте благородных девиц.

Много с тех пор воды утекло, но моя дружба с Винаровыми не ослабела. Когда я думаю о них, неизменно вспоминаются полюбившиеся мне строки замечательной литовской поэтессы Саломеи Нерис:

Пускай клянут уста пророка
несовершенство бытия —
есть дружба верная без срока,
а в ней светла печаль моя.

С Альбертом Лапиным, у которого мы впервые встретились, я был знаком еще по академии. Это был знающий, энергичный командир, выросший позже до крупнейшего военного работника. Был он задорно, неистощимо весел. У Лапина собрались человек десять, главным образом советники. Вечер прошел великолепно, наша молодая жизнерадостность била ключом, не смолкали остроты. Перед тем почему-то сменились один за другим два или три военных атташе. По этому поводу один из советников спел пародию собственного сочинения на музыку арии князя Галицкого: «Если б мне такая честь: атташе военным сесть...».

Вскоре после праздника направился я вместе с советником Булиным в Хэнань. В те времена не было столь совершенного транспорта, как ныне. Поэтому в дороге у меня было достаточно времени поразмыслить, как лучше выполнить задание А. С. Бубнова. Я еще и еще раз перебирал в уме все сведения о Фэн Юйсяне и его разношерстных народных армиях, полученные от коллег по работе, особенно от Лапина, или почерпнутые из прессы.

Перед отъездом я всем надоедал расспросами, стараясь как можно подробнее узнать о калганской и кайфынской группах советников. Я старался понять, в чем

отличие тамошней обстановки от привычной для меня кантонской и как надо изменить методы нашей работы в хэнаньских условиях.

Первая народная армия Фэн Юй-сяна в то время держала в своих руках столичную провинцию Чжили, вклинившись между двумя наиболее мощными группировками милитаристов: фыньтянской (мукденской) кликой маньчжурского сатрапа Чжан Цзо-линя, ориентировавшегося на японских империалистов, и чжилийской кликой У Пэй-фу, за спиной которой стояли США и Англия.

Совсем незадолго перед этим военная обстановка была великолепной для Фэна: генерал Го Сун-лин восстал против Чжан Цзо-линя и двинулся на Мукден, его войска стояли уже на реке Ляо. Однако, когда надо было спешно «ковать железо», сказались все недостатки 1-й народной армии: ее общие военные планы были скрыты от наших советников, которых не допускали к оперативному руководству, генералитет же не намеревался сражаться всерьез, не хватало оружия.

Го Сун-лин с помощью японцев был разгромлен. Возникла серьезнейшая угроза Пекину. Но фынтянцы приостановили наступление. В это время завязались бои между 2-й народной армией Юэ Вэй-цзюня, в которую я направлялся, и войсками У Пэй-фу. Наше военно-дипломатическое руководство в Пекине перед моим отъездом полагало, что у Юэ хватит сил защитить Хэнань. Что же касается слабой и несамостоятельной 3-й народной армии генерала Сунь Юэ, то она стояла в то время в Шэньси в отрыве от основных сил. Как 2-я, так и 3-я народные армии были оторваны от непосредственного руководства Фэн Юй-сяна.

О самом Фэн Юй-сяне приходилось тогда слышать повсюду. Постепенно в уме моем обрисовался чрезвычайно четкий, колоритный, запоминающийся образ этого генерала. Фэн резко отличался от прочих милитаристов. Каждую минуту он подчеркивал свой крайний демократизм и бескорыстие.

Если тощий, сутуловатый Чан Кай-ши, разыгрывая из себя революционера, брал криком, то Фэн работал «под мужичка». Этому способствовали его богатырская фигура, округлая физиономия с плутоватыми глазами. В. М. Примаков, глава калганской группы советников,

говорил мне, что Фэн очень напоминает ему украинского сельского старосту, который «сам себя перехитрил».

В Калгане Фэн основал одну из крупнейших в Китае фирм по торговле пушниной. Имея свой банк, он был очень богатым скотовладельцем. Это нисколько не мешало ему виртуозно исполнять роль человека из самой гущи народной. Вот несколько примеров его актерского мастерства.

Народная армия избавила от длительной осады столицу Шэньси — Сиань. Город был загажен, всюду валялись трупы, которые от жары начали быстро разлагаться, грозила эпидемия. По предложению наших советников решено было устроить по образцу знаменитых субботников трехдневную чистку города. Фэн не остался в стороне. Он всюду горячо выступал, разъясняя смысл затеи, а затем, напялив самодельный противогаз, взяв в руки лопату и тачку, два дня трудился под палящим солнцем наравне со всеми прочими...

Другая сцена. Фэн Юй-сян едет в Чжэнчжоу. Как и положено главкому, он занимает классный вагон, окружен «бодигарами» (телохранителями). Но на последнем полустанке Фэн берет солдатский зонтик, прицепляет белый мешочек с сухарями, непременную принадлежность воина, и переходит в теплушку. На вокзале офицеры бросаются к генеральскому вагону. А Фэн меж тем скромно выходит из солдатского. Эффект колоссальный! Подают машину. Фэн смущается: «Как много беспокойств...».

Фэн умел говорить с солдатами. Вот он устраивает смотр боевых позиций у Тунгуаньского горного прохода. Построены войска, которые находились в провинции Ганьсу, Фэн их не видел год или два. В них много новых солдат. Фэн влезает на стол и громогласно вопрошает: «Кто меня еще не видел?». Снимает шапку: «Посмотрите теперь на Фэна!». Потом начинает рассказывать, как он заботится о них. И в самом деле, рядовые в 1-й народной армии были одеты лучше, чем южане, и питались сытнее. Фэн и сам всюду появлялся в солдатском обмундировании.

Подобным же образом генерал заигрывал и с населением. Проезжая на машине через какой-нибудь городок и видя уличного торговца вареным рисом, он

приказывал затормозить. Ему накладывали полную плошку риса, которым угощал он и советников, и сопровождающих офицеров, и солдат. Те в духе традиционной вежливости отнекивались: «Уже кушали!», Фэн настаивал. Все это очень импонировало народу — командующий не гнушается обычной едой...

Во время того же тунгуаньского смотра Фэн велел собрать несколько тысяч крестьян и обратился к ним с речью. Некогда, в бытность простым милитаристом, он был уже дубанем Шэньси. Теперь он говорит аудитории: «Товарищи! Я тогда ничего хорошего не сделал для вашего блага. Я был тогда плохой человек». И, конечно же, обещает исправиться.

Вообще речи Фэна содержали тогда немало верного и прогрессивного: он призывал покончить с неравноправными договорами, много рассказывал о Советской России. Часто он резко критиковал древнюю конфуцианскую мораль, высказывался против ее требований и традиций (бесконечные неискренние церемонии — комплименты, многочасовые обязательные угощения по определенным правилам и т. д.).

Как известно, Фэн был христианским генералом, насаждал в армии западную религию. Он старался привить офицерам определенную мораль, ввел для них правила: не тратить более назначенной небольшой суммы на своих гостей, говорить правду в глаза о плохом, не давать начальству взяток в виде подарков, не отзываться о близких своих по-разному очно и заочно и т. п. Известно, что однажды в ответ на предложение наших советников наладить в армии политработу Фэн, указывая на священников-миссионеров, изрек: «Вот мои политработники!».

При всем этом христианство не пустило глубоких корней в армии Фэн Юй-сяна. Лапин рассказывал о таком случае. Как-то его послали вместе с квартирьерами в Лоян отыскать помещение для штаба фронта. Местное начальство предложило занять христианский храм, исходя, видимо, из того, что войска частенько обосновывались в китайских кумирнях. Лапин наблюдал с любопытством, как отнесутся к религиозной святыне фэновские офицеры. Те безо всяких эмоций полезли на алтарь, стали бренчать на фисгармонии и чуть ее не разбили. Лапину пришлось даже их утихомиривать.

Вообще народные армии были противоречивым явлением. Как говорил Лапин, многое издали казалось одного цвета, а вблизи оказывалось другого. Поговаривали, например, о том, что среди командиров дивизий у Фэна есть выходцы из народа, из бывших конюхов или поваров. При знакомстве же с ними выяснилось, что все они стали обычными милитаристами и даже думать забыли о своем социальном происхождении.

Самое важное было то, что Фэн давал большие возможности для организации массового движения на подвластной ему территории. Там насчитывалось до 40 тыс. членов профсоюзов, рабочие могли, например, устраивать торжественные заседания, на которых присутствовали сотни людей. Коммунисты, работая под видом гоминьдановцев, должны были активно использовать эту необычную атмосферу легальности.

Что же касается отношений между нашими советниками, с одной стороны, и генералами и офицерами фэновских армий, с другой, то они по-разному складывались в Калгане и Кайфыне.

М. М. Бородин говорил как-то, что во взаимоотношениях с китайскими политиками и военными можно выделить три этапа: на первом они смотрят на наших советников с подозрением, как и на других иностранцев; на втором начинают понимать, что мы приносим пользу национальной революции бескорыстно, из идейных соображений; на третьем признают ценность наших политических рекомендаций. Исходя из этого, можно сказать, что в то время на Юге мы давно уже вступили в третий этап, в 1-й народной армии — во второй, а во 2-й народной армии так и не выбрались из первого.

Все, разумеется, зависело от того, с каким идейным багажом, с какой целью едешь в Китай. Советникам — ландскнехтам из капиталистических стран, с их высокомерным, пренебрежительным, расистским отношением к китайцам, не удавалось завязать со своими подчиненными прочных связей. Так, некий Клоуз, который служил в войсках У Пэй-фу, проповедовал в книге «В стране смеющегося Будды», что с людьми Востока у человека Запада вовсе не может быть ничего общего, ему принципиально невозможно стать своим среди китайцев. Мы же легко заводили в Китае многочисленных друзей.

Конечно, на Юге, где царила атмосфера революци-

онного подъема, работать нам было много легче, чем в народных армиях Фэн Юй-сяна, который, например, однажды совершенно неожиданно заявил о намерении удалиться от дел. Перед отъездом мне пришлось слышать самые разнообразные толки об этой затее Фэна. Л. М. Карахан полагал, что она вызвана следующими причинами. Во-первых, у Фэна существуют разногласия со 2-й и 3-й народными армиями. Во-вторых, если он уйдет, то наступление Чжан Цзо-линя потеряет смысл, поскольку не на кого будет нападать. В-третьих (и это главное), Фэн не хочет брать на себя ответственность за положение дел в Пекине. А один из членов комиссии А. С. Бубнова, Н. А. Кубяк, уверял, что со стороны Фэна это просто демагогия, никуда на самом деле он не уедет, просто набивает себе цену. Фэн-де вспомнил об отъезде Сунь Ят-сена в 1918 г., когда, не поладив с местными милитаристами, он удалился в Шанхай, а впоследствии вновь был приглашен на Юг.

Так или иначе, но все наше руководство в Пекине считало в то время, что помощь народным армиям следует продолжать и расширять независимо от того, уедет Фэн или нет.

Единственным, но зато очень горячим противником этой установки оказался помощник А. И. Егорова Трифонов. На упоминавшемся выше заседании комиссии Бубнова он произнес взволнованную речь, в которой решительно отрицал необходимость поддержки Фэн Юй-сяна.

Трифонов рассматривал Фэн Юй-сяна как ординарного милитариста. Историю его разрыва с чжилийской кликой излагал по прописям английских публицистов и газетчиков. По этой нехитрой схеме события развивались так: У Пэй-фу вывел Фэна в люди. Он начал службу командиром бригады, а пришел к командованию 40-тысячной армией. Фэн предал своего патрона и благодетеля и поэтому в Китае «потерял лицо», ибо «нарушил конфуцианскую мораль». Тогда Фэну оставалось только подвести идейный фундамент под свой некрасивый поступок. Когда Трифонов все это рассказывал, то Лепсе очень метко заметил: «Одним словом, англичане Фэном недовольны!».

В Калгане Фэн, стремясь контролировать профсоюзы, выплачивал от себя их руководителям в несколько

раз большее жалованье, чем то, которое они получали по службе. Секретарь местного провинциального комитета КПК потребовал, чтобы эти деньги сдавались в партийную кассу, тогда Фэн настоял на его замене.

Трифонов очень пессимистично смотрел и на перспективы революционного движения. После полуторамесячной поездки по Китаю он пришел к выводу, что активное выступление масс было связано только с событиями 30 мая в Шанхае, что движение «не надежно». Хотя Трифонов не видел леса за деревьями, в его рассуждениях имелось и некоторое рациональное зерно. Так, например, он с полным основанием сетовал на то, что советники у Фэна были обречены на пассивность. «Их рассматривают как нелюбимых невест, служащих приложением к приданому», — говорил он.

Во 2-й народной армии наших людей не допускали за сто верст ко всем ключевым позициям: к штабу, оперативному руководству, снабжению. Хотя во 2-й народной армии было много гоминьдановцев, а в командном составе одной бригады имелись коммунисты, ее войска мало чем отличались от милитаристских. Контролируемый ею район был объят крестьянским восстанием, и генерал Юэ бросил целую дивизию на его подавление. В армии процветали мародерство и бандитизм, в одиночку опасно было ходить. Группа советников в Кайфыне, отрезанная стеной недоверия от живого дела, была предоставлена самой себе.

Констатировав все эти факты, Трифонов сделал, однако, из них весьма сомнительный вывод: идейное завоевание 1-й народной армии — «фантазия», а 2-й — «вопиющая нелепость». Эта концепция, выдвинутая Трифоновым, могла служить образцом узкого догматизма, сектантства, левачества, оторванного от жизни.

Перед китайской революцией стояла задача привлечь к борьбе за национальное освобождение всех союзников, даже временных и заведомо ненадежных. Этим нам и следовало руководствоваться. Трифонов же за революционной фразеологией скрывал неумение приспособиться к конкретным обстоятельствам, вести упорную и иногда неблагодарную работу среди вчерашних милитаристов.

На том же заседании комиссии политически более зрелые товарищи сумели разобраться в идеях Трифоно-

ва, «отделить в них пшеницу от плевела». Ответ ему дал А. И. Егоров. Он решительно высказался за продолжение помощи Фэну, приведя следующие доводы. Во-первых, прогрессивные настроения в 1-й народной армии были уже настолько прочны, что если бы даже Фэн уехал и вовсе отошел от движения, то часть войск осталась бы на стороне революции и сохранились бы связи с СССР. Во-вторых, мы уже втянулись глубоко в дело укрепления вооруженных сил Фэна. В-третьих, при всех условиях мы заинтересованы были в дружественно настроенных к нам соседях.

Вместе с тем Егоров вскрыл и основные причины недостатков в деятельности советнических групп. Не был выработан четкий политический курс в отношении народных армий. Видимо, нужно было настоять на допуске левых гоминьдановцев и коммунистов в войска для политической работы и ясно очертить круг задач наших советников.

А. И. Егоров отметил, что иногда в Китай отправляли людей без всестороннего учета их использования. Именно так было летом 1925 г., когда 40 человек разом были направлены в народные армии. Фэн допустил их почти исключительно к преподавательской работе в пехотной, артиллерийской и кавалерийской школах, но не дальше. Хотя план тяньцзинской операции народной армии был в основном выработан советниками, они не участвовали в проведении его в жизнь. А. И. Егоров предложил поддерживать курс Фэна на сплочение подвластных ему сил, давать всю помощь во 2-ю и 3-ю армии только через 1-ю, содействовать оборудованию в Тяньцзине морской базы для завоза вооружения.

Если А. И. Егоров набросал общие контуры решения фэнюйсяновской проблемы, то Бубнов на встрече с работниками посольства, состоявшейся 22 февраля 1925 г., предложил глубокий, четкий и всесторонний план дальнейших наших действий на Севере.

Эта программа не была умозрительной. Комиссия побывала в Калгане и Баотоу, чтобы, опираясь на известный принцип «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», выработать свои рекомендации на месте.

Общее впечатление от Фэна было таково: «Человек стоящий», который может пойти с национально-революционным движением и будет ему полезен.

Фэн принял комиссию на хуторе близ Баотоу, где он жил весьма скромно, готовясь к отъезду. Он вел беседу очень откровенно и заявил о полной уверенности в преданности армии. Дескать, будет ли он в Урге или в СССР, войска сделают то, что он скажет.

Придя к заключению, что за Фэна революционному фронту стоит бороться, А. С. Бубнов и Л. М. Карахан наметили важнейшие каналы влияния на народные армии. Было решено продолжать оказывать Фэну помощь в возрастающем масштабе, добиваться, чтобы к Фэну был направлен на роль политического советника крупный и опытный работник типа М. М. Бородина. А. С. Бубнов считал, что ЦИК гоминьдана следовало бы заняться специально подготовкой молодых революционных военных кадров для Фэн Юй-сяна.

Л. М. Карахан, согласившись с Бубновым в принципе, отметил огромные практические трудности. Он неоднократно телеграфировал в Москву о неотложной отправке подходящего главного советника к Фэну, но там никак не могли найти пригодного для такой работы человека.

У гоминьдана, который тогда стремительно рос, также не было готовых кадров для Фэна. Кантонские власти были еще бедны. Кроме того, Л. М. Карахан жаловался на то, что гоминьдановцы в отношении Фэна часто вели себя политически бестактно, не умели найти с ним общий язык. ЦИК направлял к Фэну недостаточно авторитетных людей.

По оценке комиссии, у Фэна было тогда к гоминьдану опасливое отношение. На любую тему Фэн рассуждал много и охотно, а о гоминьдане и политической работе говорил односложно, сквозь зубы. При всем этом, как определил Бубнов, он «идеологию национально-революционного движения в известной степени принял. Это бесспорно».

Для расширения гоминьдановского влияния на Фэна и народные армии тогда существовала надежная почва. День за днем в Китае увеличивался авторитет Кантона. В этом убедился М. М. Бородин, когда ехал в Пекин и специально расспрашивал представителей различных социальных кругов про их отношение к кантонскому правительству. Если ранее интеллигенция, одураченная прессой империалистов, видела в Кантоне «большеви-

стское гнездо», то теперь на преобразования в Гуандуне смотрели как на интересный и поучительный опыт позитивной государственной работы.

Бубнова и Карахана полностью поддержал Кубяк. Он особенно подчеркнул необходимость расширения программы помощи Фэну.

Карахан горячо отстаивал идею создания под Тяньцзинем образцовой революционно настроенной дивизии, что заметно облегчило бы дальнейшую работу с Фэн Юй-сяном. Бубнов, не возражая против этой мысли, порекомендовал принять все меры для того, чтобы Фэн как можно скорее вернулся к непосредственному руководству армиями.

В беседе с членами комиссии Фэн Юй-сян очень высоко оценил работу наших советников, Бубнов, однако, пришел к иному выводу. Отметив хорошие результаты деятельности Примакова и Броде по созданию кавалерии, он заключил: «Работа группы... ни в какой степени удовлетворительной признана быть не может».

Перед калганскими советниками в качестве ближайших целей были выдвинуты следующие: связаться теснее с Фэн Юй-сяном, быть в курсе организационных и оперативных мероприятий, начать вести штабную работу. А. С. Бубнов рекомендовал точно установить срок службы советников, предоставлять им отпуска, добиться нормальных жилищных условий для высшего комсостава. Советники обитали в казармах, где невозможно было продуктивно заниматься. Л. М. Карахан согласился с тем, что «инструктирование и руководство группой можно было поставить значительно лучше». Но вместе с тем он счел нужным защитить калганских советников, указав, что месяца четыре назад перед тяньцзиньской операцией они работали с полной нагрузкой, как следует. Ныне же их отстраняет от активной службы реакционер Чжан Цзин-цзян.

Чжан, отъявленный ханжа и прохвост, сплачивал вокруг себя все отрицательные элементы в армии Фэна. Он был против связей с СССР, и это сказалось в его отношении к комиссии. Проявляя формальную традиционную вежливость, он чинил препятствия как мог, вплоть до мелочей (заставил полчаса или более ждать приема, обещал дать специальный паровоз и не дал и т. п.). Чжан окружил себя миссионерами, они расха-

живали по двору дубаньского дворца, в приемной у него висела картина — Христос, молящийся на Голгофе.

В связи с оценкой значения одиозной фигуры Чжана разгорелся спор между Кубяком и Караханом. Кубяк, исходя из слухов, что Фэн перебрасывает войска без ведома Чжана, пришел к выводу, что в 1-й народной армии «не все благополучно», назревает конфликт. Возражая ему, Карахан утверждал, что любой приказ Фэна в армии будет выполнен, а влияние религии, миссионеров, на которых опирается Чжан, сужается шаг за шагом.

Надо сказать, что вся работа комиссии А. С. Бубнова в Пекине была связана с идеей Северного похода. И проблема Фэн Юй-сяна рассматривалась с учетом перспектив его осуществления. Конечный вывод Бубнова был таков: если полгода назад Северный поход был отвергнут, и вполне правильно, то теперь условия для него созрели, надо вести подготовку к нему, чтобы двинуться на Север через полгода-год (Карахан назвал другой срок — год-полтора). В первую очередь следовало обучить войска НРА действиям в полевых условиях, без чего нельзя выходить на просторы Среднего Китая.

У меня не было сомнений в том, что рекомендации комиссии А. С. Бубнова получат в основном одобрение в Москве. Меня до глубины души захватила намеченная Бубновым перспектива. Близок уже день, когда вооруженные силы революции решительно двинутся на освобождение Китая. Может быть, у молодой республики Советов на Дальнем Востоке появится могучий многомиллионный союзник! И мне вместе с моими друзьями предстоит принять участие в подготовке этого похода!

Но это все впереди, а пока нужно было с честью справиться с нелегким заданием. Внимательное изучение материалов совещаний комиссии, предоставленных Лонгва, многое мне дало, но отнюдь не успокоило, я яснее стал понимать всю ответственность поручения. Я же буду первым, кто на практике должен попробовать осуществить указания комиссии о работе в армиях Фэна по-новому. Бубнов и другие члены комиссии, конечно же, рассчитывают на то, что я сумею передать нашим коллегам на Севере приобретенные в походах навыки советнической работы, продемонстрировать им

«кантонский стиль» ее проведения. Как бы не ударить лицом в грязь!

В Чжэнчжоу я приехал под вечер 26 февраля 1926 г. Едва поезд стал притормаживать, как на ступени вагонов начали вскакивать какие-то солдаты, а затем, не давая выйти пассажирам, толкаясь и переругиваясь, они бросились занимать места. Я понял, что это офицерские вестовые. В городе эвакуация, и они спешат обеспечить вывоз семей своего начальства. На улицах — столпотворение, они забиты неорганизованной, бредущей безо всякого строя солдатней, денщики забрасывают багаж в автомобили, хватают и тащат за собой рикш.

Во французской гостинице, где я рассчитывал найти советников, встретил меня лишь переводчик-китаец. От него я узнал, что начальник кайфынской группы Синани (Скалов) и начальник штаба Роллан (А. В. Благодатов) на южном фронте в 7-й дивизии Дэн Бао-саня, а остальные — на восточном фронте при частях Тянь Юй-цзе.

Взятка, данная чиновнику на телеграфе, дала мне возможность известить Синани о моем прибытии. Я просил сообщить, как можно до него добраться.

Отправив китайца разузнать об обстановке и попытаться связать нас по телефону с кем-либо из советников (всюду ходили слухи, что Кайфын сдан), мы с Булиным поспешили в штаб командующего — дубаня Хэнани Юэ Вэй-цзюня. Охрана у дверей сказала нам, что генерал на вокзале и собирается ехать в Кайфын. На вокзале же мы узнали, что генерала здесь вовсе не было, он, безусловно, у себя в штабе. Возвратясь, я потребовал вызвать адъютанта и заявил ему: «Я представитель Карахана, командированный к советнику Синани с очень важными полномочиями. Я хочу немедленно видеть дубаня. Если он почему-либо в данную минуту не может меня принять, то я буду говорить с начальником штаба».

Не прошло и двух минут, как нас через внутренний дворик провели в комнату, битком набитую вестовыми, а затем в кабинет начальника штаба генерала Лю. Объяснив ему цель своего прибытия в Чжэнчжоу, я сказал, что мне необходимо переговорить с Синани по телефону.

— Где сейчас генерал Синани?

— Не знаю.

— А где остальные советники?

— Тоже не знаю. Может быть, вы мне скажете, — продолжал Лю, — какие сведения вы хотите передать Синани, или пожелаете поговорить с дубанем, он вас сейчас примет.

— Пока вы меня не соедините с Синани, я ни с кем и ни о чем разговаривать не буду. Вы выяснили, где Синани?

— Приказал узнать, — ответил генерал.

Вскоре в сопровождении солдата мы двинулись на телефонную станцию. Она отстояла от штаба на добрую четверть километра и не была с ним связана проводом. Синани сообщил мне, что 7-я дивизия ведет бой, результаты которого трудно предвидеть. Мы условились, что завтра до 14 часов я ему позвоню, если он не сумеет связаться со мною раньше.

Кайфын не отвечал. Телефонист, высказав громко предположение, что линия перерезана бандитами, шепнул затем переводчику: «Кажется, в Кайфыне уже враг».

На обратном пути мы зашли к Лю узнать о Кайфыне. В комнату вошел сам дубань. Он сделал вид, что не знал о нашем присутствии.

— Какие новости в Пекине? — спросил он меня.

— Перед отъездом я слышал, что войска 1-й армии сосредоточиваются южнее Тяньцзиня для наступления в Шаньдун.

Далее последовал такой диалог.

— Ах, этот Фэн! Я никогда не встречал такого скверного человека! — воскликнул дубань. — Все три армии должны были бы действовать как одна, на равных началах, а он выделяет свою, берет для себя больше денег, оружия, думает только о себе. Вот сейчас моя армия в очень тяжелом положении, враг наступает с трех сторон, а патронов нет.

— Что делается на восточном фронте, Кайфын сдан или нет? — спросил я.

— Конечно нет, дела обстоят неплохо. Дан приказ о переброске 7-й дивизии с юга на восток. Как только его выполнят, перейдем в наступление. Противник там слабый, бывшие наши части, перешедшие к У Пэй-фу.

— Когда вы рассчитываете завершить переброску?

— Сегодня ночью.

— Вряд ли это вам удастся даже по техническим соображениям, не говоря уже о том, что дивизия сейчас ведет бой.

— Не ночью, так завтра к вечеру она будет на месте, а до того времени восточный фронт продержится. На Юге совсем хорошо, так как в Хубэе началась гражданская война.

— Карахан очень заинтересован борьбой в Хэнани, — сказал я. — Он просит вас направить к нему представителя для оценки обстановки. Может быть, Карахан употребит свое влияние на 1-ю и 3-ю армии, и они облегчат ваше положение?

— Будет послан. В общем дела мои не так уж плохи. А что вы хотели передать генералу Синани?

— У меня есть поручение от Карахана, но об этом мы поговорим потом, после моего свидания с Синани.

Генерал Юэ проводил нас с Булиным до выхода и самолично распорядился отправить с нами солдата с фонарем.

На следующий день часов в 12 ко мне в гостиницу приехали Лю и еще один генерал, Ян; они заявили, что хотели бы поговорить со мной откровенно. Я предложил отложить беседу до возвращения Синани и попросил ознакомить с обстановкой.

— Все хорошо, — сказал Лю.

— Кайфын не сдан?

— Нет!

— Есть у вас дорога на случай отхода, и какова она?

— Дела не так плохи, чтоб нужно было отступать.

— А если пришлось бы?

— Не придется, в Хубэе гражданская война, подойдет 7-я дивизия, и мы двинемся в наступление.

— Как бы ни хороша была обстановка, всегда следует иметь в виду дорогу для отвода войск и позицию в тылу.

Начальник штаба мнется и молчит, а Ян не без колебания отвечает, что ему неизвестны замыслы дубаня, по его же мнению, в случае неудачи надо отступать по железной дороге. Затем мы говорили о японской военной школе, которую окончили оба генерала. Один учился чуть ли не на одном курсе с Чан Кай-ши, на что он особенно налегал. Обменялись мнениями о генералах Чэн Цяне, Ван Бо-лине (Ван Ма-ю) и др.

И. М. Ошанин

Неожиданно в гостиницу вошли несколько наших советников, среди них был мой однокурсник по восточному факультету Академии Генерального штаба — переводчик Илья Ошанин. Оказалось, что они добрались из Кайфына пешком.

Вид их потряс не только меня, но и китайцев: грязные, обросшие, измученные, со стертыми в кровь ногами. Я быстро спровадил генералов. Все стало ясно с первого взгляда — Кайфын был потерян.

Прежде чем перейти к изложению рассказа друзей о их злополучном путешествии, я хочу поведать о нашем знакомстве с Ильей Михайловичем Ошаниным четыре с половиной десятка лет назад.

Восточный факультет объединял тогда десятка два слушателей основного курса и несколько штатских товарищей, направленных на учебу различными советскими организациями. В числе их был и Ошанин, мы с ним оказались в одной китайской группе. Худ был тогда Илья Михайлович невероятно — кожа да кости. В классах не топили, и мы сидели на занятиях в верхней одежде. В затасканной донельзя солдатской шинели с

поднятым воротником, ссутулясь над столом, Илья методично заучивал китайские фразы. Одной рукой он перебирал квадратные клочки бумаги, на которых были написаны иероглифы, запоминая их начертание и произношение, а другой по неотвязной привычке теребил волосы на темени.

Учился он одновременно в двух местах: у нас и в Лазаревском институте восточных языков. Занимался зло, как говорят, грыз гранит науки и, казалось, отрешился от всего остального. Мы порой развлекались тем, что шли за ним по тротуару и наблюдали, как повторяет он иероглифику на ходу. Вот он замедляет шаг, останавливается, задумчиво смотрит на облака, а затем, склонив голову, начинает ногой рисовать на асфальте забывшийся знак. Вспомнив, удовлетворенный двигается дальше.

Много лет миновало. Илья Михайлович давно уже профессор, крупнейший в стране специалист по китайскому языку. Однако привычка во время работы перебирать на темени теперь уже, к сожалению, не волосы, а пушок осталась.

Но мне пора вернуться к рассказу о внезапной встрече с советниками, которые взволнованно изложили мне свою печальную одиссею. Обедая, они вдруг увидели через окно, как мимо их дома пронеслась на максимальной скорости генеральская машина, за нею последовали и другие. Вскоре по улице двинулись рикши, нагруженные военным имуществом, армейские двуколки, нестройные толпы солдат.

Спешно послали Илью Михайловича узнать, в чем дело. Вернувшись, Ошанин сказал: «По всему видно, что войска отходят». Поспешили в штаб, а там уже никого нет. Жители соседних домов, энергично махая руками в западном направлении, объясняли, что офицеры удрали.

Тогда наши советники поспешно остановили нескольких рикш, погрузили на их колясочки свои пожитки и последними покинули Ланьфэн. За городом ожидал их сюрприз — подходивший с юга враг уже простреливал дорогу. Стали прикидывать, как быть. Жена Ошанина Катя решительно предложила рискнуть: «Надо идти, пока они не прорвались». К счастью, удалось проскочить под огнем невредимыми. Стемнело. В полумраке совет-

ники увидели, что путь впереди проходит между двумя деревнями, находившимися на расстоянии полукилометра друг от друга. Из деревень кто-то открыл беспорядочный ружейный огонь, с дороги в ответ прозвучали несколько артиллерийских залпов — и все стихло. Друзья забеспокоились, не отрезаны ли они, не попали ли в окружение. Все же вновь двинулись вперед. Оказалось, что отступавший артиллерийский полк обстрелял «красные пики», крестьянская организация самообороны, чрезвычайно тогда многочисленная в Хэнани. Друзья миновали опасное место благополучно — может быть, нападающие в темноте приняли коляски рикш за движущиеся орудия и побоялись вновь открыть огонь.

На другой день, подходя к какой-то деревне, советники вновь услышали перестрелку. Развеял их тревогу прибившийся к ним в пути солдат. «Это же не выстрелы, — объяснил он, — рвутся праздничные хлопушки. В деревне справляют новый год».

И снова — несчастье. Заболел, обессилел, натер ноги и не мог продолжать путь пешком начальник группы П. Силин (П. М. Акимов). Выручил тот же солдат, он раздобыл в деревне тачку. В ней Силину и пришлось добираться до Кайфына. Отходящие части советники догнали лишь километрах в двадцати от города, где их остановил караул. Илья, показывая на сидящего в тачке Силина, растолковал офицеру, кто это. Неизвестно, был ли офицер изумлен необычным средством передвижения, избранным начальством, во всяком случае он отдал команду, и его солдаты торжественно взяли винтовки «на караул».

От Ланьфэна до Кайфына около 140—150 километров. Это расстояние советники покрыли за двое суток с небольшим, совершив поистине суворовский переход.

Чем же объяснить, что советники были брошены командованием в Ланьфэне на произвол судьбы и едва не попали в руки милитаристов? Наших товарищей пригласил на службу во 2-ю народную армию прогрессивно настроенный генерал Ху Цзин-и. Однако незадолго до их прибытия командующий случайно поранил ногу, которая стала нарывать. Он обратился к американскому врачу и, видимо, был «залечен» насмерть. Советников принял уже генерал Юэ Вэй-цзюнь. В военном отношении он был полнейшим профаном, однако

отличался большим самомнением. Он и не собирался всерьез использовать богатые познания и опыт наших товарищей в организации войск и ведении боевых операций. Функции, подобные тем, которые выполняли наши советники на Юге, лежали лишь на одном члене кайфынской группы, Зимине, который сумел наладить правильные отношения со «своим» генералом. А все прочие были допущены лишь к учебной работе.

Юэ Вэй-цзюнь явно рассматривал наших людей как досадное приложение к поставкам оружия и субсидиям из СССР. Политический и умственный кругозор генерала Юэ был весьма ограничен. Советники рассказывали мне несколько забавных случаев, свидетельствующих о невежестве командующего 2-й армией. Впервые принимая у себя советников, генерал им, между прочим, заявил, что не любит американских женщин: они развратны, ибо купаются в одеколоне. В доказательство этого сногсшибательного сообщения Юэ показал рекламу одного из шанхайских парфюмерных магазинов, на которой была изображена женщина в ванне. Рядом на столике и полочках были расставлены флакончики с одеколоном, кремом и т. п.

Угощая советников сигарами, на коробке которых красовался курящий негр, генерал сказал: «Это самые лучшие сигары. Их очень любят негры».

На банкете за каждым столиком сидели по четыре человека. Рядом с собой Юэ посадил Синани, переводчика И. М. Ошанина и никому не ведомого капитана интендантской службы. Все недоумевали, почему вдруг последнему выпала не по чину такая честь. Илья Михайлович постарался выяснить, в чем дело. Оказалось, что капитан обладал необыкновенным талантом, он подобно анекдотическому отцу дьякону мог, не хмелея, пить до бесконечности и сверх того еще рюмку. С помощью этого своего рода виртуоза генерал решил зачем-то споить советников. Таковы были царившие во 2-й армии нравы.

Когда развернулись военные действия и помощь наших людей могла бы стать поистине неоценимой, их попрежнему тщательно отстраняли от живого дела. И сам командующий и его офицерство не раскрывали советникам действительную фронтовую обстановку, пичкали их неверными сведениями, всячески дезориентировали.

«Все идет хорошо», — обычная формула, к которой сводилась вся информация.

Внимательно выслушав товарищей, я вместе с Силиным, который занимал в Кайфыне должность заместителя начальника группы, Булиным и Ошаниным пошел на телефонную станцию сообщить Синани о сдаче Кайфына и узнать у него, что происходит на Юге.

Оказалось, что там продолжается бой и 7-я дивизия не может поэтому покинуть позиции. Синани просил меня организовать отправку всех советников в Пекин, а также помочь дубаню оперативными советами.

Вернувшись в гостиницу, я вызвал начальника штаба, он опять явился с генералом Яном. Лю вновь попросил об откровенном подробном разговоре, я выразил согласие, но пожелал предварительно узнать об обстановке. Как я и ожидал, началось очередное вранье: Кайфын еще в наших руках, на юге на одном из флангов одержана победа, бой должен окончиться в нашу пользу и т. п. Я задал провокационный вопрос: «Может быть, вы после беседы проведете меня в штаб и покажете расположение частей на карте?»

— К сожалению, пока еще не поступили донесения, — парировал Лю.

Так начался наш «откровенный разговор».

— Между 2-й армией и революционной Россией должна быть тесная спайка, — сказал Лю, — они должны друг другу помогать, чтобы в будущем соединиться для совместной борьбы с общим нашим врагом — империализмом. Как только мы выпутаемся из создавшихся трудностей, мы будем всю армию перестраивать на новых началах, для этого нам понадобится помощь как материальная, так и кадрами. Нам нужны хорошие военные специалисты, а тех, которые сейчас находятся у нас, мы просим отозвать, всех без исключения. И пусть будущие советники выдвинут сами молодежь на генеральские должности. Нынешние генералы в своем деле ничего не смыслят.

— О будущем мы и будем говорить в будущем, — ответил я. — Сейчас же давайте потолкуем о настоящем. Может быть, что-нибудь придумаем для улучшения обстановки. Я считаю, что это неотложная задача. Но прежде чем выдвинуть конкретные предложения, я должен сказать несколько слов об ином.

Оценивая советников, вы были абсолютно неправы. Все они, за малым исключением, имеют высшее военное образование и участвовали в двух войнах у себя на Родине — империалистической и гражданской. Некоторые переведены к вам из Гуандуна, т. е. имеют опыт работы в китайской армии. А ведь при помощи наших людей в Кантоне была создана мощная армия, в кратчайший срок победившая всех врагов в своей провинции.

Однако положение советника на Юге резко отличается от здешнего. Там генерал использует знания советника на все сто процентов, а у вас вызывают интерес лишь оружие и патроны. Знания советников вы не желали использовать. Поэтому за целый год вы ничего и не достигли, а могли бы ликвидировать все недостатки своей армии.

Разве не шли советники вам навстречу, разве не бегали они за вашими генералами, не давали им хороших рекомендаций? Всюду наши люди встречали отказ! Вы оба сегодня видели, в каком состоянии они пришли в Чжэнчжоу. Они были верны воинскому долгу и дисциплине, находились при генералах, но даже в тяжелой обстановке к ним не обратились за помощью. Информация советникам давалась заведомо ложная. Считалось, что на фронте все великолепно, а когда войска начали бежать, генералы уселись в автомобили, нашли в них места даже для собственных денщиков, а советникам предоставили уходить от врага пешком. Разве в таких условиях можно работать? Но об этом еще потом, а теперь я предлагаю следующее.

Я очень уважаю военный талант Синани, знаю его по России (я никогда не видел Синани, не знал о его военной подготовке, но счел необходимым поддержать его авторитет); это большой генерал, его советы ни в коем случае не могут быть хуже моих, но, поскольку его здесь нет, я предлагаю дубаню свои услуги. Меня вы, вероятно, не сможете упрекнуть в том, что я плохой советник, я только что приехал из Гуандуна, где в течение двух лет служил при академии Вампу в войсках генерала Чан Кай-ши, а, как вам известно, эти части всегда одерживали победу.

Если я вам нужен, то я требую от вас: во-первых, полного доверия, все сведения, поступающие с фронта, и отдаваемые приказы и распоряжения я должен знать;

во-вторых, я должен принимать участие во всех оперативных решениях. Иными словами, я предлагаю создать для работы советника такие же условия, как на Юге.

Однако, какой бы хороший план мы ни приняли, его проведение в жизнь будет зависеть от войск, поэтому к каждому из генералов мы также направим советника. Само собой разумеется, что им нужно обеспечить все возможности, о которых я уже говорил. Если же кто-либо попытается возродить существующие порядки — держать нас в стороне, то все советники немедленно снимут с себя ответственность за боевые операции и уедут в Пекин.

— Я дубаня уважаю, — сказал Лю, — как очень хорошего военного, но дубань не сможет работать с вами по этому методу. Он, может быть, и примет на словах ваш совет, но потом все сделает по-своему. Я предлагаю вам быть советником при мне. Мы будем вместе разрабатывать операции и их осуществлять.

— То есть мы с вами будем сидеть и что-то сочинять, а дубань не будет с этим творчеством считаться. Нет! На это я не согласен. Я могу вступить лишь в должность советника при дубане.

— Я не могу без дубаня дать вам окончательный ответ.

— Доложите дубаню.

Тут вмешался генерал Ян:

— Генералы наши в военном отношении полные невежды, но вряд ли они станут слушаться советников, если не повинуются самому дубаню.

— Да, они не выполняют приказов, — подтвердил начальник штаба. — С ними нельзя воевать. Как только мы укрепим свое положение, надо их сменить. Но имейте в виду, что о наших замыслах никто не должен знать, кроме меня и генерала Яна.

— Если ваши генералы вам не повинуются, то почему же вы критикуете советников? — спросил я.

Генералы еще немного поплакались, а затем мы договорились, что на следующий день в 20 часов я прибуду к дубаню за ответом на свое предложение.

Пытаясь увильнуть от неприятного доклада Юэ Вэйцзюню, Лю попросил меня изложить самому свои мысли командующему. Я, однако, был непреклонен: «Я прошу вас сообщить дубаню содержание нашего разговора,

если же ему нужно будет что-либо уточнить, то мы это сделаем при свидании».

К указанному сроку Юэ прислал за мною машину, хотя от гостиницы до штаба было не более 20 минут ходьбы. В штабе нас провели в большую комнату, заполненную офицерами с лицами отпетых опиекурильщиков. Это были типичные профессионалы-милитаристы тогдашнего Китая, лишенные каких бы то ни было принципов, готовые за лишнюю пятерку в месяц или звездочку продать своего хозяина и перейти к другому. Им было совершенно безразлично, чем кончится эта хэнаньская война, ибо при всех условиях они-то себе найдут очередное теплое местечко.

В углу стояла тахта, на которой разложены были трубки для опия, рядом горели лампы; время от времени то один, то другой из офицеров растягивался на тахте и упоенно тянул ядовитый дым.

Мне сказали, что дубань отправился поговорить с Дэн Бао-санем по телефону. Я попросил Лю пока что ознакомить меня с обстановкой по карте (кстати, карт ни в одном из штабных помещений я не видел). Лю неестественно улыбнулся и исчез куда-то. Ян, явно намереваясь выручить начальство, вытащил из кармана какую-то карту и храбро стал мне показывать расположение на восточном фронте двух бригад. Даже при поверхностном взгляде на карту делалось ясно, что нанесенные на нее условные знаки не имеют ничего общего с действительной обстановкой. Все сильно смахивало на какую-нибудь ординарную тактическую задачку курсанта-выпускника. На фланге даже красовалась кавалерия, которой на этом направлении у Юэ вовсе не было. Я уже приготовил ядовитую реплику, но меня выручил дубань, стремительно вошедший в комнату.

Он был откровенно взволнован и, извиняясь перед нами, лег выкурить трубочку. Покончив с этим важным делом, он пригласил нас в другой дом, собственноручно запер дверь и стал метать громы и молнии в адрес Тянь Юй-цзе, командующего восточным фронтом.

— Этот дурак, — возмущался Юэ, — не сумел обеспечить оборону Кайфына! Мог ли я ожидать что так по-идиотски отдадут город. Но все же не все пропало — завтра к вечеру прибудет дивизия Дэна и мы восстановим положение. Да и вообще все это ерунда. Если

я потеряю Хэнань, то уйду в Шэньси. Войск у меня много, подходящее место мы всегда отыщем, а там вновь начнем работать с вами.

— Вы изложили нашу беседу дубаню? — спросил я Лю.

— Да, вкратце! — начальник штаба стушевался и юркнул в дверь. В дальнейшем он то и дело заходил и снова удалялся. Ян стоически присутствовал при разговоре.

Речь вновь пошла о взаимоотношениях генералов и советников. Юэ откровенно заявил, что его подчиненные дураки, сами не знают, что делают, приказы его далеко не всегда выполняют точно. Внезапно дубань произнес с каким-то отчаянием в голосе:

— Денег бы надо!

Я поспешил переключиться на отправку представителя 2-й армии к Карахану.

— Кого вы пошлете? — спросил я.

— Поедет генерал Ян, — решил Юэ.

— Когда?

— Завтра. Будет выделен специальный поезд!

— Тогда я отправлю на нем часть советников. Тех, которые не используются вами, вероятно, и сам уеду.

Юэ забеспокоился:

— А кого-нибудь оставите со мной?

— Да, одного выделю нести службу при вас, если в случае отхода его не бросят, как это было в прошлом.

Дубань стал меня поспешно заверять, что ничего подобного впредь не будет:

— Я в атаку — и советник со мной, я в вагон — и он туда же!

Я поаплодировал, добавив, что это по-гуандунски.

О моих предложениях, сделанных Лю и Яну, дубань помалкивал, предпочитая, очевидно, чтоб я первым о них заговорил, мне же по ряду соображений не хотелось этого делать. Прощаясь, я сказал Юэ: «По-моему, у вас осталось единственное средство спасти положение на восточном фронте — переходите в наступление. Ваши части измотаны, и они в обороне будут хуже держаться. Попробуйте этот метод».

Услышав это предложение, дубань явно чему-то обрадовался. Может быть, он все время ожидал неприятного разговора в духе моей дневной беседы с его под-

чиненными, но, вероятнее, причина была иной: китайские офицеры тогда обожали покалякать о наступлении, — конечно, в самой общей форме, а не об энергичных конкретных мерах. На том мы и расстались.

На другой день дубань прислал на мое имя для раздачи советникам 500 серебряных долларов, деньги я тут же отправил обратно. Видимо, это было расценено как некоторое кокетство, ибо немного погодя тот же человек доставил деньги под тем же предлогом, но на сей раз в более дипломатической и тонкой форме — на имя жены товарища Синани. Пришлось послать к дубаню И. М. Ошанина, чтобы он, поблагодарив Юэ за любезность, недвусмысленно дал понять, что у русских делать такие «подарки» не принято. В тот день я еще дважды видел дубаня, но разговоры наши на сей раз особого интереса не представляли.

Вместо Яна командующий отправил Л. М. Карахану письмо, в котором заявил, что представлять его в Пекине будет по-прежнему гоминьдановец Юй Ю-жэнь.

28 февраля в 20 часов я выехал в Пекин, оставив при дубане П. Силина. Поезд состоял из двух товарных вагонов, в одном помещалась предоставленная нам Юэ охрана, а в другом — эвакуируемые советники и какие-то китайцы. Один из них дал машинисту взятку в 10 долларов, чтобы поезд двигался скорее. Видимо, это было в порядке вещей. При переезде по мосту через Хуанхэ поезд был неведомо кем обстрелян, в дальнейшем все шло благополучно.

Устав от постоянной нервотрепки последних дней, убаюкиваемый мерным покачиванием вагонов, я обдумывал пережитое и пришел к заключению, что накопил весьма ценный опыт. Это несомненно для меня и сейчас. Ознакомившись с перипетиями моей поездки в Хэнань, читатель должен лучше осознать всю сложность проблемы милитаризма для Китая тех лет, живучесть худших традиций реакционной военщины в фэнъюйсяновских армиях, серьезность тех трудностей, преодолевать которые призваны были наши советники.

9 марта 1926 г. я представил подробную докладную записку обо всем увиденном и услышанном Лонгва, который, кажется, в то время уже был назначен нашим военным атташе.

Каковы же были те выводы, к которым я пришел

в итоге командировки? Я изложил их в конце отчетного документа.

Основной ошибкой советников я считал то, что они взялись за невыполнимое дело: централизовать армию, состоявшую по крайней мере из четырех группировок, не сделав своего выбора среди них. По-моему мнению, в лоскутной армии следовало определить наиболее перспективную ее часть и на ней сосредоточить все внимание, объединив остальных вокруг нее.

Во-вторых, обстоятельства требовали от кайфынских советников быть в первое время более дипломатами, нежели инструкторами. Они же, не завязав прочных связей с генералами и офицерами, пытались немедленно приступить к своим непосредственным обязанностям.

В-третьих, я предлагал поддержать в Хэнани создание провинциального правительства с преобладанием в нем левых элементов, так как дубань, очевидно, был малоавторитетен в глазах населения.

В-четвертых, советникам не следовало быть чрезмерно демократичными в обращении с комсоставом. Нельзя было переносить сложившуюся у нас манеру поведения в китайскую обстановку, приходилось считаться в полной мере с местными традициями.

Наконец, я рекомендовал независимо от того, что остается от 2-й народной армии после поражения в Хэнани, упорно продолжать в ней работу, повести ее по-новому, с учетом гуандунского опыта, руководствуясь предложениями комиссии А. С. Бубнова.

Мне не удалось выполнить все возложенные на меня задачи, помешало поспешное и неподготовленное отступление армии Юэ. Однако моя поездка в Хэнань была, безусловно, небесполезной.

Между тем и в Чжили обстоятельства сложились неблагоприятно для войск Фэн Юй-сяна. Империалисты сумели сплотить против него обе милитаристские клики: фынтяньскую и чжилийскую. Одновременно они прибегли к прямому вмешательству во внутренние дела Китая. 12 марта японцы в Дагу близ Тяньцзиня обстреляли позиции 1-й народной армии, а 17 марта группа империалистических держав предъявила ультиматум с требованием прекращения военных действий в районе Пекина и Тяньцзиня, направленный несомненно против вооруженных сил Фэна.

Между тем Фэн, вопреки предсказаниям некоторых наших товарищей, выполнил-таки свое намерение удалиться из Китая. М. М. Бородин напрасно уговаривал его во время встречи проявить революционную решимость: сбросить прихвостня империалистов Дуань Ци-жуя, организовать прогрессивное временное правительство, уверенно опираясь на широкие массы народа и на поддержку из Кантона. Фэн на это не пошел. Он отбыл в СССР, заявив о своем намерении стать простым рабочим, ибо в Китае всегда, дескать, учат личным примером.

Оставшись без Фэна, его генералы тут же постарались ослабить очевидную неприязнь империалистических держав к народным армиям, заручиться их нейтралитетом. Они опубликовали довольно жалкий документ — Декларацию, содержавшую признание всех опутавших Китай неравноправных договоров. Был сделан и еще один холопский жест.

Весной 1926 г. северный комитет гоминьдана в Пекине уговорил Фэн Юй-сяна разрешить в ограниченных масштабах проводить антиимпериалистическую пропаганду в его чжилийских войсках. Небольшая группка гоминьдановцев разъезжала по частям. Перед тем как начать выступления, они обязаны были в общих чертах согласовать с командованием их содержание, которое соответственно было очень умеренным. Сейчас же генералы решили прикрыть даже этот, столь слабый источник проникновения революционных идей в армию. Агитаторы были отозваны.

В тот период в Пекине произошли хорошо известные в истории Китая «события 18 марта 1926 г.» — бурные антиимпериалистические выступления, возглавляемые коммунистами, непосредственным поводом к которым послужил упомянутый выше ультиматум держав. Лидером был один из основателей Коммунистической партии Китая, пламенный революционер и убежденный интернационалист, друг нашей страны Ли Да-чжао. Участвовала в событиях в первую очередь студенческая молодежь.

Генералы Фэна ничем не помешали реакционным политикам и милитаристам расправиться с демонстрантами, а один из них, Ли Мин-чжуан, даже принял участие в подавлении борцов за свободу.

Между тем остановить наступление многотысячных армий Чжан Цзо-линя и У Пэй-фу можно было, только решительно встав на революционные позиции и получив активную поддержку народа. Уступчивостью, колебаниями и предательством фэнъюйсяновских генералов милитаристы не замедлили воспользоваться. Войска У Пэй-фу двинулись на Пекин, народной армии пришлось оставить район Тяньцзиня.

Генералы Фэна попытались еще удержаться в столице с помощью старого, не раз уже опровергнутого событиями последних лет метода — дипломатических сделок и комбинаций с милитаристами.

Одно время, в апреле 1926 г., казалось, что удалось достичь соглашения с двумя генералами из армии У Пэй-фу — Цзинь Юнь-э и Тянь Вэй-цзином. Однако сам У Пэй-фу прибыл в город Баодин, где находилась ставка наступающих войск, и навел порядок в своем доме. Между тем уже развернулись бои с Чжан Цзолинем к востоку от Пекина. В этих условиях генералы Фэна сочли за благо 16 апреля 1926 г. эвакуировать Пекин. Хотя им удалось без сколько-нибудь значительных потерь отвести армию, их уход был воспринят как большое поражение Фэн Юй-сяна.

Но стать свидетелем всех этих перемен на севере Китая мне уже не довелось.

20 марта 1926 г. совершенно неожиданно для всех нас Чан Кай-ши в Кантоне попробовал осуществить контрреволюционный переворот, расправиться с гуандунскими коммунистами. Это происшествие вошло в историю Китая под названием «событий 20 марта». Далее я расскажу о них подробно.

В амплуа „главы каравана"

21 марта меня вызвал Л. М. Карахан и сообщил о полученном из Кантона известии. На протяжении двух лет я работал бок о бок с Чан Кай-ши и хорошо представлял себе этого властолюбивого и коварного генерала. Тем не менее я был потрясен. Я никак не ожидал, что Чан Кай-ши пойдет на путч именно в этот момент:

слишком невыгодна была эта затея для самого Чан Кай-ши. На что мог он рассчитывать, разрывая с КПК, с массовым движением, с СССР? Поэтому, когда Лев Михайлович задал мне нелегкий вопрос: «Как вы думаете, окончательно ли порвал с коммунистами и с нами Чан?». Я уверенно ответил: «Думаю, что нет!». «И я тоже так думаю», — сказал Карахан.

Он извлек из ящика стола телеграмму и протянул ее мне. Я прочел: «Сейфуллину[1] от Кисаньки. Черепанову дожидаться в Пекине возвращения Ивановского из Кантона». Что ж, дожидаться так дожидаться — дело солдатское, однако выполнить приказ не пришлось. Вскоре я получил указание явиться к Бородину. Михаил Маркович сообщил мне, что с группой китайских товарищей он должен покинуть Пекин до его падения и направиться в Кантон. Поскольку проехать на Юг обычным путем невозможно, решено двигаться по следующему нелегкому маршруту: Пекин—Калган—пустыня Гоби—Урга (Улан-Батор)—Верхнеудинск (Улан-Удэ)—Владивосток— и морем в Кантон. «Вы назначаетесь начальником экспедиции, — Михаил Маркович огорошил меня. — Прошу вас сейчас все подготовить, чтобы в ночь мы на специальном поезде могли выехать в Калган». Легко сказать! Ведь нам предстояло пересечь совершенно необжитые районы, оторванные от цивилизации. Я осведомился лишь о составе предстоящей экспедиции. Оказалось, что едут Бородин с семьей, Тань Пин-шань и еще семь-восемь китайцев, фамилии последних я за давностью лет забыл, помню лишь, что один из них в свое время был стенографистом доктора Сунь Ят-сена.

Точно в назначенный срок отбыли мы в Калган. Все было необычным в этом рискованном путешествии. В дороге присоединились к нам совершенно невероятные попутчики. В Калгане им оказался атаман Анненков с его начальником штаба Денисовым. Дело в том, что они были переданы Фэн Юй-сяном калганской группе наших советников и теперь их везли в СССР В. М. Примаков и неизменный его попутчик и «правая

---

[1] Сейфуллин — А. Лапин, исполнявший в то время обязанности советского военного атташе в Пекине.

рука» Кузьмичев — Вэн. Мы с любопытством рассматривали атамана, с именем которого были связаны зверские расправы над мирным населением Семиречья.

Но нас ожидал еще один сюрприз. В небольшой деревушке у границ МНР мы встретили отряд генерала Капустина. Это были бывшие колчаковские и семеновские солдаты, удравшие в свое время на территорию Китая. Все они горячо стремились вернуться на Родину, так как осознали, что были одурачены в годы гражданской войны белыми. Однако советское гражданство надо было заработать честным ратным трудом, и они в течение двух лет прослужили в 1-й народной армии Фэн Юй-сяна.

Из Калгана в Ургу направились мы на добротных по тем временам автомашинах. Дорога пересекала пустыню Гоби. Под шинами была твердая поверхность, как на хорошем шоссе, ибо никогда не прекращающийся там ветер уносил песок. Изредка лишь попадались небольшие песчаные валы, похожие на снежные заносы. Как правило, недовольно бурча натруженными моторами, машины проходили их без остановки, но иногда приходилось выбегать на дорогу с лопатами и подталкивать нашу технику сзади.

Для ночлегов или обеденных привалов мы занимали попадавшиеся пустые мазанки, либо устраивали примитивные укрытия из дерна. Порой мы с В. М. Примаковым выезжали вперед поохотиться. Стреляли по стайкам куропаток, которые склевывали на редких полях остатки зерна или на местах караванных стоянок остатки пищи. Увидев волка, мы сворачивали прямо в поле и пускались за ним в погоню. Раз погнались за лисой, но она полностью оправдала свою сказочную славу — ловко петляла вдоль гряды, а затем скрылась в недоступном для нас нагромождении камней.

Мои подопечные стойко переносили тяготы пути, за исключением трех избалованных не в меру городской жизнью китайских деятелей. По утрам они без тени юмора спрашивали меня по-английски: «Мистер Черепанов, где мой кофе?» Я посмеивался, а они бежали жаловаться к Бородину. Михаил Маркович умиротворяюще мне пробасил: «Не обращайте на это внимания, это убитые богом люди, будьте с ними по-прежнему корректны и все...»

В Урге мы устроили кратковременный отдых. Здесь я с огромной радостью встретил одного из своих соратников по гражданской войне — Кангелари. Это был член партии с дореволюционным стажем, врач по образованию, переквалифицированный судьбою в кадрового военного. В 1920 г., во время кампании против белополяков, он был в нашей 10-й дивизии начальником штаба. Внешне он был очень импозантен, смахивал на Бориса Годунова в оперной интерпретации. Монгольская Народная Республика пригласила его на должность начальника штаба своей молодой армии.

Урга в то время, разумеется, ничего не имела общего с нынешним благоустроенным Улан-Батором, она напоминала средней руки деревню.

Через день-дьа я отправился в министерство иностранных дел за выездными визами на территорию нашей Родины. Принял меня по этому поводу сам министр, совсем еще молодой, но дородный человек, одетый в богато украшенный национальный костюм. Он долго беседовал со мной через переводчика. В конце же взял у меня из рук написанный мною перечень лиц, входивших в экспедицию, дабы наложить соответствующую резолюцию. И, к великому моему изумлению, спросил на чистейшем русском языке: «Бородина ведь зовут Михаилом? Тут нечетко отпечатано».

Из Урги в Верхнеудинск мы ехали в апреле, и лед на реках был хрупок, приходилось устраивать настил. А одна из встречных рек вскрылась. Стремительно несущаяся вода была для нас чересчур глубока — она залила бы радиаторы и мы в смятении застряли бы на берегу.

К счастью, подошел караван верблюдов. Я стремглав бросился к старшему из проводников, чтобы попросить перебросить машины через поток.

— Сколько возьмете с машины? — задал я вопрос.

— По пятьдесят рублей.

Вот тебе на! Триста рублей были по тем временам очень значительной суммой. Однако деться-то нам было некуда. Пришлось раскошеливаться. При помощи канатов верблюды перетащили машины через реку.

Прибыв на автомобилях к самой широкой из поперечных рек Селенге, мы увидели, что течение снесло наезженную по льду дорогу вниз метров на сто. Нам

оставалось только рискнуть, и мы дерзко двинулись прямо по ледяной целине. К счастью, все обошлось благополучно.

В Верхнеудинске я оставил всех подопечных в пригородной школе, расположенной в лесу, а сам направился в город, чтобы упросить кого-нибудь из домовладельцев истопить частную баню. Надо было отскрести дорожную грязь, а в городскую баню идти с китайцами было нельзя: не следовало привлекать к ним излишнее внимание. Вернувшись, я, однако, узнал, что «поборники цивилизации» без разрешения и без переводчика самостоятельно двинулись на розыски «подходящего отеля». Не могу опубликовать тех слов, которые я в связи с этим произнес!.. Осматривая на вокзале предоставленный нам специальный поезд, я в одном из вагонов увидел, как пожилой штатский товарищ, указывая на крайнее к выходу купе какому-то военному с женой, предлагает его занять. Я был измучен тяжелой дорогой, поэтому не особенно вежливо спросил: «Что вы тут распоряжаетесь?» В ответ услышал: «А кто же будет распоряжаться?» Это меня окончательно взвинтило, и я, указывая на растерявшуюся пару, резко бросил: «Ехать им с нами не разрешаю». Незнакомец вспылил и разразился потоком слов. «Я жаловаться буду в ЦК партии», — угрожал он. Но я его не стал слушать.

Вскоре меня вызвал к себе в вагон Михаил Маркович Бородин, и рядом с ним я увидел обиженного мною товарища. Бородин, многозначительно глядя мне в глаза, представил нас друг другу. «Познакомьтесь: начальник дороги — военный советник генерала Чан Кай-ши».

Я опешил. Вот на кого, оказывается, я накричал второпях. Однако новый знакомый промолвил вполне миролюбиво: «Да мы уже по-своему познакомились!».

Один из друзей, который все время был тогда у Бородина и явился очевидцем его беседы с разгневанным железнодорожником, позже поведал мне о дипломатии Михаила Марковича. Бородин мягко и неторопливо растолковал жалобщику, что я переутомлен прелестями пустыни Гоби, что я не обычный рядовой комендант, а советник самого Чан Кай-ши, о котором тогда писали во всех газетах, что среди нас нет технических работников и вот пришлось попросить товарища Черепанова принять на себя эти обязанности и т. д.

Все советские люди с огромным вниманием следили тогда за китайской революцией и были полны уважения к нашей работе в Китае, поэтому начальник вскоре оттаял и даже пустился расхваливать гоминьдан. Однако Бородин был знаком с гоминьданом значительно ближе, и он по-отечески вразумил товарища: «Гоминьдан, как всякая буржуазная партия, — это нужник, который, сколько бы вы ни чистили, все равно будет пахнуть!».

Во Владивостоке я усадил членов экспедиции на пароход и распрощался с ними. Я должен был задержаться для того, чтобы подобрать для М. М. Бородина ряд работников — несколько человек для охраны, шофера, стенографистку. Кроме того, имея в виду продолжение службы в Кантоне, я хотел ознакомиться с последней новинкой в Красной Армии — «огневой ротой». Соответствующие полевые учения я наблюдал в Верхнеудинском полку 1-й Тихоокеанской дивизии, получив разрешение командира корпуса Фельдмана и комдива Никитина. Я и не подозревал тогда, что через три года мне выпадет честь самому командовать этой дивизией. Я побывал также во Владивостокском пехотном училище, которое возглавлял т. Пашковский, и здесь ознакомился с организацией учебного процесса,— это должно было пригодиться для академии Вампу.

Возвращаться в Кантон мне пришлось вместе с В. К. Блюхером. Он направлялся туда, чтобы снова занять пост главного военного советника. Я встретил Василия Константиновича на вокзале, и он, выйдя из вагона, меня сердечно обнял, а затем познакомил со своей семьей — супругой Галиной Павловной и детьми Севой и Зоей.

На пароходе он все время очень внимательно штудировал какую-то литературу — выяснилось, что он изучает материалы разгоревшейся тогда в партии дискуссии.

Чтобы скоротать нудно тянущееся в море время, мы часто играли в карты, особенно в «шестьдесят шесть». Сознаюсь, что мы с Галиной Павловной, которая была моим партнером, действовали нечисто, жульничали. Мы заранее сговорились о системе сигнализации, с помощью которой подсказывали друг другу очередные ходы. Таким путем мы Василию Константиновичу и его со-

В. К. Блюхер

ратнику одну за другой «накладывали шубы». Блюхер явно злился. Он очень не любил проигрывать. Я и ранее замечал, что, попав в шахматной партии в невыгодное положение, он делал вид, что ему что-то неотложно нужно сделать по службе, и выходил. Вернувшись, он говорил: «Я что-то все свои замыслы позабыл, давайте начнем сначала!» — и смешивал фигуры. Так и в «шестьдесят шесть» он готов был сражаться без конца, лишь бы отыграться, в итоге обед и ужин задерживались на час — на два. Мы с Галиной Павловной решили, что плутовать себе дороже. Так Блюхер вынудил нас играть честно.

В пути же на мою долю внезапно выпало совершенно неожиданное «амплуа». Вместе с нами плыла на юг жена советника Н. И. Кончица Елена Сатурниновна с четырехлетней дочкой Соней и двухлетним Володей. Она тяжело маялась морской болезнью, не спускалась

с койки, и на мою голову пали заботы о детях. Тут-то я понял, что быть нянькой не легче, чем советником у гоминьдановского генерала!

Крайне подвижная девчушка Соня в день раз по двадцать то выбегала на палубу, то возвращалась к маме. Одеваться она сама еще толком не умела и только покрикивала на меня звонко и задорно: «Дяденька, одевай!» Мысленно проклиная все на свете, я неуклюже застегивал и растегивал пуговицы на платьице...

В таких вот заботах и прошел наш морской переход. Если же говорить всерьез, то в течение всей дороги я неотвязно размышлял, чем на этот раз встретит меня Кантон. Для того чтобы вновь правильно наладить взаимоотношения с комсоставом Национально-революционной армии, следовало тщательно разобраться в тех бурных событиях, которые имели место в Кантоне без меня.

Кое-что новое о „событиях 20 марта“

Не удивительно, что по приезде я прежде всего попытался вникнуть в смысл «событий 20 марта»: детально расспрашивал всех очевидцев, старался познакомиться с документацией. И постепенно передо мной развернулась более или менее полная картина событий.

Думается, что мне удастся сообщить читателю о «20 марта» ряд новых интересных подробностей, несмотря на то что это событие на протяжении многих лет освещалось в научной и мемуарной литературе.

«20 марта» ни в какой мере не было внезапной, импульсивной акцией Чан Кай-ши, несмотря на истеричность его натуры. Заговор хотя и не был достаточно продуман, но готовился задолго. Еще 9 марта 1926 г. Чан Кай-ши устроил у себя совещание, на котором присутствовали командиры из 1-го корпуса НРА. Здесь-то и было принято решение о выступлении. Присутствовавшие, сильно переоценивая свои возможности, предполагали, что 4-й, 5-й и частично 3-й корпуса будут на стороне восставших. Как мы увидим, этот прогноз не оправдался.

18 марта комиссар флота коммунист Ли Чжи-лун, исполнявший тогда обязанности командующего военно-морским флотом, получил по телефону от имени Чан Кай-ши приказ передислоцировать крейсер «Чжуншань» к острову, где помещалась академия Вампу. Он отдал соответствующие распоряжения, запросив одновременно письменное подтверждение приказа.

Ли Чжи-луну было отвечено, что «такой приказ вовсе не отдавался».

Одновременно Чан Кай-ши было направлено подложное письмо якобы от Ли Чжи-луна с требованием в трехдневный срок провести национализацию предприятий через правительство и с угрозой в противном случае произвести в Кантоне переворот, а его (Чана) вывезти на крейсере под арестом во Владивосток.

19 марта к Чану был приглашен начальник полиции У Те-чэн, он провел у него два часа, и, должно быть, между ними пробежала черная кошка, ибо У после этого почти перестал бывать у Чана.

В тот же день поздно вечером на монетном дворе, куда перебрался Чан Кай-ши, состоялось совещание, на котором присутствовали из видных гоминьдановских деятелей Ку Ин-фан и У Чжао-чу.

20 марта в 3 часа ночи Чан Кай-ши вызвал командира 2-й дивизии Лю Цзи и приказал ему немедленно разыскать комкора Чжу Пэй-дэ. Тот через час прибыл. Чан показал ему решение совещания о выступлении и предложил примкнуть к ним, однако Чжу не согласился и поехал к военному министру Тань Янь-каю.

В 5 часов Чан собрал войска гарнизона и выступил с речью. Он очень резко говорил о коммунистах и уверял, что КПК захватила канонерки, решив восстать против гоминьдана. Лю Цзи здесь же зачитал подготовленный заранее список коммунистов, подлежащих аресту.

Ночью солдаты академии Вампу и 2-й дивизии были погружены на «Чжуншань» и канонерки. Охраной командира этой дивизии был арестован комиссар Ли Чжи-лун, он при этом был ранен, и впоследствии с ним очень жестоко обращались. Утром все комиссары и коммунисты 2-й дивизии и флота были закованы в кандалы.

Командиром крейсера «Чжуншань» стал двоюродный брат видного гоминьдановца Оуян Линя — Оуян

Цзы, который давно домогался получения этого назначения.

4-й полк 2-й дивизии, очевидно, рассматривался путчистами как самый ненадежный, так как его командир был сменен, а солдат посадили на баржи и отправили к острову Вампу. На берег их, однако, не выпустили, и последовавшие двое суток этот полк так и просидел на воде.

Одновременно был усилен гарнизон Кантона, объявлено военное положение и прервана связь с пригородами. Прокатилась волна арестов в академии Вампу и в 1-м корпусе. Мятежные войска окружили стачком Гонконг-Кантонской забастовки, пригородный квартал Кантона Дуншань, где жили советские советники, выставили усиленные наряды у всех правительственных зданий, ликвидировали организованный с помощью советников бронеотряд.

Однако уже в то время Чан Кай-ши, видимо, осознал, что он не получит широкой поддержки у армейского руководства. Манифесты и прокламации, подготовленные к утру 20 марта, так и не были пущены в ход. Основной мотив некоторых прокламаций Чан Кай-ши, как удалось выяснить потом, был примерно таков: «Я верю в коммунизм и сам почти коммунист, но китайские коммунисты продались русским и „стали их собаками", поэтому я против них».

Утром к Чану приехали Тань Янь-кай и Чжу Пэй-дэ. Они стали усовещивать генерала, указывая, что он изменил принципам доктора Сунь Ят-сена и стал контрреволюционером. Чан Кай-ши в ответ истеричничал, а Ку Ин-фан, присутствовавший при свидании, просто поднял критиков на смех.

Кисанька, потрясенный происходящим, отправил Чан Кай-ши письмо, оно было возвращено с указанием, что Чана нет дома.

Между тем председатель правительства Ван Цзинвэй исчез неизвестно куда. Было разъяснено, что его жена, миллионерша, по требованию врачей настояла якобы на том, чтобы он оставил работу. Лишь 1 или 2 апреля выяснилось, что Ван попросту «смотался». Из Шаньтоу он прислал прочувствованное письмо: «Чан Кай-ши, единственная моя надежда, изменил революции. Я боролся, пока была эта надежда, теперь, когда

все пропало, я не могу брать на себя ответственности за дальнейшее. Я потерял свое лицо, все, что у меня было, и уезжаю».

Между тем Чан Кай-ши уже вечером 20 марта помаленьку забил отбой. Встретившись в это время с комиссией Бубнова, он заявил, что все было сделано против его воли, и обещал назавтра приехать к советникам с извинениями. 21 марта к утру почти все арестованные накануне коммунисты и комиссары были выпущены. Чан Кай-ши сказался больным и на людях не появлялся.

Переворот вызвал панику среди купцов и мелких торговцев. Кантонские деньги резко упали в цене, в банки хлынула толпа, требуя их размена, а во многих магазинах вовсе отказывались их принимать.

Колесо заговора по инерции еще продолжало катиться. Происходили митинги реакционной военщины против коммунистов и «левых» гоминьдановцев, составлялись списки членов КПК, подлежащих аресту, выяснялись их адреса. В центре событий оказалось теперь «Общество по изучению суньятсенизма», им было устроено контрреволюционное собрание в Вампу. В дни мятежа группка его главарей ежедневно собиралась в «Нанти-клубе». Ближайшими советниками Чан Кай-ши были упомянутый Оуян Цзы и Чэнь, бывший комендант форта Хумэнь, смещенный за контрабанду и другие темные делишки.

Чан Кай-ши в ту пору еще метался, он не принял окончательного решения, зондировал почву. На всякий случай он отдал распоряжение о наблюдении за наиболее активными коммунистами. 22 марта 1926 г. утром у него побывала Хэ Сян-нин, вдова Ляо Чжун-кая, «левого» гоминьдановца, злодейски убитого реакционерами. Чан Кай-ши всячески оправдывался. Говорил, что его обижали: урезали его сметы, передавали оружие в другие корпуса и т. д., что русские и коммунисты против него и что он «знает планы Коминтерна». Чан заявил, что решил уехать в Шаньтоу и намерен увести туда же 2-ю дивизию.

А правые тем временем продолжали еще разрабатывать программу своих политических претензий. 22 марта в 18 часов состоялись два сборища реакционеров. У командира 20-й дивизии Линя собрались офицеры

этого соединения. К чему же сводились пожелания этой группки милитаристов внутри НРА? Вот они: русские и китайские коммунисты должны уйти, не следует давать в руки оружия стачечникам Гонконга и Кантона, надо запретить им проникновение в уезды Гуандуна и, наконец, Линь должен стать командиром 7-го корпуса.

Одновременно заседали и руководители пресловутого «Общества по изучению суньятсенизма». Было постановлено: просить Чан Кай-ши назначить в 1-й корпус восемь членов этой организации для слежки за коммунистами; распустить провокационный слух, что Ляо Чжун-кай был убит не реакционерами, а коммунистами за то, что слишком хорошо работал и заслужил авторитет. Ныне, дескать, по этой же причине замышляется покушение на жизнь Чан Кай-ши. Собрание составило список 50 коммунистических руководителей.

Распоясавшиеся правые обрушились с угрозами на комиссара 2-й дивизии, который заявил о возможности работать с более умеренной частью коммунистов.

Через полтора часа после этих двух совещаний Чан Кай-ши выступил перед курсантами академии Вампу. Чан юлил, присматривался к настроению подчиненных, старался оставить руки развязанными. Он уверял, что является лучшим учеником Сунь Ят-сена, что он никоим образом не милитарист, а мог бы при желании стать могучим милитаристом. Его-де будущее в руках слушателей. Как они решат, так и будет. «Захотят, чтоб он был революционером, — он будет революционером, захотят — контрреволюционером» и т. д.

Пока Чан Кай-ши юлил, некоторые правые гоминьдановцы во главе с Сунь Фо и У Те-чэном решили воспользоваться обстановкой и стали готовиться к перевороту самостоятельно, без Чан Кай-ши. Целью их было — разгромить гуандунскую организацию КПК на основании списков, подготовленных в полиции, которой ведал У; изгнать из партии левых гоминьдановцев и добиться сдвига политики правительства вправо.

Чан Кай-ши, проанализировав обстановку, видимо, понял, что осуществить его замысел пока не удастся. Тогда он пригласил к себе Чжу Пэй-дэ и объявил ему: «Я готов сделать все, что угодно, дабы доказать, что я не контрреволюционер». Эти же слова Чан повторил и

вызванному в Вампу председателю трибунала Ли Чан-та и добавил: «Необходимо сейчас же разделаться с правыми, а потому я решил разогнать «Общество изучения суньятсенизма». Одновременно я распущу и «Союз молодых военных» [1]. Нужно снять У Те-чэна с поста начальника полиции, и я прошу вас взять эту должность на себя. Этим мы лишим правых их реальной силы. А У Те-чэн уедет в Шанхай».

Чан Кай-ши увидел, что в этот момент без КПК и помощи нашей страны Кантон был бы бессилен перед лицом многочисленных врагов. Кроме того, он убедился в абсолютном нежелании значительной части генералитета содействовать ему в захвате единоличной власти.

Чан Кай-ши из Вампу переехал в Хумынь, перестал встречаться с остальными армейскими лидерами и разъезжал с речами по войскам 20-й дивизии. Постепенно среди высшего командования выявились три группировки: 1) Чан Кай-ши с его сподвижниками; 2) правительственная группа (командиры 2-го корпуса — Тань Янь-кай, 3-го — Чжу Пэй-дэ и 6-го — Чэн Цянь); 3) собственно кантонцы (командиры 4-го корпуса — Ли Цзи-шэнь и 5-го — Ли Фу-линь). Между ними и развернулась борьба за влияние.

Такова в самых общих чертах чисто внешняя картина «событий 20 марта». Какие же все-таки более глубокие социальные причины, какие сдвиги в политической жизни страны породили эти события? Пытаясь ответить на это, я вспоминал события последних месяцев на Юге Китая. В январе 1926 г. в Кантоне был проведен II конгресс гоминьдана. Он был очень левым по своему составу. Когда делегаты съехались, оказалось, что среди них треть составляют коммунисты да еще приблизительно треть находится под их влиянием. Это вызвало некоторое беспокойство у левых гоминьдановцев, но тем не менее М. М. Бородин позже считал, что именно на этом конгрессе фактически образовался блок пролетариата, крестьянства, городской мелкой буржуазии и деклассированной интеллигенции, воплощенный в союзе КПК и левых.

---

[1] Организация, действовавшая в войсках и находившаяся под коммунистическим влиянием.

Из 36 членов ЦИК гоминьдана, избранного на конгрессе, семеро принадлежали к КПК. Среди них Ли Дачжао, Линь Бо-цюй, У Юй-чжан, Юнь Дай-ин и другие коммунисты. Члены КПК заняли ряд важных ключевых постов в гоминьдане: заведующим крестьянским отделом стал Линь Бо-цюй (Линь Цзу-хань), организационным отделом — Тань Пин-шань.

Такое значительное укрепление позиций КПК в гоминьдане объяснялось ростом массового движения, в котором абсолютное влияние имели коммунисты. В этот период, в частности, явное полевение наблюдалось среди кантонских рабочих и ремесленников, наметилась тенденция к созданию новых профсоюзов, организовывались в среде пролетариата делегатские собрания и т. д.

И вместе с тем в состав ЦИК гоминьдана вошли некоторые лидеры правых во главе с сыном Сунь Ят-сена Сунь Фо. Как же это произошло? Еще в ноябре 1925 г. правые гоминьдановцы встали на путь фракционного разрыва со своей партией. Близ Пекина в местности Сишань они созвали совещание, где высказались за отказ от политических заветов Сунь Ят-сена, воплощенных в его трех политических установках (союз с КПК, с СССР, опора на массовое движение), потребовали исключения коммунистов из гоминьдана. Вслед за тем развернулась упорная борьба внутри партии за влияние. Это нашло отражение и в решениях II конгресса, хотя нескольких сишаньцев на нем исключили из партии, с частью правых (Сунь Фо, У Те-чэн, Чэнь Гун-бо и др.) было решено продолжать сотрудничество во имя единства всех возможных сил национальной революции.

Правые занимали в Кантоне ряд правительственных постов. Например, Сунь Фо, который прежде был главою провинциального гуандунского правительства, теперь, после поездки на Север, стал министром реконструкции. Фу Бин-шань был комиссаром иностранных дел.

Среди правых помимо сторонников Сунь Фо существовала еще клика Ку Ин-фана и Ли Фу-линя, за которой стояли чиновники-бюрократы и помещичья полиция миньтуаней. Вся дельта реки Жемчужной находилась тогда под контролем полубандитских войск Ли Фу-линя.

Что касается группы Сунь Фо, то она была тесно связана с компрадорами и Гонконгом. Самого Сунь Фо

всячески поддерживала наиболее влиятельная из организаций кантонской буржуазии. Сунь Фо и его команда добивались в первую очередь прекращения Гонконг-Кантонской стачки, в чем были весьма заинтересованы англичане. Вообще же, когда поступали жалобы на кантонские власти со стороны иностранных консулов или фирм, то У Чжао-чу докладывал лично об этом на Политбюро ЦИК гоминьдана, являясь своеобразным ходатаем по делам империалистов и буржуазии.

С приездом Сунь Фо обострились противоречия в Политбюро, — если ранее вопросы, как правило, решались единогласно, то теперь они сплошь и рядом ставились на голосование.

Возникла идея постройки Кантоном своего собственного большого порта Вампу, чтобы обеспечить независимость торговли от Гонконга. Сунь Фо с компанией под тем предлогом, что с сооружением порта близлежащие земли резко подорожают, тут же организовал спекулятивную скупку буржуазией этих участков. Крайне раздражала Сунь Фо и развернутая правительством активная борьба со взяточничеством.

Таким образом, в конце 1925 — начале 1926 г. произошло серьезное размежевание правых и «левых» сил внутри гоминьдана и кантонского правительства, их взаимное недовольство день ото дня нарастало.

Более или менее организованной и вооруженной опорой правых стало «Общество по изучению суньятсенизма». Уже вскоре после своего основания эта группировка сделала попытку прощупать возможности «левых», их силы. 29 декабря 1925 г. общество организовало демонстрацию по случаю своего официального открытия. Расчет был таков: накануне открытия II конгресса гоминьдана принять на массовом митинге резолюции в поддержку решений раскольнической Сишаньской конференции правых, против советских военных советников. Однако наши товарищи в Кантоне решительно и непреклонно заявили, что в случае одобрения такой резолюции они все немедленно покинут занимавшиеся ими посты и уедут.

Руководители общества поняли, что шантаж не вышел. Они вынуждены были направить своих представителей к «левым» гоминьдановцам и советникам с заверением, что снимают контрреволюционные лозунги.

В итоге демонстрация приняла совсем иной характер, она стала выглядеть как мероприятие в поддержку II конгресса гоминьдана. Вдобавок к этому она была весьма малочисленна, в ней приняло участие немногим более тысячи человек, что было по тогдашним кантонским понятиям неслыханно мало. В шествии двигались несколько офицеров с подчиненными им солдатами, учащиеся христианских школ, небольшое число студентов. Несли знамя профсоюза строителей. Однако этот союз в Кантоне не был истинно пролетарским, он объединял подрядчиков. Устроители демонстрации отправили пригласительные карточки действительно массовым организациям — Гонконг-Кантонскому стачкому, союзу моряков, но получили отказ. В общем, затея потерпела полнейшее поражение. Реакционное общество продемонстрировало, и весьма убедительно, лишь свою слабость, и, самое главное, «левые» гоминьдановцы убедились в отсутствии у него серьезной поддержки и в его неспособности противостоять единому фронту.

«Левые» сначала рассчитывали, что им выгодно поддерживать «Общество изучения суньятсенизма» в качестве противовеса КПК с ее растущим влиянием. Потом они осознали, что деятельность общества направлена и против них. Однако это крыло гоминьдана оказалось неспособным разогнать гнездо контрреволюции и ограничилось мягкими протестами. А общество, которое до демонстрации действовало только в армии и среди незначительной части студенчества, стало пытаться распространить свое влияние и на деревню, схватить помещиков и кулаков.

В деревне же тогда все более и более разгоралась революционная борьба масс. В Гуандуне миньтуани имели примерно 60 тыс. только зарегистрированных винтовок. Они убивали непокорных крестьян, всячески терроризировали население. Весной 1926 г. в Гаояо около города Таочэн крупные помещики, борясь с активным сопротивлением крестьян, сжигали дотла деревни, натравливали шэньши против кантонского правительства. Крестьяне под руководством коммунистов организовывались в союзы. В Гуандуне насчитывалось к этому времени до 700 тыс. членов союзов.

Деревенские эксплуататоры проявляли недовольство и в связи с организационным укреплением власти, вве-

дением упорядоченного сбора налогов. Прежде в дельте Жемчужной и других местах шэньши, миньтуань, акционерные компании осуществляли эту функцию государства сами к немалой выгоде для себя. Ликвидация такого положения дел их не устраивала. Во время второго Восточного похода крупные помещики организовали в тылу Национально-революционной армии ряд бандитских мятежей (в районах дельты Западной реки, Гуаньина и др.).

В острых и бурных противоречиях отдельных классов, социальных слоев города и деревни, в стремительном процессе их политического роста и следует искать глубинные причины событий 20 марта. Сыграли свою роль и ошибки в военной политике.

Чтобы это сделалось ясным, нужно сначала обрисовать существовавшую тогда структуру Национально-революционной армии. В то время ее общая численность составляла 120 тыс. солдат и офицеров. Дислоцировалась она в Гуандуне так: в районе Шаньтоу — 1-й корпус, на востоке Гуандуна — 6-й корпус, на Западной реке (Сицзян) — 3-й корпус, на юге провинции — 4-й корпус, наконец, в самом Кантоне и на прилегающей к нему дельте — 5-й корпус и 2-я отдельная дивизия Чан Кай-ши.

Формально высшим военным органом был Военный совет, состоящий из 15 человек: в него входили командиры всех корпусов и начальники управлений. Вся армия состояла из шести корпусов, двух отдельных дивизий и нескольких фортов в устье реки Жемчужной. Для руководства войсками при Военном совете имелись три управления: Главный штаб, Политическое управление и Главное управление снабжения. Флот базировался на Кантон и состоял исключительно из канонерок. Авиация была жалкой. Кантонская армия располагала двумя летательными аппаратами, способными с грехом пополам подниматься в воздух, а четыре самолета и один гидросамолет из-за неисправности не летали.

Политическое управление в последнее время перед 20 марта значительно активизировало свою работу. Было устроено общее собрание комсостава НРА, на котором выступил Ван Цзин-вэй. После этого повсюду в частях по определенной программе стал проводиться политчас.

В это время остро стал вопрос об укреплении Национально-революционной армии. Резолюция ЦИК гоминьдана, принятая еще перед подавлением мятежа юньнаньских и гуансийских милитаристов, требовала централизации военной власти, гражданской власти, финансового управления и политической работы во всех войсковых частях. Принятие этой резолюции было заслугой М. М. Бородина, однако им намечалась лишь общая тенденция работы, а действовать надо было с учетом конкретных обстоятельств. Конкретные шаги по централизации руководства всеми армейскими делами, к сожалению, не всегда были правильными. В этом была вина и главного советника Н. В. Кисаньки. Так, если сначала военный совет заседал три раза в неделю, то затем число заседаний сократилось до одного. Совет занимался всеми мелочами армейской жизни (на нем мог обсуждаться, например, вопрос о том, кому предоставить 10 тыс. патронов). Было принято новое «Положение об управлении Национально-революционной армией», в котором определялись военные функции Политбюро ЦИК гоминьдана и Военного совета. Из состава последнего была выделена постоянная комиссия (фактически президиум). Теперь троица: Ван Цзин-вэй — председатель правительства, Тань Янь-кай — военный министр и Чан Кай-ши — главный инспектор НРА, стала окончательной инстанцией в решении всех практических вопросов армейской жизни, а Военный совет занялся лишь общими установками: раз в месяц на нем делался доклад о текущей работе.

Роли в постоянной комиссии распределились так: Ван Цзин-вэй ведал всеми политическими вопросами, Тань Янь-кай — снабжением и укомплектованием, а Чан Кай-ши сосредоточил в своих руках все основное — оперативные и организационные вопросы, а также обучение войск. Сам Н. В. Кисанька осуществлял функции советника при главном инспекторе НРА, т. е. Чан Кай-ши, и при всем Военном совете, когда он собирался. В Политическом управлении действовал советник Разгон (Ольгин), в главном штабе — В. Рогачев, на флоте — Смирнов-Светловский.

Было очевидно, что сработаться с Чан Кай-ши, претендентом в диктаторы, капризным и мнительным человеком, очень и очень трудно. Чан ни на одну бумагу,

исходившую из главного штаба, не отвечал, за все время побывал лишь на пяти-шести заседаниях Военного совета. А затем он стал занижать сведения о количестве вооружения в «своем» 1-м корпусе и, наконец, перебрался из Кантона на остров Вампу.

В то время уже явно назревал конфликт в Кантоне. Лидеры правых Сунь Фо и Тан Шао-и, до того отсиживавшиеся в Шанхае, дабы избежать конфликта с левыми гоминьдановцами, теперь возвратились в Гонконг. Уже один этот факт был серьезным сигналом. Крайне важно и ответственно было разобраться в обстановке и наметить правильный курс для сил единого фронта.

Встает интересный вопрос: как оценивали наши советники Чан Кай-ши до 20 марта? Сумели ли они в какой-то степени правильно разобраться в сложном характере Чан Кай-ши, предупредить о необходимости весьма осторожного к нему подхода?

В моем распоряжении имеются три характеристики Чан Кай-ши, написанные в разное время непосредственно работавшими с ним советниками. Знакомство с ними дает возможность также оценить качество и методы работы наших товарищей в Южном Китае.

Поскольку эти документы несомненно чрезвычайно интересны и уникальны, я позволю себе привести их на страницах этой книги почти целиком. Характеристики расположены в хронологической последовательности. Вот первая: «С Чан Кай-ши я работаю более года и до сих пор затрудняюсь дать о нем определенные выводы, слишком он меняющийся и замкнутый человек. Впервые я с ним познакомился в феврале 1924 г., когда мы, небольшая в то время группа работников в Кантоне, были у него по организационным вопросам школы. Генерал, одетый в штатский китайский костюм, сидел съежившись, засунув в рукава руки и издавая на слова переводчика неопределенные «э-э-э» (из иностранных языков он знает только японский, ибо получил военное образование в Японии).

Впоследствии, когда работа из области проектов перешла в область практических осуществлений и начала быстрым темпом идти вперед, недоверчивость к нам сошла на нет, но сдержанность не проходила никогда. По натуре своей он мнительный, самолюбивый, скрытный и властолюбивый человек с зачатками европейско-

го прогресса, но не оторвавшийся от китайских предрассудков.

При некотором знании характера генерала можно, очень тонко похваливая его, многого добиться, будучи с ним корректным, но никогда не показывая себя выше или ниже его.

Как организатор Чан Кай-ши оказался энергичным исполнителем намеченных планов. Его пребывание в течение некоторого времени в Москве, знакомство с порядками в Красной Армии и ее вождями благотворно отразилось на нем. Он сравнительно с другим офицерством легко шел на нововведения в школе как с военной стороны, так и в деле политической подготовки курсантов.

При создании гоминьдановской ячейки Чан Кай-ши был выбран членом бюро и принимал деятельное участие в его работе, заседая вместе со своими учениками и младшими офицерами. Правда, на заседаниях он давал чувствовать, что он начальник школы, но проведению тех или иных политических мероприятий в школе не препятствовал. А когда ячейка нуждалась в административной помощи, он тут же отдавал соответствующие распоряжения.

Чан Кай-ши понимал слабости армий феодальных генералов, заключающиеся в отсутствии у них политического базиса, и, когда началось формирование его полков, он согласился на организацию политотдела и института комиссаров. Политработа в полках поставила их быстро на целую голову выше остальных частей кантонских войск.

В смысле обучения частей более современными методами дело проходило не без борьбы. Здесь Чан Кай-ши приходилось лавировать между вводимым советниками новаторством и рутиной старых китайских офицеров, не желавших сдавать прежние избитые приемы. Чан Кайши также было нелегко отказаться от привычной шаблонности обучения и браться за что-то новое, которое надо предварительно еще и самому понять. Но и в этом пункте он быстро начал эволюционировать в лучшую сторону, а по истечении нескольких месяцев дело пошло быстрее, за ним потянулось и старое офицерство.

Отношение к советникам. Чан Кай-ши скорее других понял важность подталкивания и выведения за руку на

лучшую дорогу неповоротливой, безыдейной, малограмотной в военном деле офицерской массы, мнящей при этом себя профессорами, очень самолюбивой и мнительной. Но, кроме того, мне кажется, что он смотрит на находящихся в его частях советников как на своеобразный институт комиссаров, который является контролирующим органом, сколачивающим воедино его формирующиеся части.

Я не думаю, что для него составляют секрет причины роста и падения генералов. Он знает, что милитаризм породил в Китае своеобразный провинциальный бонапартизм. Большинство генералов бывают до поры до времени верны своим сюзеренам и вместе с ними растут. А как только у них чуть-чуть оперяются крылья, они сейчас же начинают обзаводиться своим домиком. Начинается сепаратизм, закулисные соглашения против своего сюзерена в надежде за счет его несчастья приобрести счастье для себя. За примерами далеко ходить не надо: у доктора Суня — Чэнь Цзюн-минь, У Чэнь Цзюн-мина — Линь Фу, у Сюй Чун-чжи — командир его 1-го корпуса Ляо Гун-кай и т. д. Чан Кай-ши этого боится, и он надеется сделать части крепкими и централизованными через советников и политорганы.

Отношение к коммунистам. По той же причине он, мне кажется, дает работать коммунистам и даже выдвигает их. Чан Кай-ши не дурак, он отлично понимает, что на коммунистов помимо его приказов, помимо партийного гоминьдановского давления действует другая партийная сила, которая оказывается сильней. Оттого они — лучшие верные работники.

Когда разыгрывалось событие с «бумажными тиграми», на все ответственные места были поставлены роты, которыми командовали коммунисты. В 1-м полку из трех батальонных комиссаров двое были коммунистами.

Несмотря на болезненное самолюбие замкнутого, самолюбивого человека, мечтающего выдвинуться на арену китайской истории, Чан Кай-ши умеет свой нрав укрощать и чувствовать биение пульса масс. Когда первый выпуск курсантов было решено не производить [1],

---

[1] Первые полки на базе академии Вампу еще только начали формироваться, и для производства выпускников в офицеры не было вакансий, поэтому для экономии средств и был найден такой выход из положения.

а повысить немного курсантское жалованье и направить людей на стажировку в части на несколько месяцев в качестве отделенных, взводных и даже ротных командиров, курсанты заволновались, не желая подчиняться приказу. Чан Кай-ши не поставил дело на формальную ногу, а путем бесед, в которых принимали участие и комиссар школы Ляо Чжун-кай и бюро, доказал, что курсанты, как и старшие члены гоминьдана, должны выполнить этот приказ и тем доказать, что они не на бумаге только гоминьдановцы, но и на деле. В то же время он, не отступая от духа приказа, уравнял их в столе и квартирном отношении с офицерами, несмотря на сопротивление последних. Аналогичных приказов можно привести еще несколько.

Как военный работник Чан Кай-ши почти не выделяется из средних военачальников-китайцев. Он так же, как и огромное большинство их, легко воодушевляется и легко опускает крылья, не зная середины и хладнокровной выдержки. Робость в решении оперативных задач, может быть, объяснялась боязнью, не окрепнув, увязнуть и заставляла быть осторожнее. Но к концу операций на Восточном фронте решения его становились смелее, уверенность росла.

Как смотрят остальные генералы на растущего соперника? Все они внешне дружны между собой, а на деле — враги: к Чан Кай-ши питают особую антипатию и, несмотря на малочисленность его войск, какой-то страх, они чувствуют и видят, что рост Вампу это не то, что их былой рост или рост их обычных соперников,— здесь растет какая-то другая, для них непонятная сила, на каких-то других основаниях, мощь которой они инстинктивно угадывают, беспокоятся, глядя на нее, но понять ее не могут.

Как далеко пойдет с нами Чан Кай-ши? На этот вопрос, конечно, трудно ответить, хотя Чан Кай-ши и считается левым центристом. Укрепившись, превратится ли он тут в обыкновенного дуцзюня и прекратит играть в левизну или пойдет дальше?»

Вот более полная характеристика, написанная другим советником: «Чан Кай-ши — командир 1-го корпуса Вампу. Был в России. Из военных работников стоит к нам ближе всех. Разбирается в политике. Страшно самолюбив. Изучает Наполеона, которого читает на япон-

ском языке. Учился в Японии. Уроженец провинции Чжэцзян, и ранее были подозрения, что его все время тянет туда.

В то время, когда главкомом был Сюй Чун-чжи, не выделялся особенно в военном отношении среди остального генералитета. Сейчас, когда ему пришлось встать фактически на первое место, он уже поднимается над узкими взглядами комкора до понимания армейских задач. После взятия Вэйчжоу послал телеграмму правительству, где указывал в первой части своего доклада на свои заслуги в деле военного строительства в Гуандуне и на то, что он понимает задачи этого строительства. Затем пишет, что боится стать заурядным милитаристом и просит снять его с военной работы. Когда ему было разъяснено, что он не может стать милитаристом, потому что у него нет армии, а его корпус — не его войска, а войска партии, ухватился за эту мысль и в своих речах приводил это положение.

В своих решениях скор, но часто принимает решения необдуманно и тогда их меняет. Упрям, любит поставить на своем; в своей политической эволюции должен дойти до логического конца. В армии авторитетом пользуется и, подтягивая части по службе, умеет вне службы установить дружеские отношения с комсоставом».

Наконец, третья характеристика: «Чан Кай-ши — главный инспектор нацревармии, начальник центральной военной школы, член политбюро ЦИК гоминьдана. Уроженец провинции Чжэцзян. Получил образование в японской военной школе. Кроме китайского знает японский язык. Был в СССР.

Скрытный, недоверчивый и чрезвычайно самолюбивый человек, абсолютно никому не верит. Очень мнителен и властолюбив. Одним из первых среди генералов пошел на серьезную работу с нами. Хороший организатор. Умеет подбирать вокруг себя людей, абсолютно ему подчиняющихся. Сравнительно легко идет на нововведения, когда убеждается в их необходимости. Политически левый и идет налево. Легко может подпасть под влияние левых идей, которыми способен увлекаться. Политическое его поведение зависит от людей, которые его окружают. В проведении своих решений скрытен и решителен. Не особенно считается с мнением других, иногда идя наперекор всем».

С тех пор как я служил в Кантоне, миновало сорок лет. Не удивительно, что многое забылось. Мне не удалось установить авторов приведенных выше характеристик. Более того, я не могу сейчас поручиться, что не я являюсь автором первой из них. Составить ее могли безусловно лишь два человека — Николай Терешатов или я.

Некоторые особенности стиля, а также концовка характеристики заставляют меня думать, что написал ее я. Дело в том, что я задал как-то вопрос М. М. Бородину: «Как далеко с нами пойдет Чан Кай-ши?», — и он в свою очередь ответил мне риторическим вопросом: «А почему бы ему с нами не пойти?» Речь, разумеется, при этом, как и во всех предыдущих цитатах, шла о степени вероятности длительного пребывания Чан Кай-ши в едином фронте, в рядах китайской революционной армии. О том, в какой степени можно рассчитывать на него как на временного союзника революции на том этапе ее развития. Выражение «с нами» имеет именно такой смысл. Мы мысленно всегда объединяли себя с революционным Китаем. «С нами» — следует читать: «с революцией». Так или иначе, я смотрел на Чан Кай-ши после длительной совместной с ним работы именно так, как это изложено в первой характеристике.

С моей точки зрения, во всех трех документах, несмотря на то что они написаны разными советниками, существует полное единодушие относительно характера Чан Кай-ши. Чан Кай-ши был нашими людьми разгадан. Во всех характеристиках сквозит чувство здорового недоверия к этой политической фигуре. В них намечен совершенно правильный метод работы, единственно пригодный для Чана... Словом, к Чан Кай-ши были подобраны ключи.

Первоначальный анализ «событий 20 марта», сделанный, можно сказать, по горячим следам, содержится в докладе А. С. Бубнова на собрании советников в Кантоне 24 марта 1926 г. Бубнов попытался вскрыть социальные корни этих событий. Выводы, изложенные в докладе, явились результатом серьезного изучения данного вопроса. Комиссия побывала в академии Вампу, имела встречи с каждым из командиров корпусов. 15 марта на заседании Военного совета, на котором присутствовал и Чан Кай-ши, комиссия заслушала поли-

тический доклад Ван Цзин-вэя. А главное, товарищи, приехавшие из Москвы, сами явились очевидцами событий, они даже временно фактически находились под арестом.

А. С. Бубнов расценивал «события 20 марта» как «маленькое полувосстание, направленное против русских советников и китайских комиссаров». По его мнению, в них нашли отражение противоречия между централизованной государственной властью и милитаризмом; между мелкой городской буржуазией и пролетариатом, наконец, между левым и правым крылом гоминьдана. При этом Бубнов считал, что левое крыло гоминьдана выражает интересы мелкой городской буржуазии и, очень условно, крестьянства, а правое — интересы буржуазных компрадорских верхов. Они являются политическими компрадорами Гонконга. Бубнов ставил знак равенства между правыми гоминьдановцами и «Обществом по изучению суньятсенизма».

Конечно, этот анализ был сделан в известной спешке, но главное заключалось в том, что А. С. Бубнов сразу же, через несколько дней после попытки переворота, когда еще не улеглись политические страсти, ориентировал наших военных работников на глубокий, классовый, марксистско-ленинский подход к событиям.

Бубнов отметил, что непосредственно «20 марта» вызвано следующими крупными ошибками в военной работе и общем политическом руководстве. Во-первых, не сумели предвидеть конфликт внутри национального правительства, нашедший отражение в армии. Во-вторых, переоценивали силу и единство кантонского руководства. В-третьих, не сумели заранее вскрыть и ликвидировать те большие перегибы в военной работе, которые с полной ясностью были обнаружены в ходе мартовского выступления. В-четвертых, централизация главного штаба, управления снабжения, ПУРа производилась слишком быстро, не учитывались психология и навыки китайского генералитета. В-пятых, генералитет находился под чрезмерным контролем. В самом деле, при командирах имелись комиссары с правом подписи приказов в частях, а комиссары в военных учреждениях обладали еще большими возможностями. Кроме того, действовали и наши советники, пользовавшиеся большим авторитетом и влиянием. Как образно

выразился А. С. Бубнов, на китайского генерала было надето пять ошейников: Главный штаб, Управление снабжения, ПУР, комиссар и советник. Между тем это никак не вязалось с существовавшими в китайской армии традициями. Бубнов, в частности, призывал наших советников особо учитывать болезненный национализм китайских милитаристов, у которых любой нажим со стороны военного специалиста-чужеземца мог вызывать особенно острое недовольство.

А. С. Бубнов совершенно правильно разобрался в сложной кантонской обстановке. Как настоящий коммунист, он подошел к вопросу глубоко принципиально. А. С. Бубнов призвал наших товарищей продолжать работу новыми методами, проявлять неторопливость и вдумчивость. Для него не было сомнений в том, что ни одно серьезное завоевание революции не утрачено, что надо продолжать готовиться к ее расширению.

Всю последующую работу А. С. Бубнов связывал с Северным походом. «Национальная революция не может окопаться на юге Китая», — говорил он, подчеркивая глубокую убежденность солдатской массы в необходимости похода. Вместе с тем Бубнов предостерегал товарищей от неправильной тенденции рассматривать этот поход как чисто военное мероприятие: «Пойти в Северный поход без точных и определенных лозунгов, думать о том, чтобы идти в Северный поход, не зацепив крестьянские массы, это значит сделать безусловную ошибку».

А. С. Бубнов подчеркнул, что наши товарищи ни в коем случае не должны превышать свои полномочия и брать на себя какое-либо непосредственное руководство войсками: «Всякий перегиб палки в эту сторону будет, во-первых, еще более отпугивать крупную буржуазию, во-вторых, вызывать колебания мелкой, в-третьих, снова и снова возрождать неизжитые еще навыки китайского милитаризма, в-четвертых, усиливать и разжигать противоречия между правым и левым гоминьданом, в-пятых, поднимать волну антикоммунистических настроений под лозунгом «долой красную опасность» и, в-шестых, создавать кризис национального правительства и в общем итоге обострять угрозу срыва национальной революции... Кто не видит этой опасности, тот никакого практиче-

ского урока из опыта мартовского выступления сделать будет не в состоянии».

Отмечая, что «левый» гоминьдан еще очень слаб и по-прежнему представляет собой «генеральскую организацию», плохо спаянную внутренне и мало связанную с массами, Бубнов призвал обратить на него внимание советников: «Основная задача заключается в том, чтобы... через работу в левом гоминьдане укреплять непосредственно самый гоминьдан; надо сказать, что, конечно, эта работа очень длительного порядка, она требует очень большой настойчивости, она потребует от китайской коммунистической партии гибкой, очень спокойной и очень выдержанной тактики».

А. С. Бубнов — работник, прошедший богатейшую школу русского революционного движения, владеющий всеми оттенками тактики, опытом борьбы как в условиях непосредственной революционной ситуации, так и в периоды, требующие собирания сил и кропотливой работы. Именно это обстоятельство — активное участие в течение многих лет в борьбе за победу Великого Октября — давало Бубнову полное право обратиться к работникам КПК с товарищеской критикой, с конкретными рекомендациями. Долг коммуниста-интернационалиста повелевал ему это сделать, тем более что КПК была тогда очень молода и немногочисленна.

Бубнов с большим удовлетворением отметил, что за последние четыре-шесть месяцев КПК сделала большой шаг вперед, значительно пополнив свои ряды за счет рабочих элементов. Вместе с тем он указал на ряд очень существенных слабостей в работе КПК: «Внутрипартийная воспитательная работа несомненно в загоне... Мы это вскрыли с несомненной ясностью. Мы считаем, что партия несколько увлеклась военной работой... Мы имеем совершенно неравномерное размещение партийных сил по армии». А. С. Бубнов советовал китайским коммунистам уделить гораздо большее внимание помощи национальному правительству в укреплении государственного аппарата.

Говоря о профсоюзах, А. С. Бубнов отметил, что главный их недостаток в том, что они не знают жизни масс, не умеют зацепиться за повседневные их интересы, почти не занимаются экономической борьбой. Бубнов указал на крайнюю раздробленность профсоюзных ор-

ганизаций: в Кантоне их тогда насчитывалось более ста тридцати, а также на неумение или нежелание работать с реакционно настроенными профсоюзами, в частности с реформистским союзом механиков. «Всекитайской федерации профсоюзов, — отметил он, — следовало бы в интересах настоящей связи с массовым движением переехать из Кантона в другое место». Рекомендация эта была вполне оправдана, ибо кадры настоящего индустриального пролетариата в Кантоне, практически не имевшем крупной промышленности, были очень слабы.

Бубнов критиковал также действия вооруженной силы рабочих — рабочей гвардии, которая «присвоила себе совершенно ей несвойственные полицейские функции».

Если обобщить эти замечания, то можно констатировать, что А. С. Бубнов дружески критиковал китайских товарищей в первую очередь за недостаточную связь с пролетарской базой, за сектантские тенденции и за чрезмерное внимание к военной работе.

Две встречи

Комиссия Бубнова имела возможность тщательно ознакомиться с деятельностью КПК. Еще 2 марта 1926 г., когда члены комиссии были в Шанхае, состоялась встреча с генеральным секретарем ЦК КПК Чэнь Ду-сю, который сделал очень подробное сообщение о своих взглядах на важнейшие проблемы политической обстановки.

Разумеется, я ни в какой мере не претендую на то, чтобы полно обрисовать деятельность КПК в те годы, но считаю полезным изложить все, что мне стало известно по этому вопросу из бесед с товарищами и документов. Нельзя не учитывать, что КПК была тогда очень молодой партией, которая вела борьбу в сложных условиях, и многие материалы, безусловно интересные для воссоздания объективной истории ее развития, могли быть утрачены либо вовсе не были зафиксированы китайскими товарищами. Некоторые же сохранились лишь в форме записей наших советников либо просто в памяти непосредственных участников событий. Поэтому представляют ценность даже отрывочные и скудные сведения.

Чэнь Ду-сю отметил, что лозунг «Против красных!» сплачивал тогда всех контрреволюционеров. В реакционный лагерь, по его мнению, входили милитаристы, чиновники-карьеристы, часть реакционной интеллигенции и даже отдельные предатели из среды рабочих (их было очень мало).

Оценивая политическую позицию китайской буржуазии, Чэнь называл ее контрреволюционной по существу, но старающейся выглядеть нейтрально. Буржуазия, говорил он, «старается выказать себя нейтральной, но не может быть такой фактически. Контрреволюционна и та часть буржуазии, которая является наиболее радикальной... но не всю буржуазию нужно отнести к реакционной, часть ее может быть нейтральной... Многие китайские промышленные капиталисты являются выходцами из компрадоров. Промышленники как только видят, что народ начинает как-нибудь проявлять себя, так поворачивают назад и выступают вместе с контрреволюцией».

В чем же видел Чэнь Ду-сю причины нейтральности буржуазии? Во-первых, в боязни рабочих, во-вторых, в том, что лозунг «Против красных!» выдвигался милитаристами, а к их призывам буржуазия плохо относится. Кроме того, «все-таки международная буржуазия — империалисты не находятся в полном контакте с китайскими милитаристами», имеют место «несогласия между милитаристами и империалистами» и т. д. Изо всех этих не слишком-то четких формулировок Чэня вытекало одно — он считает буржуазию в лучшем случае нейтральной.

Какую же линию по отношению к этому классу Чэнь считал правильной? «Наша политика по отношению к этим элементам заключается в том, что не надо надеяться на них как на революционную силу, политика сводится к тому, чтоб они держали нейтралитет, чтобы не были так страшно реакционны, а немного смягчились бы».

Услышав такую оценку размежевания классовых сил, А. С. Бубнов попросил уточнить, союз каких классов, по мнению Чэня, мог бы обеспечить победу национальной революции в Китае. Чэнь перечислил: рабочие и крестьяне, очень ограниченное количество прогрессивных милитаристов и левое крыло мелкой буржуазии

(Чэнь несколько раз подчеркнул: «Только левое крыло... даже и новая китайская буржуазия в национальное движение не идет. Это показали факты. Она больше находится на стороне контрреволюции»).

И вновь тов. Бубнов конкретизировал вопрос: а как ремесленники-кустари, мелкие торговцы? Чэнь ответил: «Без них национальная революция не победит, городскую мелкую буржуазию надо привлечь на сторону национальной революции, потому что рабочее и крестьянское движение здесь не так развито и нуждается в мелкой буржуазии. Именно этим и вызывается необходимость существования в Китае гоминьдана».

Конечно, в задачу комиссии Бубнова не входила развернутая критика концепций тогдашнего руководства КПК. Но Чэнь явно сужал состав революционного лагеря, и вообще за его оценками чувствовалась какая-то смещенная политическая перспектива. Поэтому Лепсе, а вслед за ним Бубнов высказали свою точку зрения. Лепсе сказал: «Можно ли считать, что после шанхайских событий (30 мая 1925 г.) буржуазия настолько испугалась рабочих, что из-за боязни готова отказаться от основной своей цели?» Бубнов его поддержал: «В Шанхае даже при отливе революционного движения многие представители крупной буржуазии не отошли от национальной борьбы, они лишь стремились взять в свои руки руководство... Вы сказали — „части" мелкой буржуазии, а надо сказать — целиком и полностью. Без мелкой буржуазии вперед пойти нельзя... Тут нужно говорить не о части мелкой буржуазии, а вообще о всей городской мелкой буржуазии, включая ремесленников, купечество, мелкое и среднее».

Возражения Чэнь Ду-сю были несерьезны. Он свел их к следующему: вожди городской буржуазии, мелких торговцев быстро разлагаются, масса революционна, но вожди начинают работать в контакте с крупной буржуазией, помимо этого часть студенчества контрреволюционна. «Самым насущным является вопрос об отношении к интеллигенции и вообще мелкой буржуазии».

Тут уж вмешался Кубяк. Чэнь говорил много, категорично и даже менторски, в духе профессорской лекции, но он ничего не сказал о крестьянстве, кроме общего его упоминания как части революционного лагеря. «Вокруг какого лозунга КПК объединяет сейчас кре-

стьянство?» — спросил Кубяк. «Мы работаем среди крестьян, — разъяснил Чэнь, — под именем гоминьдана, но одновременно, где только возможно, показываем и свой флаг. Поэтому в Гуандуне, где крестьянское движение сильно, мы имеем 300 коммунистов чистых крестьян, в Хунани — 200 с лишним... Что касается лозунгов, требований для крестьян, то они были напечатаны в маленькой брошюрке. Это был минимум требований. Отпечатав в Пекине 50 тыс. экземпляров, в Гуандуне — 50 тыс. и в Шанхае — 2 тыс., их роздали крестьянам».

Кубяка такой ответ явно не удовлетворил. «Что требует КПК для крестьян?» — снова спросил он. Последовало совершенно великолепное заявление Чэнь Ду-сю, что он сам составлял требования, но передать их на память не может; речь там шла о том, что в принципе земля должна быть отдана крестьянам (Чэнь пояснил: «Этот лозунг не выдвигается, а только объясняется крестьянам»). Конкретное же содержание требований свелось к следующему: 1) брать с крестьян лишь государственный налог (на деле милитаристы собрали налоги на пять-шесть лет вперед); 2) дать право крестьянским союзам вместе с органами сельской администрации определять размер налога и цен на сельскохозяйственную продукцию; 3) признать право крестьян создавать союзы и вооружаться, участвовать в выборах местного самоуправления. Далее Чэнь перечислил ряд более мелких требований — об улучшении орошения земель государством, о кредитной кооперации и т. п. «Там есть и еще требования, которые я сейчас забыл», — спокойно промолвил Чэнь. Но Кубяк не унимался: «Как крестьяне отнеслись к этой программе?» Чэнь пояснил, что воззвание выпущено после последнего пленума ЦК, совсем недавно, и с мест еще нет об этом докладов.

Думается, что ответы Чэня не могли не удивить комиссию. Речь идет о стране с огромным преобладанием крестьянского населения, и вдруг оказывается, что Чэнь относится к лозунгам для деревни с невозмутимым равнодушием, часть из них он даже запамятовал!

Зато очень горячо говорил Чэнь о необходимости немедленного выступления Национально-революционной армии на Север. Доводы его были таковы: У Пэй-фу имеет престиж чуть ли не главы китайских милитаристов, а сил у него мало. Кроме того, они разрознены и

возможно с некоторыми из генералов договориться о переходе на сторону НРА. Если У не разбить, то он заключит с мукденцами перемирие. Победив народные армии и связавшись с Англией, он ударит против своего главного врага — Кантона. Если бы удалось разгромить У, это принесло бы большой политический успех.

Чэнь всячески подчеркивал, что он имеет в виду не Северный поход, крупнейшее вооруженное выступление за национальное освобождение страны, ее объединение, а нечто иное: «Посылку экспедиции из Гуандуна нельзя понимать так, что мы идем делать обязательно революцию, совсем нет... мы спасаем существующие наличные силы». Чэнь полагал, что достаточно будет из Гуандуна отправить тысяч 20 солдат, например две дивизии — хунаньцев и юньнаньцев. Силы для экспедиции можно было бы найти также в Хунани и Гуанси. Главное не упустить момент, пока Тяньцзинь не захватили мукденцы. Надо учесть, что «по всем сообщениям из Цзянси и по докладу нашего товарища из Хунани, там имеются силы, которые можно использовать против У, связав их с Гуандуном». «Если из Тяньцзиня получим 10 тыс. солдат (т. е. от народной армии Фэна), из Хунани — 20 тыс. и Гуандун пошлет 20 тыс., то этого будет достаточно, чтобы разбить У Пэй-фу... Когда армия уничтожит У Пэй-фу, то она может вернуться обратно в Гуандун и навести там тот порядок, который нужен».

Чэнь Ду-сю всячески критиковал гуандунских товарищей, которые считали, что им нужно примерно полгода, чтобы создать прочное положение в провинции, где еще существуют остатки контрреволюции, не налажена политическая работа в армии, далеко не в блестящем состоянии финансы и вообще совершено «много субъективных ошибок». «Я полагаю, — говорил Чэнь Ду-сю, — что экспедицию можно и должно послать гораздо скорее, чем это собирается сделать Гуандун». Чэнь сообщил, что, оставшись в Шанхае единственным членом ЦК КПК, он несколько раз посылал в Гуандун телеграммы, а копии их — Л. М. Карахану, излагая свою идею Северного похода, называя его «экспедицией гуандунской армии против У Пэй-фу».

Члены комиссии задали Чэню ряд вопросов, связанных с тактикой предстоявших военных действий. Лепсе попросил оценить позицию Сунь Чуань-фана, мили-

тариста, контролировавшего тогда ряд восточных провинций и Шанхай. Чэнь предположил, что Сунь Чуань-фан «на крепкий союз с У Пэй-фу не пойдет» даже в случае продвижения НРА на север. С определенной группой империалистов он пока что не связан. ЦК КПК не возражает против затевавшихся тогда гоминьдановских переговоров с Сунь Чуань-фаном. Суню надо объяснить, что «у нас в Китае социалистической революции нет, у нас национальная революция», что СССР помогает именно делу национального освобождения Китая. Надо попытаться в военном отношении связать Сунь Чуань-фана с народными армиями Фэн Юй-сяна.

Бубнов задал вопрос об отношении КПК к Фэн Юй-сяну. «Мое личное мнение таково, — ответил Чэнь, — что в настоящей борьбе надо смотреть на них (на три народные армии. — *А. Ч.*) как на единое целое, что они ведут борьбу против империалистов. Объективно это есть борьба в интересах революции... Мы причисляем их пока к революционной стороне, стоим безусловно за них». Дав такую общую оценку армий Фэна, Чэнь Ду-сю отметил, что непосредственно «о значении этих трех народных армий для коммунистической партии пока не приходится говорить. Они, откровенно говоря, против коммунистов. Части 2-й народной армии настроены очень реакционно не только против нас, коммунистов, но и против гоминьдановцев; только некоторые, очень маленькие части, находятся ближе к нам». Чэнь подчеркнул, что народные армии связаны очень слабо друг с другом и с Кантоном, между тем как Чжан Цзо-линь имеет хорошую связь с У Пэй-фу через империалистов.

Бубнов, отметив, что командный состав народных армий состоит преимущественно из купцов и вообще средних имущественных прослоек, которых при помощи революционной пропаганды можно завоевать минимум на 80%, спросил, считает ли Чэнь Ду-сю задачу завоевания народных армий для национальной революции очередной? Чэнь признал, что коммунистам «надо усилить свою пропаганду среди частей народных армий».

В высказываниях Чэнь Ду-сю прозвучал определенный пессимизм в оценке возможностей китайского национально-революционного движения. «Какое же движение имеет больше шансов победить? — рассуждал он. — По-моему, в смысле ближайших перспектив у контрре-

волюционных сил больше шансов на победу, чем у национального движения, потому что контрреволюционные элементы крепче объединены, чем революционные». В марте 1926 г. Чэнь Ду-сю рассматривал момент не как предреволюционный, а как этап накопления сил. Динамику развития революции Чэнь представлял следующим образом: «В Китае массовое движение толкает некоторых прогрессивных милитаристов, милитаристы способствуют прогрессивной политике, прогрессивная политика способствует массовому движению и т. д. ...Настоящей революции ожидать трудно, но нового подъема ожидать можно при условии войны, если народные армии победят У Пэй-фу. Если же победят У или Чжан, то ближайшее полугодие будет очень трудным периодом». Так оценивал ситуацию Чэнь всего лишь за четыре месяца до огромного расширения революционного движения, связанного с Северным походом НРА.

Бубнов поинтересовался, ставит ли КПК задачу после победы национальной революции развивать ее дальше в интересах рабочих. Чэнь Ду-сю, признав в самых общих чертах своевременность постановки такого вопроса и посетовав на то, что правые гоминьдановцы рассматривают классовую борьбу как нарушение единого фронта, добавил: «Мы же, коммунисты и левые гоминьдановцы, полагаем, что для того, чтобы укрепить единый фронт, обязательно нужна классовая борьба, она идет как раз параллельно с единым фронтом, укрепляя национальную революцию. Конечно, при национальной революции рабочие и крестьяне должны идти на некоторые уступки, потому что нельзя нарушать единый фронт и слишком много давать рабочим и крестьянам».

Из дальнейшей беседы с полной очевидностью выяснилось, что Чэнь считает перспективу победы революции и серьезных революционных завоеваний чрезвычайно отдаленной и неопределенной. Он сказал, что в случае победы над У Пэй-фу и последующего перемирия с мукденцами нельзя будет создать правительство типа кантонского. Может быть учреждено лишь временное переходное правительство с включением в его состав правых гоминьдановцев и даже представителей милитариста Сунь Чуань-фана. «Переходное правительство не сможет уничтожить неравноправные договоры, оно сможет лишь их исправить, издать законы о рабочих союзах и

крестьянских союзах. Если же массы организуются, то силы их увеличатся и экономика Китая будет развиваться. Но для уничтожения империалистов должен наступить другой момент. Еще не сейчас». В этих оценках Чэня ярко проявилось правооппортунистическое неверие в силы революции, в возможности массового движения. Вместе с тем, когда Кубяк задал вопрос: «Рост авторитета Кантона в стране не может ли явиться тормозом для роста коммунистического движения и компартии?» — Чэнь уверенно ответил: «Нет, этого никогда не будет!»

Комиссия в деликатной форме выразила свое недоумение в связи с решением Пленума ЦК КПК перевести Центральный Комитет из Шанхая. Было очевидно, что тем самым ослабляется связь компартии с ее основной классовой базой — пролетариатом. Чэнь Ду-сю сам отмечал, что в Шанхае «большинство рабочих и студенчества находятся на нашей стороне». Чэнь решительно отмежевался от идеи перевода ЦК. Он сказал: «Я лично против переселения, за оставление ЦК в Шанхае, во-первых, Шанхай — пролетарский район, здесь все-таки сосредоточено большинство пролетариата Китая: во-вторых, Шанхай имеет очень хорошую связь». Чэнь вновь критиковал гуандунскую организацию, указав, что в Кантоне помещать штаб китайских коммунистов нельзя, иначе КПК будет работать «как гуандунская компартия».

Очень интересно, предвидел ли Чэнь как тогдашний генеральный секретарь КПК возможность «событий 20 марта»? Ведь беседа с Чэнем происходила всего лишь за две с лишним недели до этих событий. Из высказываний Чэня видно, что и он был дезориентирован. Вот его слова о кантонском правительстве: «Там (в Кантоне) действительно мы имеем левое крыло гоминьдана, которое работает в контакте с коммунистами». Вот об армии: «В 1-м и 2-м корпусе мы можем работать как следует». Как мы видели, именно 1-й корпус Чан Кай-ши и был вооруженной силой переворота.

Участники беседы мне рассказывали, что Чэнь внешне никак не был похож на руководителя пролетарской партии, хотя и был одет под квалифицированного рабочего. Вся его манера держаться была чисто профессорской, таков же был и стиль речи. Чэнь торопился, опа-

саясь слежки со стороны полиции английского сеттльмента, которая была осведомлена о приезде комиссии.

Совершенно иное впечатление производил Чжан Тай-лэй, один из самых замечательных руководителей китайских коммунистов того времени. Комиссия встретилась с ним на заседании гуандунского комитета КПК. По приглашению кантонских товарищей комиссия заслушала незадолго до 20 марта доклад Чжана о политическом положении в Гуандуне. Высокий, стройный, подтянутый Чжан Тай-лэй энергично пожал руки друзьям из Москвы и сразу же приступил к делу. Говорил он вдохновенно, горячо и убежденно, как опытный пропагандист, умеющий увлечь за собой массы.

В обширном докладе Чжана особенно интересно было освещение вопроса о взаимоотношениях с правым и левым крылом гоминьдана. Он считал, что осень 1925 г. была периодом диктатуры «левых» гоминьдановцев в Гуандуне. Этап от Сишаньской конференции до II конгресса гоминьдана был охарактеризован им так: колебания левых, активизация правых. Наконец, после конгресса наступил коалиционный период с более ясно, чем прежде, выраженными внутренними противоречиями.

Перед II конгрессом гоминьдана центр правых в Шанхае вел переговоры с ЦК КПК. Считая, что необходимо достичь некоторого соглашения для совместной работы с правыми в рамках гоминьдана, ЦК КПК принял соответствующее решение. Однако на севере «левые» гоминьдановцы не хотели сотрудничества с правыми. ЦК КПК настаивал на том, чтобы на неделю-две отложить открытие конгресса для успешного завершения переговоров. Гуандунские же коммунисты оценивали обстановку по-иному, они исходили из того, что тактика сотрудничества правых и «левых» гоминьдановцев опасна для революционной базы в Кантоне, опасались, что контролировать ситуацию в итоге будут правые, поэтому II конгресс был начат в намеченное время — 1 января. Тем не менее конгресс сделал уступки в решении вопроса о представительстве правых в ЦИК. В высший орган гоминьдана вошли Сунь Фо и некоторые другие правые. Абсолютное число членов КПК в ЦИК увеличилось, но в процентном отношении оно не возросло. ЦК КПК считал тогда, что поскольку правые заявляют о

захвате коммунистами основных постов в гоминьдане, то можно пойти на уменьшение членов КПК в ЦИК или даже вовсе в ЦИК не входить.

В докладе Чжан Тай-лэя чувствовалась обеспокоенность сложившейся в Кантоне ситуацией. В отличие от Чэнь Ду-сю он видел, что борьба обостряется. Особенно озабочен он был возросшей активностью «Общества по изучению суньятсенизма». «Левые справятся с правыми лидерами, но у правых все-таки остается база в виде миньтуань и «Общества суньятсенизма». Наша борьба с правыми перенесена сейчас в массовую работу... Левые не проявляют решительности. «Общество суньятсенизма» подчиняется сейчас Политуправлению, и, по-видимому, Чан Кай-ши и Ван Цзин-вэй хотят сделать его научным обществом по изучению суньятсенизма. Но это ерунда!» Особого внимания заслуживал следующий вывод Чжан Тай-лэя: «По-видимому, правые готовятся сейчас к выступлению, недавно была попытка внести раскол между 4-м и 1-м корпусами. Сейчас положение похоже на то, которое существовало накануне убийства Ляо Чжун-кая. Распространяются слухи, листовки».

Доклад Чжан Тай-лэя показывает, что перед «20 марта» у лучших, наиболее проницательных, руководителей коммунистов были серьезные опасения относительно намерений правых. К сожалению, они не были достаточно четко сформулированы, а главное, не переросли в соответствующие организационные меры, и авантюра Чан Кай-ши застала коммунистов врасплох.

Макиавеллизм Чан Кай-ши

Как же сложились взаимоотношения КПК с гоминьданом после «событий 20 марта»? В этот период «левые» гоминьдановцы находились в состоянии некоторой растерянности. К сожалению, и гуандунская организация КПК не сумела мобилизоваться для быстрого энергичного отпора выступлению реакции, не проявила серьезного тактического мастерства. Между тем Чан Кай-ши, который первоначально сам был напуган содеянным, по-

степенно нащупывал почву под ногами. Ему удалось созвать расширенный пленум ЦИК гоминьдана, на котором были пересмотрены принципы организационных взаимоотношений с КПК.

О коварстве и гибкости методов Чана и в то же время о неустойчивости его положения говорит поведение его перед пленумом. КПК пригрозила Чан Кай-ши полным уходом коммунистов из гоминьдана, и он готов был с этим согласиться; однако «левые» гоминьдановцы высказались против, и Чан тут же пересмотрел свою позицию. За полтора дня до пленума он показал одному из руководителей КПК текст своих предложений по отношениям с коммунистами. Он демагогически уверял, что сумеет победить правых, если КПК согласится на намеченные им меры. Такое согласие было им получено.

Пленум ЦИК гоминьдана состоялся 15 мая 1926 г. Поскольку принятое им решение имеет очень большое значение для понимания дальнейших событий, особенно развития борьбы в рамках единого фронта национально-революционных сил, я приведу его здесь почти целиком: «1. Всякому члену другой партии, вступающему в гоминьдан, данная партия должна приказать понять, что суньятсенизм, созданный Сунь Ят-сеном, является основой гоминьдана и по отношению к Сунь Ят-сену и суньятсенизму не должно быть никаких сомнений и критики. 2. Список членов другой партии, желающих вступить в гоминьдан, данная партия должна передать председателю ЦИК гоминьдана. 3. Количество членов другой партии, являющихся членами гоминьдана и занимающих должности членов исполнительного комитета, высшего органа гоминьдана (ЦИК, провинциальные комитеты, особый район), не должно превышать $^1/_3$ всего состава членов исполкома. 4. Член другой партии, вступивший в гоминьдан, не имеет права занимать должность заведующего любым отделом ЦИК. 5. Никакой член гоминьдана не имеет права без разрешения партии созывать какое бы то ни было партийное собрание от имени гоминьдана. 6. Всякий член гоминьдана без разрешения высшего партийного органа не имеет права создавать какую бы то ни было политическую организацию или вести такого рода деятельность. 7. Член другой партии, вступающий в гоминьдан и получающий какой-либо приказ от данной партии, должен сна-

чала передать таковой на рассмотрение и согласие объединенного комитета... 8. Член гоминьдана без согласия партии на его уход из гоминьдана не имеет права вступить в другую партию. Если же член гоминьдана ушел из него и вступил в другую партию, то он не имеет права на возвращение в гоминьдан. 9. Член партии, не исполняющий указанных выше пунктов, должен быть исключен из партии или же понести соответствующее наказание по степени его преступления».

Для рассмотрения спорных вопросов пленум создал объединенный комитет из пяти гоминьдановцев и трех членов КПК. В качестве советника был приглашен представитель Коминтерна.

Таким образом, в результате давления Чан Кай-ши коммунисты отказались от ряда очень важных постов в гоминьдане, которые они имели после II конгресса, да и в более раннее время. Один из руководителей КПК так объяснял М. М. Бородину мотивы, которыми руководствовалась партия, давая свое согласие на решение пленума: «В случае, если бы мы не дали тогда своего согласия, у нас было два выхода: 1. Пассивный выход из гоминьдана. Это слишком рано. 2. Активно взяться за дело, привлечь левых и устранить Чан Кай-ши. Второе слишком опасно». При всех возможных оговорках гуандунская организация молодой КПК не проявила большого тактического искусства.

4 июня 1926 г. Чэнь Ду-сю направил Чан Кай-ши открытое письмо. Целью его было наладить вновь или хоть как-то заштопать взаимоотношения с Чаном. Однако документ был очень слабо написан, в нем сквозила какая-то растерянность, крайняя неуверенность в своих силах. Письмо ни в какой степени не звучит как написанное одним из руководителей партии, пользующейся авторитетом в массах. Наоборот, в нем слышны ноты зависимости от Чан Кай-ши.

Предлогом для письма явилась «Речь начальника школы Вампу по поводу событий на крейсере «Чжуншань» на собрании партийных комиссаров». Во время этого выступления Чан Кай-ши заявил: «У меня осталось сегодня еще много трудно высказываемых вещей, о которых только я один знаю». Чан Кай-ши напустил здесь тумана, и, опасаясь, что это может быть истолковано против КПК, Чэнь Ду-сю предложил ему: «Если

это касается КПК, просим все высказать, не утаив ни малейшего».

Чан сетовал на то, что коммунист, заведовавший политотделом в Вампу, сравнил его в своей речи с Дуань Ци-жуем, сказав: «В нашей организации мы имеем Дуань Ци-жуя, и, прежде чем идти на Север, надо свергнуть местного Дуань Ци-жуя». Чэнь Ду-сю несколько наивно объяснил Чану все неправильностью перевода, сказанного коммунистом с кантонского на пекинский диалект!

Чэнь Ду-сю явно дезориентировал коммунистов и массы, пустившись восхвалять принципиальную приверженность Чан Кай-ши революции. «В действительности, — писал Чэнь Ду-сю, — начиная с первых дней основания Вампу вплоть до 20 марта мы у Чана не можем найти ни малейшей контрреволюционной тенденции. Желание свергнуть Чана является чистой контрреволюцией. Если КПК является такой контрреволюционной партией, Вы обязаны ее уничтожить». Конечно, в то время неправильно было разрывать единый национально-революционный фронт, но зачем Чэню понадобился этот панегирик мнимой революционности Чан Кай-ши?

Ряд замечаний Чэня мог только навести на мысль о крайней слабости и даже беспомощности КПК: «Если бы Вас в это время (20 марта. — *А. Ч.*) не было в Кантоне, суньятсенисты сумели бы устроить настоящую резню компартии... Силы китайской революции все еще очень слабы. Силы наших врагов, напротив, весьма и весьма велики. Наша революционная работа в настоящее время напоминает полуразбитый корабль во время шторма, когда помощи неоткуда получить. Есть ли малейший здравый смысл в том, чтобы самим начать ломать руль?»

Чэнь Ду-сю даже сообщил Чан Кай-ши, что он расходится с мнениями некоторых своих товарищей о Северном походе, что он четыре раза излагал в телеграммах свою точку зрения и направил подробное письмо Ван Цзин-вэю и Чан Кай-ши. Опять-таки зачем было выносить на свет дискуссию в КПК по такому важному вопросу, демонстрировать перед Чаном наличие внутренних разногласий в партии? Словом, письмо Чэнь Ду-сю — это явно ошибочный документ, который ничего, кроме роста амбиции, у Чана вызвать не мог.

Некоторая растерянность после «20 марта» сказалась и на работе коммунистов в рядах Национально-революционной армии. Члены КПК фактически руководили тогда всей политической работой в армии. Начальниками политических отделов в 1-м, 2-м, 3-м, 4-м и 6-м корпусах были коммунисты, они же составляли большинство работников политаппарата. Вместе с тем офицерство, состоявшее в значительной степени из вчерашних милитаристов, относилось к коммунистам с откровенной боязнью. Так, в 4-м корпусе коммунистов допустили лишь в 12-ю дивизию, да и то только в 34-м полку, которым командовали коммунисты. Это был прославившийся в боях Северного похода героический полк Е Тина. Тогда в нем насчитывалось около 80 членов КПК. Блюхер в письме от 5 июня сообщал о намерении по мере возможности развернуть этот полк в дивизию.

В 1-м корпусе после «событий 20 марта» коммунисты были удалены почти изо всех дивизий и сосредоточены на политических курсах и в офицерском полку академии Вампу. В Вампу «левые» гоминьдановцы после «20 марта», бегства Ван Цзин-вэя и майского пленума окончательно растерялись.

Работа членов КПК в армии имела тогда серьезные ошибки. Они мало внимания уделяли гоминьдану и заботились в основном о росте своей собственной организации. Вместо того чтобы вести политико-воспитательную работу, они, как выразился В. К. Блюхер, «комиссарили и в итоге не приобрели надлежащего влияния среди командного состава».

Политсоветник академии Вампу Наумов писал: «Коммунисты чувствуют себя в армии крайне плохо. Чувствуется большой разброд и среди них. Их отношение к требованиям Чана различное: одни считают, что следует выйти из КПК и работать с гоминьдановцами, другие, наоборот, предлагают уйти из гоминьдана и работать открыто». Блюхер отмечал в докладе от 5 июня 1926 г.: «Этот разброд и неопределенность их положения не могли не сказаться и на устойчивости их позиций в Вампу, где они начинают терять значительную часть своих позиций, что отражается на их влиянии в войсках, которое раньше было очень сильно».

Лишь 14 июля 1926 г. пленум ЦК КПК принял развернутую резолюцию по вопросу о взаимоотношениях

компартии с гоминьданом. В ней указывалось, что «события 20 марта», пленум ЦИК 15 мая, предложения Чан Кай-ши о коммунистах Вампу от 7 июня 1926 г. представляют собой цепь наступлений военной группы центристов гоминьдана против коммунистов. Они стали возможными «из-за ряда ошибок со стороны нашей партии (отсутствие учета реальной обстановки, слабая связь с массами, отсутствие самостоятельной политической линии, затягивание Гонконгской стачки)».

В центр своего внимания КПК поставила теперь работу с «левыми» гоминьдановцами. В решении говорилось: «Мы, коммунисты, участвуя в руководстве гоминьданом, работаем так, что фактически отстраняем левых гоминьдановцев как от участия в строительстве партии, так и от борьбы с правыми, делая эту работу за «левых». Не давая «левым» политически и организационно самоопределиться, мы тем самым мешаем развитию гоминьдана за счет революционной интеллигенции и городской мелкой буржуазии, среди которой поэтому все больше стали завоевывать себе влияние правые и отчасти центристы.

С другой стороны, не выполнив постановления прошлогоднего пленума о большей самостоятельности нашей партии и об идеологической и организационной борьбе против правых, мы не закрепились достаточно в массах (рабочие и крестьянские союзы, студенты), чтобы противодействовать наступлению правых и военной группе центра при ухудшившемся положении на Севере». Направление работы было определено в резолюции весьма, как мы видим, четко, но сделано это было лишь через несколько месяцев после событий в Кантоне, когда обстановка уже существенно изменилась.

В решениях пленума говорилось о необходимости сохранения блока с гоминьданом. Точка зрения товарищей, выступавших за организационный разрыв с гоминьданом, критиковалась как неправильная, поскольку она совпадает с требованием правых об удалении коммунистов из гоминьдана. «Превалирующая роль мелкой буржуазии в составе гоминьдана делает длительно возможным наше участие в работе внутри этой партии на основе собственной политики», — такова была та оценка смысла «событий 20 марта» и вытекающих из них уроков, к которым пришла компартия после весьма труд-

ного периода отпора неожиданному и предательскому удару Чан Кай-ши.

Посмотрим теперь, как оценивал «20 марта» и развернувшуюся вокруг него борьбу М. М. Бородин, который вернулся в Кантон непосредственно после событий.

Михаил Маркович считал, что «20 марта» порождено следующими причинами. Центристская мелкобуржуазная интеллигенция, являвшаяся остовом армии Чан Кай-ши, давила на него, требуя расширения своих прав за счет коммунистов. Кроме того, усиление «левых» элементов, происшедшее после II конгресса, встревожило Чана. Плюс личная амбиция этого кандидата в китайские Наполеоны. По мнению Бородина, результаты «событий 20 марта» явились неожиданностью для самого Чан Кай-ши. «20 марта» вылилось в государственный переворот в силу специфической роли армии. Дальнейшие события показали слабость «левых» интеллигентов и коммунистов, что и привело в конце концов к диктатуре Чан Кай-ши.

Бородин указывал на слабость Чан Кай-ши в момент переворота: даже академию Вампу пришлось ему окружить 2-й дивизией, поскольку большинство курсантов были против него. У «левых» гоминьдановцев во главе с Ван Цзин-вэем были все условия для активного сопротивления, но они проявили безволие и растерянность.

Немаловажным обстоятельством стало отсутствие в Кантоне 20 марта Бородина и Блюхера. Будь они здесь, вероятно, им удалось бы повлиять на «левых», а также на армейские круги, не желавшие поддерживать рвущегося к власти Чан Кай-ши. Когда М. М. Бородин вернулся, было уже поздно. Чан Кай-ши успел захватить важнейшие командные высоты. Если бы теперь генералам и удалось его подавить, то победители неминуемо затеяли бы конфликт между собой. Это в условиях усиления У Пэй-фу было бы слишком опасно. Да и Чан Кай-ши быстро почувствовал необходимость перестроиться на ходу.

Линия на сохранение единства всех национально-революционных сил была тогда единственно правильной. Гораздо позже, уже вооруженный опытом китайской революции 1925—1927 гг., Бородин подтвердил неоспоримость взятого тогда курса. Выступая 23 октября 1927 г. в Москве с докладом перед старыми большеви-

ками об уроках борьбы в Китае, Бородин перечислил все появившиеся к тому времени интерпретации «событий 20 марта». Схематично они выглядели так: 1) командный состав НРА стремится освободиться от опеки гоминьдана; 2) влияние КПК в армии возросло, и она стремится сбросить Чан Кай-ши; 3) буржуазия путем ряда действий (выдвижение Дай Цзи-тао, создание «Общества по изучению суньятсенизма», «20 марта») дает отпор пролетариату и крестьянству в борьбе за гегемонию в революции; 4) центристы Дай Цзи-тао и Чан Кай-ши стремятся разбить блок «левых» сил в гоминьдане; 5) Китай недостаточно велик для двух его «великих сынов» — Ван Цзин-вэя и Чан Кай-ши; 6) буржуазия дает отпор росту массового движения, поскольку коммунисты вместо выдвижения левых гоминьдановцев стали добиваться захвата руководящих постов в гоминьдане (точка зрения коминтерновских работников Войтинского и Рафеса).

М. М. Бородин рассказал, что Чан Кай-ши не мог дать ему никаких внятных объяснений происшедшего. Он лишь повторил набившую оскомину версию о комиссаре крейсера «Чжуншань», который-де перекинулся на его сторону и сознался в наличии заговора.

Бородин утверждал, что уступки, сделанные КПК на пленуме 15 мая 1926 г., были вполне оправданы. Ранее посты в руководстве гоминьдана были необходимы коммунистам, чтобы найти дорогу к массовому движению, теперь же это был пройденный этап. Согласившись с резолюцией Чан Кай-ши, КПК получала возможность продолжать Гонконг-Кантонскую стачку, организацию крестьянских союзов. «20 марта» ни в какой мере не затрагивало возможностей развивать рабоче-крестьянское движение и не было направлено непосредственно против стачкома, у которого была колоссальная власть.

И в октябре 1927 г. Бородин был убежден, что разрыв с гоминьдановскими центристами тогда был бы грубой ошибкой. «Надо было сначала расшатать, расшевелить, вызвать из состояния спячки колоссальные рабоче-крестьянские массы вне провинции Гуандун». Если бы КПК не пошла на уступки, это означало бы конец сотрудничества с гоминьданом и революционные силы застряли бы в одной провинции. Бородин подчерк-

нул, что «мартовцы» тоже должны были отступить. Теперь внутри единого фронта существовал «молчаливый сговор». Чанкайшисты стремились с помощью северной экспедиции прорваться к буржуазии Центрального Китая и получить ее поддержку, коммунисты хотели найти опору в рабочем движении этого же района.

В специальном докладе кантонскому коллективу советников в начале июня 1926 г. М. М. Бородин показал размежевание, происшедшее в рамках единого фронта. По его мнению, гоминьдан состоял из пяти группировок: 1) бывшие гоминьдановцы, «сишаньцы», продолжающие себя числить членами партии; 2) правые, связанные с компрадорской буржуазией; 3) центристы, которых возглавляет военная клика Чан Кай-ши (Бородин полагал, что за ними стоит мелкобуржуазная интеллигенция, с которой надо работать, так как она представляет собой враждебную империализму силу, выступает за развитие массового движения, но стремится поставить его под свое руководство); 4) небольшая группа, вернее отдельные представители «левого» течения в гоминьдане (мелкобуржуазная интеллигенция, питающая ненависть к империализму, идущая по практическим вопросам в большинстве случаев за КПК), и, наконец, 5) Китайская коммунистическая партия.

Я уже писал выше о позиции, занятой левым крылом единого фронта после «20 марта», расскажу теперь об активности правых накануне Северного похода и о двойственном поведении Чан Кай-ши.

Чан Кай-ши наносил удары и правым и левым попеременно, сосредоточивая тем временем все больше власти в своих руках. На первый взгляд некоторые его поступки выглядели весьма радикально. Он устранил с арены политической борьбы в Гуандуне ряд правых лидеров: У Те-чэн, начальник гарнизона полиции Кантона и командир 17-й дивизии, был выслан. Чан заставил уехать из Кантона комиссара по иностранным делам национального правительства У Чжао-чу, такого же комиссара провинциального правительства Фу Бин-цзана. Вместо У Чжао-чу был назначен прогрессивно настроенный левый гоминьдановец Евгений Чэнь (Чэнь Ю-жэнь). Вынужден был оставить Кантон крайне одиозный политикан Ху Хань-мин. Оуян Цзы, игравший самую активную роль 20 марта и организовавший, в ча-

стности, провокацию с «Чжуншанем», был арестован. Вместе с тем Чан Кай-ши, проведя упомянутый пленум ЦИК 15 мая 1926 г., привлек к себе людей, связанных с теоретиком правого крыла гоминьдана Дай Цзи-тао.

Чан Кай-ши прилагал энергичные усилия к тому, чтобы организационно оформить свою группировку. Он создал «Союз воспитанников Вампу», председателем которого назначил себя. Основу этого союза составила группа членов «Общества по изучению суньятсенизма» из 2-й дивизии. Однако в комитет союза были избраны в основном коммунисты и левые. В беседах с Бородиным Чан Кай-ши заводил даже речь о создании новой, «третьей» партии.

По-моему, полностью разгадал в то время политическую игру Чан Кай-ши, несмотря на все его незаурядное актерское искусство, В. К. Блюхер. Будучи замечательным военным, он одновременно обладал удивительной политической чуткостью, умением рассмотреть суть дела за всякими хитросплетениями и демагогией.

В докладе от 5 июня 1926 г. Блюхер сообщал: «Мои личные взаимоотношения с Чан Кай-ши в первое время были несколько натянутыми, хотя он выслал мне навстречу в дельту лучшую канонерку, пересев на которую я приехал в Кантон. Он все время возвращался к вопросу о том, доверяем ли мы ему, много раз и подолгу рассказывал о причинах, толкнувших его на выступление 20 марта. Из его рассказов получалось, что Ван Цзин-вэй и Кисанька (хотя он о Кисаньке прямо и не говорит) пытались свести его на нет, задерживали рост его войск, ставили их в худшее положение по сравнению с другими, что такая политика пренебрежения к нему и его войскам могла привести к усилению врагов национально-революционного движения и поэтому он должен был это сделать для спасения национально-революционного движения.

Получив военную и прочую диктатуру и стремясь занять место Сунь Ят-сена в гоминьдане, иными словами, стремясь укрепить свою диктатуру диктатурой в партии, он боится сейчас вступить в борьбу с «Обществом изучения суньятсенизма» и втягиваться в это болото. Что касается коммунистов и левых, то он их тоже боится, понимает, что даже левые не простят налета на партию и изгнания Ван Цзин-вэя. Он отлично понимает,

что коммунисты и левые сильны и рвать с ними крайне опасно. Отсюда и половинчатость его политики».

Для подкрепления своей позиции Чан Кай-ши ввел после пленума новую должность — председатель ЦИК гоминьдана (наряду с председателем политбюро ЦИК) и пристроил на нее одного из своих доверенных лиц, злобного реакционера Чжан Цзин-цзяна.

Собственно правое крыло гоминьдана явно опасалось усиления Чан Кай-ши, это отразилось в демонстративном недовольстве «событиями 20 марта». После них правые (У Те-чэн, У Чжао-чу, Сунь Фо и др.) устраивали банкеты русским советникам. Даже Ли Фу-линь впервые оказал внимание нашим товарищам, посетив с визитом В. Рогачева и устроив банкет своему советнику Луневу. В то время и другие генералы, не принадлежавшие к правым, активно выражали свою солидарность с советниками. Так, Ли Цзи-шэнь и Дэн Янь-да сочли необходимым их посетить, дабы выразить свое негодование в связи с происшедшим.

Показное неодобрение «20 марта» нисколько не мешало правым торговаться с Чан Кай-ши, искать с ним сближения. Однако 24 апреля, когда был смещен У Те-чэн, наступило временное охлаждение. После этого правые старались найти опору в армии, агитируя кантонских и гуансийских генералов.

В войсках появилась новая группировка — «баодинцев», т. е. офицеров, окончивших в свое время известное военное училище в Баодине на севере страны. К ней принадлежали, в частности, Чэнь Мин-шу и Бай Чун-си. В марте 1926 г. они направились в Хунань, чтобы достичь договоренности с другим «баодинцем», Тан Шэн-чжи, который вел тогда активную борьбу за власть над провинцией. В те дни эта группа в противовес Чан Кай-ши усиленно заигрывала с советскими советниками и стала уделять большее, чем прежде, внимание китайским коммунистам.

Чтобы продемонстрировать свои возможности, правые решили воспользоваться возвращением в Кантон своего вождя Ху Хань-мина. Они готовили демонстрацию, которая должна была потребовать назначения Ху премьером национального правительства. Из заявления Ху в печати и его доклада на политбюро ЦИК гоминьдана было видно, что он не намерен в случае получе-

ния власти продолжать работу с советниками. Некоторые правые подстрекали Чан Кай-ши арестовать М. М. Бородина, нашептывая, что он-де приехал в Кантон, чтобы расправиться за «события 20 марта». Однако 8 мая Чан Кай-ши демонстративно отказал Ху Ханьминю в приеме и на следующий день тот уехал в Гонконг, а оттуда в Шанхай. Все же правые не перестали шевелиться. Они подбивали купцов и банкиров на забастовку с требованием назначить Ху главой правительства, сеяли слухи о предстоящем немедленном введении в Гуандуне коммунизма и т. п.

В этот период вновь оживилось «Общество по изучению суньятсенизма». Руководители его теперь вертелись вокруг Чан Кай-ши. Хотя формально общество считалось распущенным, оно успешно активизировало свою деятельность. В Вампу, где после 20 марта политработа была свернута, оно захватило печатные органы политотдела — газеты и журналы и пыталось атаковать и самый политотдел. Наибольшим влиянием оно пользовалось в 1-й, 2-й, 14-й и 20-й дивизиях НРА и в академии Вампу.

В результате разлагающего влияния общества резко ухудшилось моральное состояние войск Чан Кай-ши, вновь начались воровство, пьянство, картежная игра, посещение публичных домов. Осложнилось отношение армии с населением Гуандуна, ослабла связь с крестьянством. В районе Шаньтоу — Чаочжоу войска вызвали ненависть и неприязнь даже торговых и купеческих кругов. Некоторые командиры дивизий стали атаковать министра Сунь Фо с просьбой открыть игорные дома, на которых они думали недурно заработать.

В. К. Блюхер отмечал, что Чан сознавал опасность создавшегося в его войсках положения и часто жаловался главному советнику по этому поводу.

Вместе с тем усиленная деятельность «Общества по изучению суньятсенизма», которое стало пользоваться успехом даже среди студенчества и в женских организациях, явно не обходилась без поддержки Чан Кай-ши. В связи с арестом У Те-чэна и отъездом У Чжао-чу В. К. Блюхер прозорливо замечал: «Не есть ли это удар по личностям, враждебно относящимся к „Обществу по изучению суньятсенизма"». А в упоминавшемся докладе от 5 июня 1926 г. приводил интересные догадки: «Чан

до сих пор не нанес удар более опасной для него самого вооруженной части суньятсеновского общества. Есть ли это решение Чана в проведении своей политики опираться на суньятсеновское общество и при его поддержке упрочить уже осуществленную им диктатуру или это боязнь или временное его использование в своих целях? Думаю, что тут им руководит одно из последних двух соображений или оба, но только не первое». Это заключение В. К. Блюхера еще раз свидетельствовало о том, что коммунистам и левым гоминьдановцам нужно было усилить свое влияние внутри общества. Борьба с правыми явилась важным моментом в политической подготовке НРА к Северному походу.

Идея скорейшего выступления на Север охватила тогда весь почти высший командный состав. Отдельные генералы руководствовались, разумеется, различными соображениями. Чан Кай-ши рассчитывал, что военные действия отвлекут генералитет от внутренних противоречий, от взаимной грызни, позволят ему в еще большей степени сосредоточить власть. Хунаньские генералы боялись, что генерал Тан Шэн-чжи справится со сторонниками У Пэй-фу самостоятельно и станет правителем этой провинции. Ли Цзи-шэнь, командуя гуандунскими частями, рассчитывал, что НРА уйдет на север, а он, оставшись в Кантоне, приберет к рукам Гуандун и т. д.

Надо также учесть, что идея северной экспедиции была завещана Сунь Ят-сеном. Солдатам внушали мысль, что после освобождения Гуандуна от милитаристов они выступят на север, начав новый этап борьбы за освобождение Китая. Лишь предстоящий Северный поход оправдывал наличие в Гуандуне 100-тысячной армии, поглощавшей $^5/_6$ бюджета кантонского правительства. Наши советники также горячо поддерживали идею Северного похода, который связал бы Кантон с общекитайским революционным движением. В начале 1926 г. был даже момент, когда по просьбе народных армий Фэн Юй-сяна намечалось немедленное выступление НРА, невзирая на то что подготовка далеко еще не была завершена.

Из-за плохой информации в Москве ничего не знали о намерении командования НРА в ближайшее время двинуться на север. Л. М. Кархан был против немед-

ленного выступления. В докладе от 12 июня 1926 г. он писал: «Я боюсь, что шум, который в Гуандунской провинции поднят в связи с помощью Тан Шэн-чжи... идет под лозунгом северной экспедиции... что кантонскому правительству и ЦИК гоминьдана чрезвычайно трудно будет это сломать».

Аналогичной была позиция М. М. Бородина, который возвратился на юг в конце апреля 1926 г. Он был приглашен на заседание южного бюро ЦК КПК и там высказался против немедленного осуществления похода. М. М. Бородин рекомендовал вначале добиться устойчивого внутреннего положения в гоминьдане, создать благоприятную политическую обстановку, достичь соглашения с народными армиями Фэна, попытаться договориться с Сунь Чуань-фаном или хотя бы заручиться его нейтралитетом, провести агитацию среди крестьян. Необходимо было также полностью оснастить армию советским оружием.

Никто из руководителей китайских коммунистов не возразил против этой точки зрения Бородина. Михаил Маркович бесспорно был горячим сторонником идеи Северного похода, он лишь считал, что сначала надо провести серьезную подготовку. В упоминавшемся докладе в октябре 1927 г. М. М. Бородин говорил: «В Гуандуне вопрос стоял так: либо успешный поход на Янцзы и поднятие широчайших масс, ликвидация «мартовцев» снизу, либо останемся в Гуандуне и там задохнемся в тисках английского империализма и внутренней контрреволюции».

Когда же стало ясно, что северная экспедиция будет предпринята в ближайшее время, Бородин, высказался категорически против немедленного наступления на Шанхай. Я не успел еще достаточно хорошо разобраться в политической обстановке и поэтому обратился к Михаилу Марковичу с вопросом: «А почему бы и не идти на Шанхай?» Бородин ответил с присущей ему обстоятельностью: «Идти в Шанхай революция могла бы только тогда, когда она была бы в состоянии справиться с тремя основными враждебными силами: империализмом, милитаризмом и той самой буржуазией, которая уже неоднократно проявляла свою измену по отношению ко всякому народно-революционному движению. Иначе должно получиться одно из двух: или

революция будет разбита, так же как было разбито тайпинское восстание, которое как раз и вступило в борьбу с этими тремя контрреволюционными силами, либо она разобьется на свои составные части и та часть ее, которая уже известна под именем мартовцев, обязательно поступит так, как поступил гоминьдан в 1911 г., а именно — расшаркается перед прошлым, с одной стороны, и с другой — возьмет на себя явные или тайные обязательства перед империализмом и этим предаст пролетариат и революцию».

Бородин считал, что сперва надо занять Пекин, а затем уже овладеть Шанхаем. Михаил Маркович, таким образом, расценивал Северный поход как часть революции, как распространение ее на громадные территории. Он четко видел опасность, таившуюся в поспешном проведении военного наступления, без должной политической подготовки, видел возможность использования успехов НРА правыми в своих целях. М. М. Бородин стремился мобилизовать «левых» гоминьдановцев и коммунистов на серьезнейшую борьбу за обеспечение благоприятного для революции исхода экспедиции.

Именно этими соображениями и было продиктовано отношение Бородина к Гонконг-Кантонской стачке, крупнейшему тогда выступлению пролетариата. В октябре 1927 г. Бородин так определил свою точку зрения: «Я лично был того мнения, что надо выдержать Кантон-Гонконгскую забастовку, покуда дойдем до Янцзы, там свяжемся с пролетариатом и можем выиграть борьбу в Гуандуне против английского империализма». М. М. Бородин прекрасно понимал роль пролетариата в революции и решающее значение его действий в национально-освободительной борьбе.

Как известно, конкретная обстановка сложилась так, что Северный поход был начат в июле 1926 г., когда необходимые политические предпосылки его успеха еще не были обеспечены. Программа действий, намеченная Бородиным, не была выполнена.

Что же представляли собой вооруженные силы НРА перед выступлением на Север? Сначала в подготовке армии существенную роль играл государственный аппарат Кантона. В Гуандуне имелись два правительства — национальное и провинциальное. Оба они подчинялись Политбюро ЦИК гоминьдана. Национальное правительство состояло из 16 человек, причем пятеро входили в его президиум. Оно имело три министерства — финансов, иностранных дел и военное, при нем существовали также комиссии — контрольная, по народному образованию и верховный трибунал. Членов правительства назначало Политбюро. Провинциальное правительство имело управления: гражданское, финансовое, военное, крестьянского и рабочего труда, коммерческое и народного образования.

В результате «событий 20 марта» Политбюро ЦИК гоминьдана, которое возглавлял Тань Янь-кай, фактически перестало пользоваться влиянием (из него выбыли Ван Цзин-вэй, Ху Хань-мин, У Чжао-чу). Резко упал и авторитет правительства, оживились, как мы видели, различные оппозиционные группировки, в том числе и в армии. Военный совет, где прежде решались вопросы снабжения войск, распределения кредитов на армию и т. п., был упразднен. Чан Кай-ши стал главнокомандующим.

НРА перед Северным походом состояла из семи корпусов (25 дивизий), насчитывающих 95 тыс. солдат и офицеров, из них 65 тыс. были вооружены.

В армии существовало несколько группировок. Под непосредственным контролем Чан Кай-ши находились тогда пять дивизий: 1-я, 2-я, 3-я, 14-я, 20-я и академия Вампу. Номинально они были объединены в 1-й корпус во главе с Хэ Ин-цинем, но фактически в распоряжении последнего были только 3-я и 14-я дивизии, стоявшие на востоке Гуандуна, в районе Шаньтоу. Группировка Чана считалась тогда центристской опорой гоминьдана.

После 20 марта Чан Кай-ши, опасаясь влияния кантонских войск, перемешал полки в своих дивизиях, разбросал по другим соединениям полки 14-й дивизии, сформированной из пленных после второго Восточного

похода. 3-я дивизия была создана на базе 7-й кантонской бригады, о которой я так много писал в первой части этой книги, излагая перипетии борьбы с милитаристом Чэнь Цзюн-мином.

В академию Вампу в марте 1926 г. был произведен очередной набор: в офицерский и унтер-офицерский классы приняли около 3 тыс. курсантов. Всего же в академии насчитывалось более 5 тыс. учащихся. Имелись следующие отделения: пехотное, политическое, артиллерийское, инженерное, снабженческое.

Таким образом, Вампу была довольно крупным военно-учебным заведением. После 20 марта Чан сделал все, что мог, чтобы ослабить влияние коммунистов и левых в академии. Политические занятия были прекращены. Политическое отделение под предлогом подготовки агитаторов для Северного похода было переведено с острова Вампу в Кантон. Это позволило изъять из Вампу наиболее революционную часть, в том числе около 100 коммунистов.

Во время нового набора в подготовительный и политический классы попали главным образом выходцы из купечества и зажиточного крестьянства Китая. А прежде контингент курсантов формировался в основном за счет шанхайского и других университетов. Наши советники включались в состав центральной экзаменационной комиссии в Кантоне, участвовали в проведении приемных испытаний.

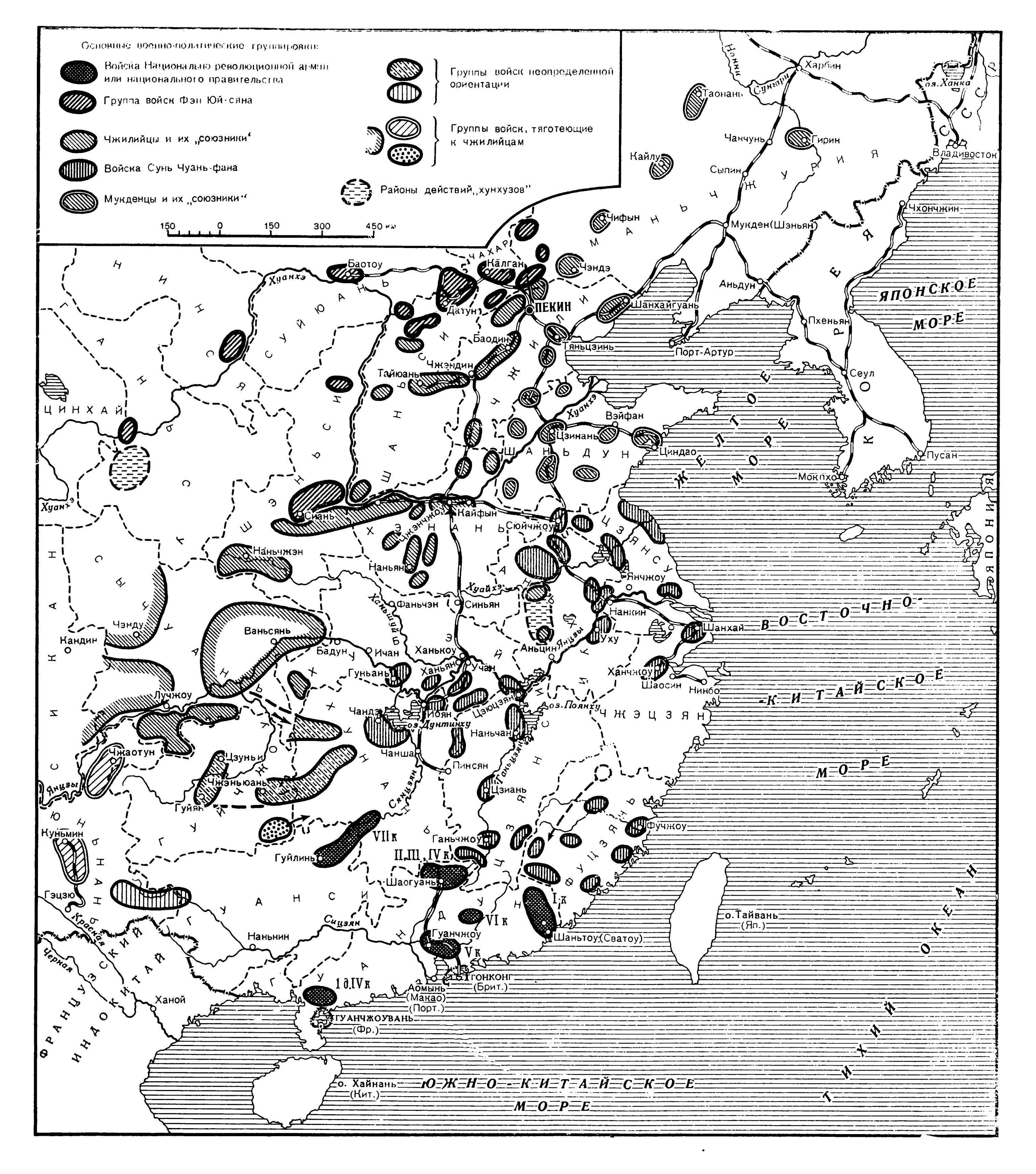
Тем не менее Вампу в значительной степени сохранила еще свою революционность. Политический советник в академии С. Н. Наумов так определял ее состав: 65—70% — коммунисты и «левые», 15—20% — правые, остальные — центр.

Характерен следующий эпизод. Один из курсантов Вампу написал Чан Кай-ши в высшей степени откровенное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Ты ушел от революции и с каждым днем все более и более становишься милитаристом. Если мы до сих пор шли за тобой, как за последователем и учеником доктора Сунь Ят-сена, то знай, что в тот день, когда ты изменишь народу, у меня не дрогнет рука, чтобы убить тебя». Вынужденный считаться с настроениями курсантов, Чан Кай-ши похвалил автора за смелость и обещал верно служить народу.

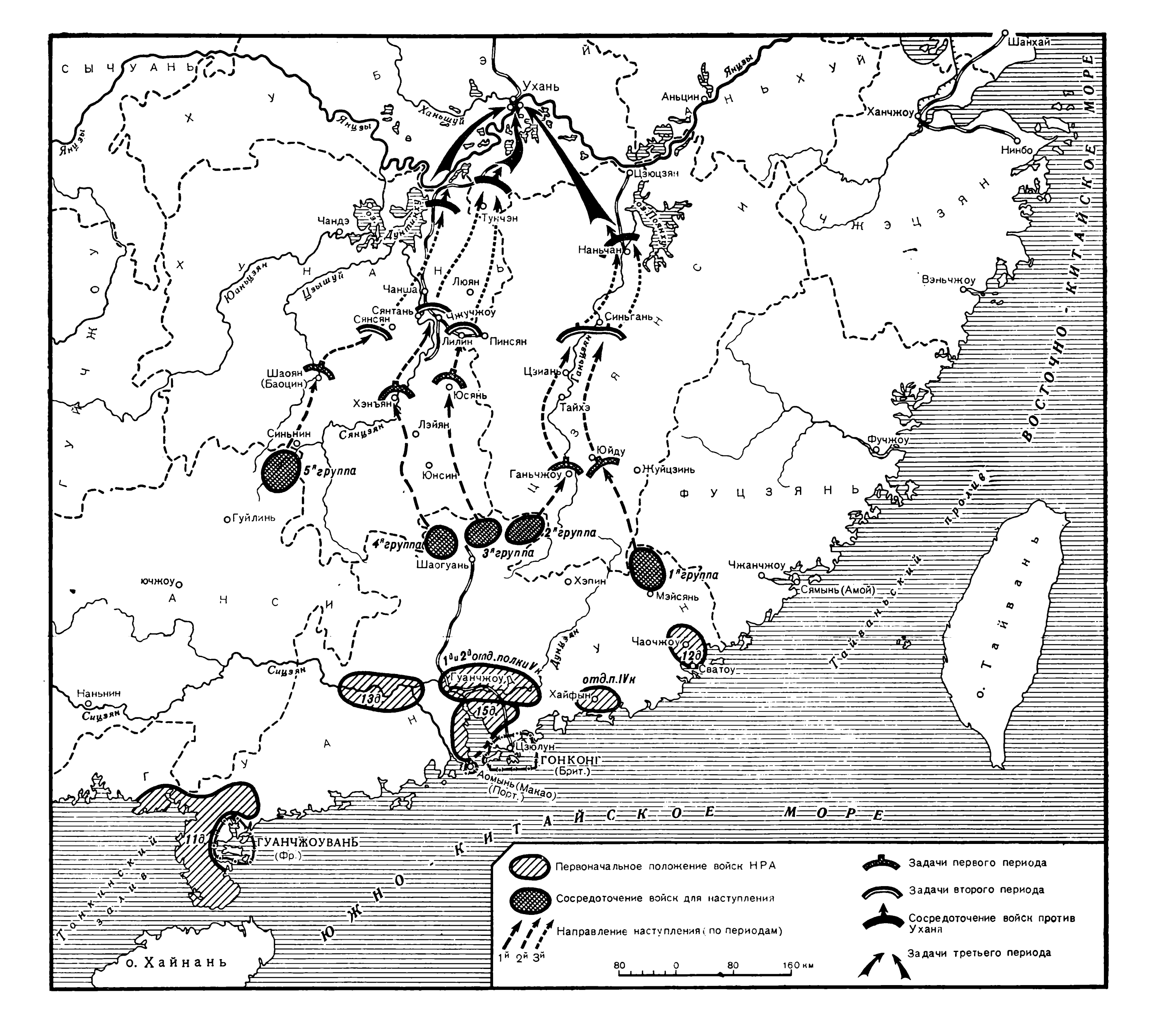
Ко второй группировке НРА, которая считалась «левою», относились 2-й, 3-й и 6-й корпуса. Для 2-го корпуса Тань Янь-кая (4-я, 5-я, 6-я, 21-я дивизии и артиллерийский полк) характерны были относительно демократические принципы руководства. В 3-м корпусе Чжу Пэй-дэ (7—9-я дивизии, отдельный полк и офицерская школа) 40% составляли юньнаньцы. Чжу Пэй-дэ считался «левым». После «20 марта» он резко изменил отношение к Чан Кай-ши, высказывался против него. Чан Кай-ши, стараясь его задобрить, выделил его корпусу 2,5 тыс. винтовок, т. е. более чем другим (6-му корпусу он ничего не дал). 6-й корпус Чэн Цяня был сформирован в апреле 1926 г. В него вошли 17—19-я дивизии и учебный полк.

Третья группировка, более «правая», включала 4-й, 5-й, 7-й и 8-й корпуса НРА. 4-й корпус Ли Цзи-шэня (10—13-я дивизии) состоял из гуандунцев. Ли Цзи-шэнь, будучи выходцем из Гуанси, претендовал на то, чтобы объединить под своей властью две провинции. Корпус считался вторым по боеспособности в армии. 5-й корпус Ли Фу-линя (15-я и 16-я дивизии, два отдельных полка и более мелкие части) имел флот — около 30 речных канонерок. Войска Ли Фу-линя были полубандитскими, промышляли они, например, и конвоированием за хорошую сумму караванов купеческих джонок. 7-й гуансийский корпус (девять бригад двухполкового состава, два артиллерийских батальона по пяти орудий) присоединился к НРА в июле 1926 г. 8-й корпус был сформирован на базе бывшей 4-й дивизии хунаньских милитаристских войск. Возглавил его Тан Шэн-чжи, перешедший на сторону кантонского правительства. В корпусе было три дивизии, вооруженные 15 тыс. винтовок ханькоуского арсенала, 40 тяжелыми пулеметами и 50 «максимами».

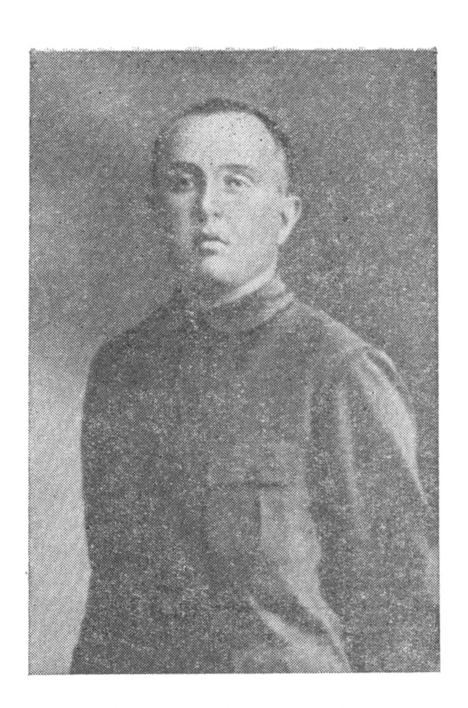
Что касается политической подготовки армии, то она была чрезвычайно далека от идеала. Представляет несомненный интерес оценка В. К. Блюхера, которую я приведу поэтому достаточно полно: «ПУР хотя и организован вместе с военным советом, т. е. давно, все же надо сказать, что в частях НРА, даже в политорганах, абсолютно никаким влиянием в последнее время не пользовался и не пользуется, в лучшем случае ему удавалось получать информации из частей (политотделов)

Карта 1. Основные военно-политические группировки накануне Северного похода НРА

Карта 2. Три периода Северного похода НРА по первоначальному плану

Советник С. Н. Калачев (Наумов)

и на этом основании судить об их работе... Политработа в частях НРА до того слабо поставлена и организована, что можно безошибочно сказать, что она находится в зачаточном состоянии.

Все те инструкции и положения, которые были изданы ПУРом и ЦИК гоминьдана, в жизнь не проводились почти ни в одном корпусе. Основным злом надо считать то обстоятельство, что никакой работы не проделано в области организации ротной ячейки, которая должна была бы состоять из гоминьдановского актива».

Перед 20 марта политработа, по существу, была налажена лишь в Вампу и некоторых соединениях 1-го корпуса. Во 2-м корпусе она велась по своей, а не ПУРовской программе. В связи с Северным походом число политических работников в полках этого корпуса увеличилось с трех до десяти. Политаппарат 3-го корпуса состоял из 40—45 человек. Там издавалась еже-

8 Заказ 744

дневная газета. Никакой политработы во 2-м корпусе прежде не было. Командир 6-го корпуса Чэн Цянь проявлял к политработе большой интерес, он даже попросил после 20 марта, чтобы ему передали политработников и коммунистов, ушедших из 1-го корпуса.

Так выглядела кантонская армия перед Северным походом. Единственной союзницей кантонского правительства была тогда Гуанси, провинция очень бедная. Весь ее экспорт шел через гуандунский город Учжоу. С Гуандуном ее связывал также страх перед юньнаньским милитаристом, бывшим гоминьдановцем Тан Цзи-яо. Соглашение с Гуанси было достигнуто на конференции в Учжоу, где присутствовали от кантонского правительства Ван Цзин-вэй и Тань Янь-кай. Реальная власть в Гуанси находилась в руках трех милитаристов: Ли Цзун-жэня, Хуан Шао-шу и Бай Чун-си. Ли Цзун-жэнь командовал упомянутым 7-м корпусом, Хуан был комиссаром корпуса и одновременно председателем провинциального правительства, Бай — начальником штаба. Он тогда считался «левым» и помогающим КПК, впоследствии же проявил себя как злейший реакционер.

Итак, всему сонму северных милитаристов противостояли тогда в основном войска двух провинций — Гуандуна и Гуанси. (О расположении основных группировок и их численности см. карту 1 и табл. 1).

Лагерь противника

Лагерь реакции и контрреволюции отличался крайней раздробленностью и остротой внутренних противоречий. Основную силу милитаризма составляли тогда три клики: Чжан Цзо-линя, У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана.

Непосредственным ближайшим противником НРА была чжилийская клика У Пэй-фу, за спиной которой главным образом стоял английский и американский империализм. У Пэй-фу контролировал Хубэй, Хунань, часть Чжили, имел приверженцев в провинциях Хэнань, Цзянси, Сычуань, Фуцзянь и Шэньси. Основной

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ СИЛ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК

Группировка	Пехотные дивизии	Кавалерийские дивизии	Бригады	Батальоны	Батареи	Численность солдат, тыс.	Пулеметы	Орудия	Самолеты
Мукденская Чжан Цзо-линя	20	3	20	226	62	190	510	390	50
У Пэй-фу	19	—	25	—	—	210	220	280	4
Сунь Чуань-фан	19	—	9	—	—	157	380	384	—
Народные армии	8	3	9	279	34	130	240	204	10
Армия кантонского правительства	17	—	—	80	13	90	375	66	6
Федералисты	—	—	5	—	—	35	—	—	—
Невыясненной ориентации и нейтральные	39	—	26	—	—	220	—	—	—

его базой была провинция Хубэй, где он отравил местного дубаня и узурпировал его власть. В Хубэе наиболее активными сторонниками У Пэй-фу были генералы Чэнь Цзя-мо и Коу Ин-цзе. В провинции существовали две группировки: одна насчитывала примерно 56,5 тыс. солдат и состояла из шести дивизий, смешанной бригады и отдельного отряда. Лучшей дивизией была 15-я (15 тыс. солдат), которой командовал Чэнь Цзя-мо. Другая группировка, местная, собственно хубэйская, была настроена против У Пэй-фу и поддерживала его формально. В нее входили 1-я дивизия и пять бригад (всего — 22 тыс. солдат).

У Пэй-фу стремился создать в Пекине центральное общекитайское правительство под своей эгидой, чтобы от его имени сдать японским капиталистам в концессию некоторые предприятия в районе Уханя за 10—15 млн. долл. Сделать это непосредственно он не решался, понимая, что «потеряет лицо» в условиях всеобщей ненависти к японской империалистической агрессии. У Пэй-фу, подстрекаемый англичанами, вынашивал идею нападения на гуандунскую революционную базу. Был разработан даже общий стратегический замысел в двух вариантах. По первому из них его войска делились на две группы: одна из Хунани должна была

двинуться в Гуанси и там, соединившись с Тан Цзи-яо, юньнаньским милитаристом, ударить на Гуандун с запада, вторая группа вела бы наступление через Цзянси и Фуцзянь. Другой вариант: основной удар наносится из Цзянси на крепость Вэйчжоу к востоку от Кантона, вспомогательные операции ведутся из Фуцзяни.

Второй потенциальный противник НРА, группировка милитариста Сунь Чуань-фана (в прошлом группировка генерала У Пэй-фу) объединяла девять дивизий. Сунь держал под своим влиянием провинции Цзянси, Чжэцзян, Аньхуй, Цзянсу и Фуцзянь. Он был ярым противником фэнтяньской (мукденской) клики Чжан Цзо-линя, выжидал подходящего момента для нападения на нее и уже сосредоточил войска в Иочжоу, чтобы выступить под предлогом борьбы против бандитизма.

Чан Кай-ши в июне 1926 г. отправил одного из своих генералов в Нанкин, чтобы достичь с Сунь Чуань-фаном соглашения о нейтралитете. В ходе переговоров стало ясно, что рассчитывать на невмешательство Суня можно лишь при условии, если не будут задеты его личные интересы.

В провинциях, формально подвластных Сунь Чуань-фану, многие вооруженные силы были независимы. Так, аньхуйский дубань Чэнь Тяо-юань ненавидел Суня, считая его изменником чжилийской клики, и намеревался перейти на сторону У Пэй-фу. Наибольший интерес для нас, советников НРА, представляла ситуация в провинции Цзянси, непосредственно граничащей с Гуандуном, а она была весьма запутанной. Там насчитывалось семь дивизий и три бригады общей численностью в 50 тыс. солдат (из них винтовками были обеспечены 40 тыс.). Эти силы делились на четыре группы. Самую крупную возглавлял Тан Юй-чжо — дубань провинции. Имелась и небольшая группа, сочувствовавшая кантонцам. Лидер ее Фэн Бэнь-шэнь написал секретное письмо Ван Цзин-вэю о том, что собирается напасть на У Пэй-фу. В начале 1926 г. обе стороны обменялись представителями. Юг обещал генералу оказать помощь, а тот заверил делегатов в своих дружеских чувствах.

Столь же сложным было положение и в Фуцзяни. Дубань Чжоу Ин-жэнь, хозяйничавший в северной ча-

сти провинции, в принципе ориентировался на У Пэй-фу, в его группе были 12-я дивизия и семь бригад (более 19 тыс. солдат). Другая группа в районе Цинчжоу — Юйтин поддерживала связь с кантонским правительством. В нее входили дивизия Ли Фэн-цзяна и 4-я бригада (около 11 тыс. солдат). В провинции имелась также небольшая прояпонская группа.

Сунь Чуань-фану, как милитаристу до мозга костей, было все безразлично, за исключением сохранения власти в захваченных провинциях. Он берег свои войска и особенно вооружение и не собирался активизироваться, если бы его не задели за живое.

Третья крупнейшая милитаристская группировка, Чжан Цзо-линя, находилась на самом севере страны. Помимо Маньчжурии ее войска контролировали тогда столичную провинцию Чжили и Шаньдун (где стояла армия генералов Ли Цзин-лина и Чжан Цзун-чана).

Империалисты прилагали немало усилий, чтобы сплотить Чжан Цзо-линя и У Пэй-фу против революционных сил, и это отчасти удавалось. Чжан Цзо-линь даже направил своего представителя к дубаню Цзянси Тан Юй-чжо, чтобы призвать его в случае начала Северного похода активно выступить на стороне У Пэй-фу против Национально-революционной армии.

Если три основные клики милитаристов хоть в какой-то степени объединяли подконтрольные им территории, то в остальных частях Китая власть находилась в руках дубаней отдельных провинций или еще более мелких генералов.

Мы рассмотрим ситуацию лишь в провинциях наиболее близких к южной революционной базе. В Юньнани, где правил милитарист Тан Цзи-яо, побывал в качестве делегата от У Пэй-фу его собственный шурин, и они достигли договоренности: если НРА двинется на север, то Тан нанесет удар по Гуанси и за это будет пожалован ролью правителя пяти провинций юга и юго-запада (Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Гуанси, Гуандун).

При всем этом Тан стремился сохранить двери открытыми и для переговоров с кантонцами. Он демагогически рассуждал следующим образом: «Я народное правительство одобряю потому, что в данное время в Гуандуне имеется порядок и есть свои принципы для

руководства. Кроме того, я раньше был в хороших отношениях с Сунь Ят-сеном и преклоняюсь перед ним. Я верю в суньятсенизм потому, что он является хорошим лекарством для спасения Китая. Я боюсь коммунизма...»

Тан признавал лишь лжесуньятсенизм правых гоминьдановцев, лишенный основного ядра учения Сунь Ят-сена, избавленный от всякой революционности. Суть программы Тана была великолепно выражена подвластными ему офицерами, которые заявляли: «Если патриотизм в Китае усилится, то наверняка патриоты изберут нашего главного генерала президентом Китая».

В соседней провинции Гуйчжоу было примерно 50-тысячное войско. Один из генералов пытался напасть на крупнейшего милитариста Сычуани Ян Сэня, но был разбит и отброшен. Имелись еще два микромилитариста. Очень характерен из них Чжоу Сы-чэнь, предводитель 13-тысячного соединения. Он был соучеником Хэ Ин-циня по военной школе и через него норовил завязать связи с Кантоном и что-либо вытянуть оттуда для себя, но одновременно он имел сношения и с сычуанцами и с юньнаньцами. В то время мелкие генералишки готовы были раскланиваться направо и налево, служить и нашим и вашим, выклянчивая подачки.

В Сычуани стояла 170-тысячная армия, она делилась на четыре группы. Самыми крупными милитаристами были Ян Сэнь (более 60 тыс. солдат) и Лю Сян. Положение в Сычуани ярко отражает нравы китайского милитаризма, очевидец описывает его в следующих словах: «Когда один генерал становился слишком сильным, другие объединялись, чтобы разбить его, дивизионные и бригадные командиры предавали свое начальство, так как были заинтересованы в раздоре».

Кантон предпринял попытку заручиться соглашением с Ян Сэнем. К нему под видом гоминьдановца был откомандирован один из членов КПК, которому удалось достигнуть договоренности. Ян Сэнь обязался признать антиимпериалистическую борьбу сычуанцев законной. В документе указывалось, что обе стороны «согласились сражаться за объединение Китая, за осуществление подлинной демократии и за уничтожение изменнического милитаристского режима. Для достижения

указанных целей необходимо прибегнуть к революционным методам национальной революции... объединиться тесно с Советской Россией, которая добровольно отказалась от неравных договоров и привилегий, полученных раньше... На территории Сычуани Ян Сэня гоминьдан получает право свободно развивать свою деятельность, населению предоставляется свобода слова, печати, организации и т. п.».

Было также предусмотрено создание в Сычуани военной школы с преподавателями-гоминьдановцами, причем для работы туда должны были быть приглашены и наши советники.

Как известно, Ян Сэнь позже, в 1927 г., одним из первых нанес предательский удар в спину революции, двинув свои войска на Ухань. Но в 1926 г. он был готов клясться, как и многие другие генералы, всеми революционными богами. Тем не менее при всем недоверии к словам Яна политическая мудрость заключалась в том, чтобы обеспечивать себе даже таких неустойчивых «союзников на час». Нужно было стараться влезть в каждую щель, каждую трещинку в милитаристских блоках.

Единственным надежным союзником национально-революционных войск были тогда народные армии Фэна. Мы уже видели, что они собой представляли и в какой мере следовало на них полагаться.

В середине мая 1926 г. народные армии начали военные действия против дубаня провинции Шаньси Янь Си-шаня, тайным подстрекателем и покровителем которого был японский империализм. Части Фэна для захвата инициативы выступили первыми и двинулись на столицу провинции Тайюань. Их цель заключалась в том, чтобы после успеха в Шаньси переманить на свою сторону бывших генералов 2-й народной армии, перешедших к У Пэй-фу, и развивать наступление далее.

Представитель народных армий в Пекине достиг соглашения с посланцем от четырех хэнаньских дивизий У Пэй-фу о том, что в случае захвата Фэном провинции Шаньси они восстанут против своего командующего Коу Ин-цзе. Однако народные армии, несмотря на значительное преобладание в численности, одержали лишь одну победу у Датуна, а затем завязли на месте.

Как уже упоминалось, попытка соглашения с генералом Цзинь Юнь-ао была сорвана, так как У Пэй-фу 1 июня 1926 г. снял изменника с должности. Несмотря на это, Цзиню удалось отправить своего начальника штаба в Пекин, чтобы завязать связи с Сунь Чуань-фаном, с которым тогда вели переговоры и народные армии.

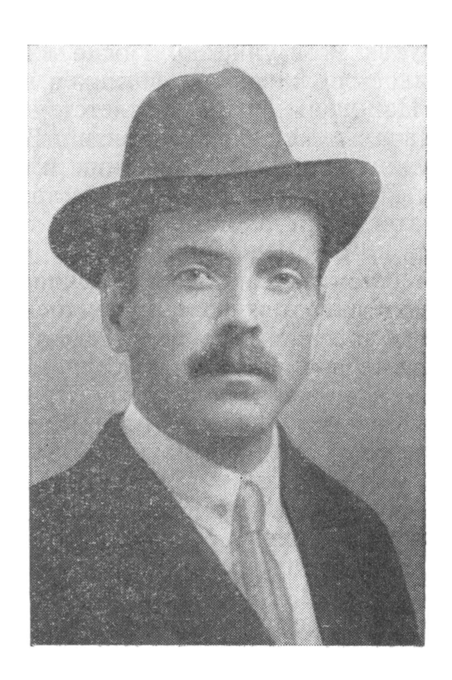
У Пэй-фу тогда находился в Баодине, а Чжан Цзолинь прибыл в Пекин. Они энергично пытались договориться. Л. М. Карахан 12 июня 1926 г. докладывал: «Не исключено, что они договорятся на минимальной программе. Препирательства шли по вопросу о том, кому формировать общекитайский правительственный кабинет и главное — кому бить народные армии. Оба прохвоста пытались втравить союзника в кровопролитные бои, оставшись в стороне».

Я постарался в общих чертах обрисовать ту противоречивую обстановку, в которой шла подготовка к Северному походу.

Отношение к нам

После «событий 20 марта» советники в первое время работали только в академии Вампу, да и там отношение к ним среди высшего командного состава оставляло желать много лучшего. М. М. Бородин сделал для себя следующий вывод: «Перспективы военно-политической работы в армии уменьшились, значение соответствующих советников понизилось; работники по крестьянскому движению, на которое мы должны устремить теперь главное внимание, приобретают первостепенное значение». Речь шла о том, чтобы некоторых товарищей переключить на изучение аграрных отношений и массового движения в Китае.

Нельзя не признать, что руководство советников в Китае даже после «20 марта» недостаточно зорко оценивало возможности Чан Кай-ши. Считалось, что он готов сражаться против империализма, что в условиях, когда «левые» проявили полную беспомощность, он все же символизирует централизующее начало. Вообще

Советник Г. И. Гилев

предполагалось, что сосредоточение власти в руках Чана не слишком опасно, так как он многих политических вопросов охватить не сумеет, а во внешнюю политику национальной революции и вовсе не вмешивается.

На деле же он оказался гораздо динамичнее, гибче и коварнее, чем тогда думали многие. В связи с идеей поспешного выступления на Север в последние дни перед походом наши советники вновь были активно вовлечены в работу. Значительную роль стали играть вновь назначенные — советник НРА по тылу И. Лодзинский и по артиллерийскому снабжению советник Г. Гилев. При главном военном советнике В. К. Блюхере был создан небольшой аппарат. На должность начальника штаба прибыл с аналогичной работы в одном из корпусов Красной Армии Михаил Снегов.

Наиболее благоприятным было отношение к нашим советникам во 2-м, 3-м и 6-м корпусах, где политаппа-

рат был в руках коммунистов. После «20 марта» заметно улучшилось положение советников в 4-м корпусе. Генерал Ли Цзи-шэнь отдал соответствующий секретный приказ начальникам своих дивизий. Впрочем, у него служили лишь корпусной советник и советник при 12-й дивизии. Вообще же после «20 марта» все с нетерпением ожидали возвращения в Кантон В. К. Блюхера.

Некоторые наши товарищи, считавшие начало борьбы за Север преждевременным, надеялись, что авторитет Блюхера поможет им доказать свою правоту. Василий Константинович завоевал в Южном Китае всеобщее уважение и даже преклонение. Весьма красочно говорят об этом те сообщения, которые направлял в Народный Комиссариат иностранных дел Л. М. Карахан. Поскольку это свежий материал и имеет огромное значение для справедливой оценки вклада В. К. Блюхера в создание гуандунской революционной базы, я позволю себе сделать обширные выдержки.

1 марта 1925 г. Л. М. Карахан писал (здесь речь идет еще о первом Восточном походе НРА): «Части, руководимые нашими инструкторами, и в особенности школа Вампу и гоминьдановская дивизия шли впереди всех и в самых трудных местах наносили удар противнику. На имя гоминьдановского ЦИК получаются телеграммы, где все кантонские генералы выражают свое восхищение нашим комсоставом и в особенности тов. Блюхером... Наши товарищи обыкновенно идут впереди всех, и тов. Блюхер, против китайского обыкновения, по которому генералу полагается сидеть по крайней мере за сто верст от военных действий, сам присутствует постоянно на фронте. В один из критических моментов он даже взялся командовать бронепоездом. Это очень сильно поднимает настроение у китайцев».

В другом документе, от 23 июля 1925 г., Л. М. Карахан сообщал: «К большому сожалению, Галину приходится уезжать из Кантона, ибо он совершенно разболелся и его дальнейшее пребывание там абсолютно невозможно. Упускать его из Китая было бы очень жаль, ибо он соединяет в себе, как никто из других работников, качества военного и политика. Он очень хорошо приспособился и ориентируется в китайской обстановке,

у него поразительное чутье, которое в самые трудные моменты давало возможность ему нащупать правильное решение».

В более позднем по времени докладе одного из наших советников, служивших в южнокитайской группе, говорится: «Авторитет себе Галин создал в Кантоне невероятно высокий. Наши советники говорят, что не проходит того дня, чтобы кто-либо из китайцев не спросил, где находится Галин, скоро ли он приедет. Дело даже доходит то того, что некоторые военные китайцы следят за тем, где находится Галин, и прекрасно осведомлены о том, что он жил в Пекине, ездил в Калган и т. п. Верили Галину китайцы абсолютно. Каждое его заявление по вопросам, касающимся военных действий, считается законом. Курьезно, что Галин умел выставить на фронт таких генералов, которые в течение всей жизни никогда не вылезали из кабинета. Между прочим, тот же самый Тань Янь-кай никогда в жизни со своими частями не бывал на фронте. Стоило только Галину сказать, что Тань Янь-каю надо бы быть на фронте, как старик немедленно выехал».

Вполне понятна та выдающаяся роль, которую сыграл В. К. Блюхер в стратегической и тактической разработке Северного похода НРА, а также в непосредственном руководстве его основными операциями.

Стратегическая идея Блюхера

Решение о Северном походе было принято окончательно еще до приезда Блюхера в Кантон. В апреле 1926 г. комиссия в составе Чан Кай-ши, носившего тогда чин инспектора пехоты, а также инспектора артиллерии, председателей политического и оперативного управлений и Ли Цзи-шэня, возглавлявшего главный штаб, приступила к работе. В ней немалую роль сыграли и некоторые наши советники.

Уже в мае были закончены два варианта плана похода. Первоначальный вариант предусматривал три этапа Северного похода (см. карту 2).

В преамбуле плана указывалось, что крупнейшие милитаристские группировки находятся «под непосредственным подчинением» у империалистических держав: Чжан Цзо-линь — под влиянием Японии, У Пэй-фу — Англии, Сунь Чуань-фан — США и Тан Цзи-яо — Франции.

Задачей похода объявлялся выход в Хубэй и занятие Хунани и Цзянси. Часть войск направлялась в Цзянси, с тем чтобы занять Ганьчжоу — Цзиань, продвинуться на главный город провинции Наньчан и далее соединиться с остальными войсками в Учане. Три корпуса (шесть дивизий) должны были вторгнуться в Цзянси; четыре корпуса (восемь дивизий) — в Хунань.

Составители плана руководствовались стремлением достичь следующей цели: 1) сосредоточить вооруженные силы НРА так, чтобы в первой операции добиться явных успехов и тем самым обеспечить необходимое отношение со стороны других провинций; 2) войти в соглашения с народными армиями на Севере, Фэн Бэньшэнем в Цзянси и Тан Шэн-чжи в Хунани; 3) объединиться с Сунь Чуань-фаном, Сычуанью и Гуйчжоу и тем урезать силы противника.

Мы видим, что и в первом плане были заложены некоторые здравые идеи, но он обладал одним коренным пороком — при таком стратегическом замысле неизбежно пришлось бы сражаться одновременно и против У Пэй-фу и против Сунь Чуань-фана. Последний не перенес бы вторжения в Цзянси. К тому же граница с провинцией Фуцзянь была оставлена не прикрытой от угрозы вторжения Сунь Чуань-фана. Будущее показало всю опасность этого просчета.

Поэтому первоочередной задачей Блюхера по его возвращении было доказать необходимость разгрома основных противников поодиночке.

Вот как освещал этот вопрос сам Василий Константинович в докладе от 5 июля 1926 г.: «Планом предусматривалось одновременное вторжение в Хунань и Цзянси. Для похода выделялись около 15 дивизий с оставлением в Гуандуне не более шести. Силы для наступления делились почти поровну как для Хунани, так и для Цзянси. 3-й корпус и 10-я и 12-я дивизии 4-го корпуса двигались в Хунань по указанному плану операций.

С первых же дней после приезда и все последующее время я ставил себе задачей изменить этот план и ограничить операцию пределами провинции Хунань. После многих совещаний мне удалось 23 июня добиться у них согласия на изменение плана и отказа от немедленного движения в Цзянси».

Надо пояснить, что серьезнейшая схватка за рациональный план операций, которую пришлось выдержать В. К. Блюхеру, отнюдь не была случайной. В. К. Блюхер руководствовался задачей скорейшего торжества революционных вооруженных сил над противником, а головка китайского командования исходила из узкоэгоистических интересов.

В самом деле, Тан Шэнь-чжи, генерал, который откололся от У Пэй-фу в Хунани и заключил соглашение с НРА, категорически возражал против движения хунаньских войск НРА, подвластных Тань Янь-каю, в провинцию, дубанем которой он уже себя мысленно видел.

По клике «баодинцев» он был связан с командирами 4-го и 7-го корпусов и предъявлял свои претензии через них. «Баодинцы» рассчитывали, забрав Хунань самостоятельно, создать противовес Чан Кай-ши, его карьеристским устремлениям в китайские Бонапарты.

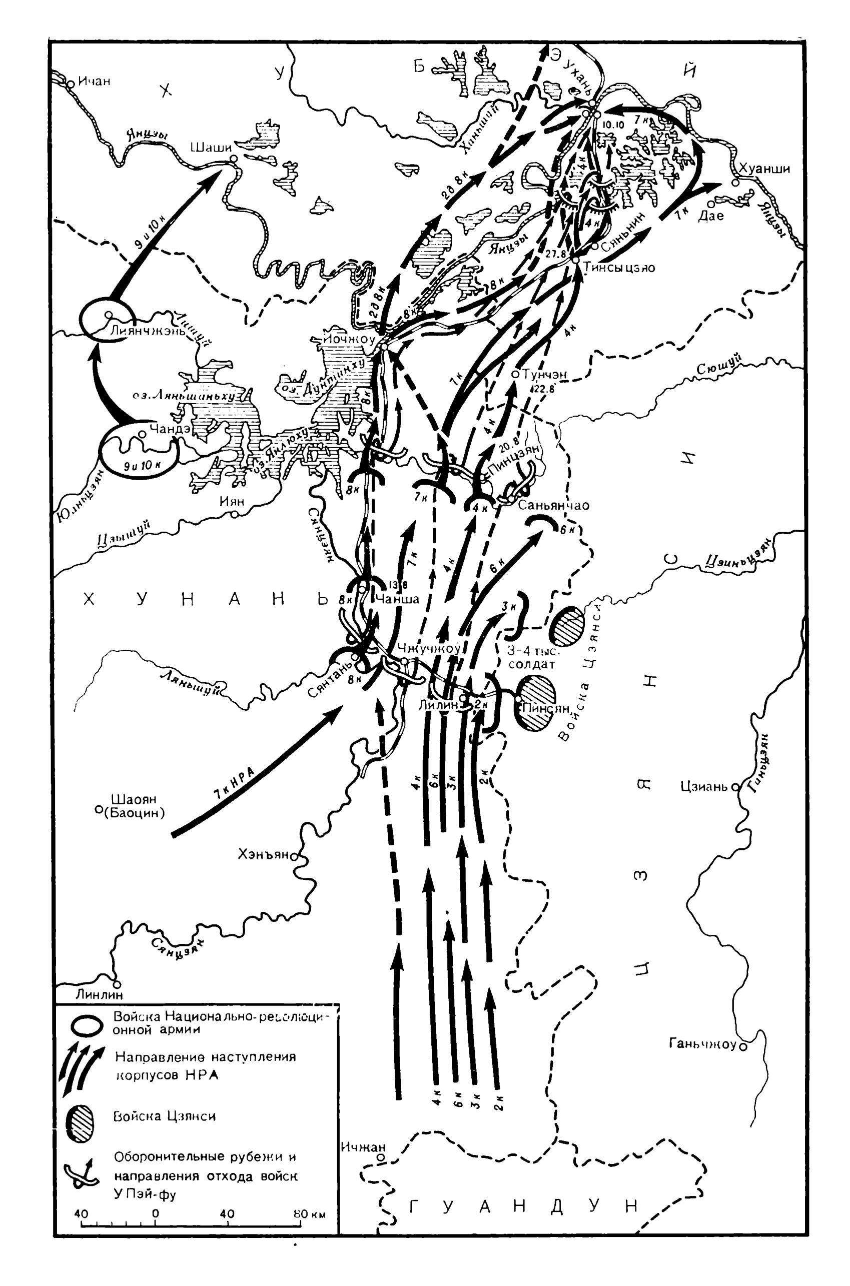
Тань Янь-кай в виде компенсации за Хунань стремился захватить Цзянси.

Чан Кай-ши также намеревался обойти «баодинцев», придя через Цзянси, через ее столицу Наньчан, на Янцзы восточнее союзников и прорваться в Шанхай, чтобы связаться там с буржуазией и т. д.

Блюхер понимал, что в конце концов в интересах революции было бы военное ослабление «мартовцев». Левая демагогия и фразеология «баодинцев» также могла быть использована КПК и левыми гоминьдановцами для развития на их территории массового движения. Следовало проявить известную дипломатическую ловкость, чтобы сгладить хищнические претензии, и это безусловно удалось.

Верхушка генералитета отыскала компромисс. Тань Янь-каю в виде компенсации был дан пост председателя национального правительства, а Чан Кай-ши воскурили фимиам при назначении его 9 июня 1926 г. главнокомандующим Северного похода.

Новый план похода был составлен Ли Цзи-шэнем

Карта 3. Северный поход Национально-революционной армии (1-й этап)

под диктовку В. К. Блюхера. Василий Константинович доложил его на заседании Военного совета 23 июня. Целью военных действий было объявлено достижение Ухани, «гнезда приспешника империализма» У Пэй-фу. В дальнейшем предусматривалось соединиться с народными армиями. Одна группа войск выделялась в резерв главных сил для обеспечения правого фланга от нападения Сунь Чуань-фана. Сосредоточиться в назначенных пунктах войскам было приказано 13 июля (см. карту 3).

В подписанном Военным советом приказе от 1 июля 15-го года Республики (т. е. 1926 г., так как отсчет велся от Синьхайской революции 1911 г.) говорилось: «Наша армия, продолжая следовать заветам бывшего главнокомандующего Сунь Ят-сена, имеет целью в интересах национальной революции, в интересах государства и народа уничтожить милитаристов и контрреволюционеров; очистив провинцию Хунань, надо сосредоточиться всеми частями НРА в районе Учан — Ханькоу и соединиться с нашими друзьями — народными армиями. Тогда — единый Китай, завершение национальной революции!»

Как известно, впоследствии гоминьдановская пропаганда подавала Северный поход как успех и достижение Чан Кай-ши, его военного искусства.

Для понимания действительного положения дел немало дает следующий отрывок из доклада В. К. Блюхера: «Он (Чан Кай-ши. — *А. Ч.*) как бы афиширует тесную дружбу со мной перед командным составом армии и подчеркнуто уделяет мне на виду у всех очень большое внимание. В этом отношении характерен следующий случай — на днях был устроен обед с приглашением всего высшего комсостава НРА до помкомдивов включительно, и на этом обеде он заявил собравшимся, что устроил обед для представления Галину всего высшего состава армии. Обращаясь ко мне, он просил дать исчерпывающие указания о НРА и Северном походе.

То же повторилось и на параде в 3-м корпусе, где он подчеркнуто выпячивал меня перед всеми. Есть ли это действительный сдвиг в отношениях с нами или это часть какой-то политики, сказать сейчас трудно, но характер бесед и просьба о советах значительно разнятся от прежних. Теперь он старается или не ставить или

уходит от вопросов, относящихся к внутреннему положению его частей, а особенно назначений высшего комсостава, как бы считая это своим внутренним делом. Но по основным вопросам обучения, организации советы принимает, а вопросы оперативного порядка пока почти безраздельно предоставляет мне и не принимает ни одного решения, не получив моего одобрения. Чаще всего получается так, что начальник штаба генерал Ли Цзи-шэнь приезжает ко мне, докладывает полученные сведения и, получив мое мнение, пишет приказ и везет его на подпись к Чан Кай-ши, который подписывает их даже без поправок. Отношение комдивов Чан Кай-ши ко мне внешне внимательное и почтительное, но навряд ли внутренне доброжелательное».

Разрабатывая план Северного похода, В. К. Блюхер был верен своим традиционным методам, знакомым мне по борьбе за Гуандун. Он поручил отдельным советникам разработать для него определенные вопросы, а некоторых из нас посылал на места стоянки войск, чтобы собственными глазами оценить их состояние. При этом ярко проявилось умение В. К. Блюхера оценить совершенно четко возможности каждого военного работника, найти ему подходящее поприще. Так, Ивана Мамаева, который долго жил в Маньчжурии и знал китайский язык, был сведущ в политике, но недостаточно подготовлен в военном отношении, Блюхер направил в Гуанси в 7-й корпус, так как там требовалось правильно оценить общую обстановку, намерения союзников.

Меня же Блюхер командировал в Сватоу к Хэ Инциню, с которым я был хорошо знаком по Восточным походам. Знал я и подвластные ему 3-ю и 14-ю дивизии. Теперь мне предстояло посмотреть, что же они представляли собой после «событий 20 марта».

В результате напряженного труда под руководством В. К. Блюхера нам несомненно удалось внести очень существенный вклад в разработку предстоявшей операции.

В связи с началом Северного похода ЦИК гоминьдана обратился к китайскому народу со специальной декларацией, в составлении которой большую помощь оказал М. М. Бородин. Ряд коммунистов и левых гоминьдановцев активно участвовали в распространении

этого важного документа среди населения. Он был рассчитан на самые широкие круги китайских граждан, поэтому авторы старались сделать свои призывы понятными и доходчивыми для каждого трудящегося китайца.

В первой части документа описывается положение крестьян и рабочих и констатируется, что «страдания китайского народа достигли предела». Интересно проследить, как изложены мотивы участия в революционном лагере буржуазии: «Положение коммерсантов также тяжелое. С одной стороны, иностранцы наводнили рынок своими товарами, с другой — их постоянно обкладывают чрезмерными налогами из-за хищнической деятельности милитаристов и бандитов». Далее освещаются бедствия интеллигенции, солдат милитаристских армий. «В общем можно сказать, что страдает весь народ, за исключением милитаристов, продажных чиновников и некоторых финансистов. Все это — плод агрессивности империалистов и узурпации власти милитаристами».

Эксплуатация китайского народа империалистами раскрывается в следующих простых словах: «Они — наши кредиторы, а мы — их должники, они не работают и живут, тогда как мы работаем, как животные, они — наши финансовые господа и держат в руках власть и распоряжаются нами, мы — их экономические рабы, которых гонят кнутами... используя продажных милитаристов, они совершали бесчисленные преступления... наши граждане являются рыбой и мясом, а милитаристы для них посудой. Если жестокая гражданская война будет продолжаться бесконечно, то нетрудно предвидеть, что тысячи ли нашей земли превратятся в пустыню, а сотни миллионов граждан — в песок и червей».

Негативная, так сказать, часть декларации, в которой изложены причины революции, явно сильнее ее позитивной программной части. Вот основные идеи последней: «Первое, что необходимо китайскому народу, — это создание объединенного правительства... До сего времени наша партия не имела возможности осуществить созыв Национальной конференции и осуществить мир в нашей стране».

Итак, поставлен лишь вопрос о власти, а социальная программа обойдена. Непосредственная необходимость выступления против клики У Пэй-фу обоснована

так: «Изменник У Пэй-фу при помощи английских империалистов вновь очутился у власти и пытается последовать примеру Юань Ши-кая: сделать заем у иностранцев и совершенно раздавить национально-революционное движение... империалисты с его помощью надеются захватить навсегда таможню». Такому содержанию декларации вполне соответствовали и помещенные в ней призывы: «Да здравствует создание объединенного правительства! Да здравствует успешная национальная революция! Да здравствует свобода и независимость китайского народа! Да здравствует Национально-революционная армия!» Декларация была датирована 23 июля 1926 г. в г. Шанхае.

Незабываемый вечер

В пору работы над воспоминаниями попалась мне случайно под руку краткая программа, которую набросал для себя П. И. Чайковский, сочиняя прославленную Шестую симфонию. «Вторая часть, — читал я, — выражает то меланхолическое чувство, которое является вечерком, когда сидишь один, от работы устал, взял книгу, но она выпала из рук, явились целым роем воспоминания. И грустно, что так много уже было, да прошло, и приятно вспомнить молодость. Вспомнилось многое. Были минуты радостные... Были и тяжелые моменты, незаменимые утраты. Все это где-то далеко. И грустно и как-то сладко погружаться в прошлое...» Я невольно усмехнулся изумленно, — настолько полно выражало прочитанное мною именно то, что я тогда испытывал.

Как-то шагая по Дуншаню, предместью Кантона, где жили наши советники, повстречал я старшего летчика Васю Сергеева и был поражен его видом: приятное лицо осунулось, одеревенело, в обычно веселом взгляде сквозит несомненная грусть.

— Вася, что с тобой, — осведомился я. — Живот, что ли, разболелся?

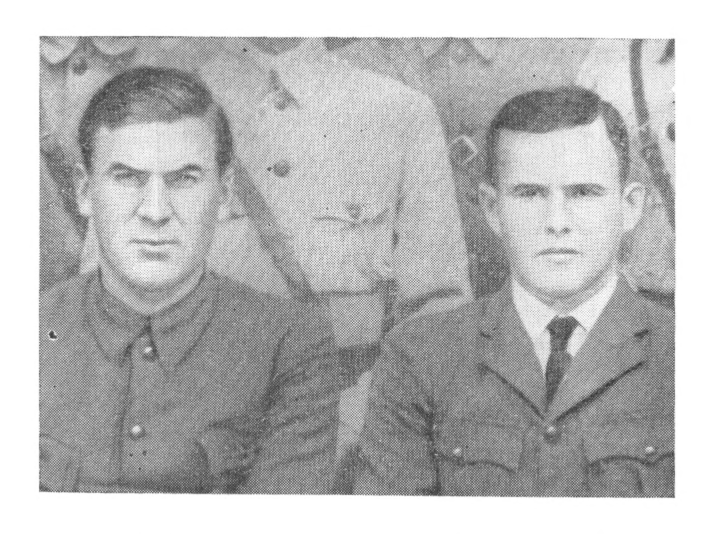
— Эх, Саша, кабы дело было в животе, слопал бы втрое больше обычного, как рекомендовал дедушка

Летчик-доброволец Христо Паков

Крылов, и предоставил бы брюху самому с собой разбираться! Не в том печаль! Иду от Галина, доказывал, доказывал ему, что срок вылета надо отложить, а он ни в какую. Обстановка, говорит, не позволяет. А у нас: полевое управление из военно-авиационного департамента не выделено, план перелета не разработан, авиабаз нет! Чтоб все доставить на места, нужно не меньше месяца. В Шаогуани железная дорога кончается, а оттуда как хочешь, так и добирайся до Чанши, вьючного скота нет, вся надежда на кули, а ведь одного горючего 2500 пудиков... Зайдем-ка к нам.

Саша Кравцов, Костюченко, Христо Паков, штурман Тальберг, склонившись над картами, сосредоточенно изучали маршрут. Жизнерадостные наши соколы явно нахохлились. Да и было отчего: точных сведений об обстановке у нас не было, карты подходящего масштаба отсутствовали, о метеорологических данных не приходилось и говорить, а погода менялась не по дням, а по часам, почти мгновенно, временем для тренировок они не располагали.

Советские летчики-добровольцы А. Кравцов, В. Сергеев

— Ну как? — прозвучало хором, едва мы вошли.

Сергеев нашел в себе мужество улыбнуться и ответить спокойно:

— Все так же! Обстановка не позволяет тянуть с перелетом. Главный очень просит нас уложиться в назначенный срок. Думаю, справимся.

— Раз нужно — справимся, не боги горшки лепят. — проворчал Саша Кравцов, сердито отбрасывая линейку и распрямляя спину.

— Надо, так надо, не впервой, — поддержали и остальные.

— Я на аэродром, а вы продолжайте работу! — приказал Сергеев летчикам. — Пойдем со мной, Саша.

Когда мы вышли за дверь, он спросил неожиданно:

— Полетишь со мной?

Я заметил, что по лицу летчика промелькнула легкая тень, как это бывает у командиров в матушке-пехоте за секунду до возгласа: «В атаку! Вперед!»

До Китая Сергеев был инструктором в военно-воздушном училище, и вот, оказывается, даже столь классный летчик перед полетом испытывает некоторое вол-

нение. Какой же после этого может быть спрос с нас, грешных!

Солдат, переведенный из одного рода войск в другой, всегда чувствует себя неуверенно. Об этом рассказывал мне некогда начальник штаба 28-й бригады, которой я командовал в гражданскую войну, Борис Вернерович Эрн. Он окончил Александровское пехотное училище, а во время мобилизации перед первой мировой войной был переведен в кавалерийский полк. Он был далеко не трусливого десятка, но участие в кавалерийской атаке крепко хлестнуло его по нервам, ему все время казалось, что он составляет на коне великолепную цель для врага.

— Спасибо, что ранили, а по излечении вернули в родное войско, где я крепко стою на ногах, — откровенно признавался Эрн.

Подобно этому, в годы Отечественной войны командующий артиллерией вверенной мне армии генерал-майор И. М. Педусов, храбрейший человек, под снарядами вел себя невозмутимо, но явно недолюбливал ружейный огонь, в то время как у большинства пехотинцев бывает наоборот. Могу засвидетельствовать, что и я чувствовал себя не в своей тарелке в первом полете.

Подходя к самолету, а он, скажем прямо, не имел ничего общего с современными лайнерами, я испытывал уже знакомое внутреннее напряжение, как перед подъемом из окопа или выступлением на большом митинге. Мелькнула даже трусливая мысль: не отказаться ли? Но я тут же ее прогнал и даже рассердился.

— Ты же общевойсковой командир, — упрекнул я себя. — Все идет к тому, что летать придется. Чем скорее начну, тем лучше!

Теоретически я кое-что знал из академического курса о работе летчика в полете и в воздухе все время пытался анализировать действия своего друга. Разумеется, мои выводы были далеки от истины...

Поднялись мы на учебном АИРе с миниатюрной взлетной дорожки, проложенной на островке реки Жемчужной. Сразу же мне показалось, что Василий взял слишком крутой угол атаки, а, по словам преподавателей, самолет в таких случаях, потеряв скорость, соскальзывает на хвост. Однако мы благополучно очертили круг и начали снижаться на один из рукавов.

Советник Ф. Г. Мацейлик

— Что же он делает? — застучало в голове. — Видимо, что-то с мотором, но он же сам говорил, что садиться на воду нельзя, под тяжестью мотора мы перевернемся!

Тем временем Василий описал вираж и приземлился прямо на аэродромчике.

— Все?! — радостно крикнул я летчику.

— Не будем выходить, — возразил Сергеев. Он спокойно сообщил мне о какой-то мелкой неисправности, которую способен устранить подбежавший механик.

Скоро мы стартовали вторично и пошли к горам «Белые облака». Я сидел в передней кабине. Видя в зеркале по лицу мое напряженное состояние, друг решил надо мной подшутить. Тогда мы были молоды и «не боялись ни жары и ни холода» и не подозревали, что в лексиконе имеется слово «инфаркт». При одном из маневров я чуть приподнялся с сиденья, и в этот момент Вася схватил меня сзади. От неожиданности я так подпрыгнул, что, не будь пристегнут ремнями, вылетел бы из самолета, как с катапультою.

Испуг подействовал неожиданно, я расхохотался, напряжение спало разом, и, бросив все анализы, я друже-

Советник В. Горев (Никитин)

ски показал летчику кулак. Он же, развеселясь, начал в воздухе «козлить» — демонстрировать высший пилотаж. Сделал несколько бочек, мертвую петлю, сымитировал падающий лист... Во всех этих маневрах я толком не разобрался, думал, что так и надо. На другой или третий день я уже охотно сел с Васей на Р-1.

Подготовка к Северному походу заканчивалась. Подходило время крепко сколоченному коллективу советников разлетаться по служебным местам, а тем, у кого имелись семьи, отправлять их в Шанхай, во Владивосток, на Родину, смотря по обстоятельствам.

Настал час прощального ужина. Душа нашего клуба Софья Брониславовна Мацейлик совсем исхлопоталась. Ей с любовью помогали другие жены советников. Время от времени они ласково советовали ей, показывая на ее царственно выступающий живот (она была на сносях): «Побереги себя, Соня». Но она не обращала на это внимания, все хотела сделать сама, вникала в каждую мелочь, покрикивая время от времени на

маленькую обезьянку, сидевшую то на одном ее плече, то на другом. Зверюшка с любопытством следила за кулинарной работой или разбирала Софьины локоны.

Все мы были в приподнятом, торжественном настроении. Нам предстояло на фронтах действовать порознь друг от друга, иногда за сотни или даже (как мне) за тысячу километров от соседа. Мы знали по опыту, что наш дружный, проверенный совместным трудом в тяжелейшей обстановке коллектив в таком виде никогда уже не соберется.

Ожидая сигнала садиться за стол, в тени большого дерева беседовали неторопливо двое рослых советников. Никитин (Горев) зажал в зубах трубку, Терещенко (Тесленко) держал в руке дымящуюся сигару. Никитин, состоявший при 4-м корпусе, рассказывал, какие части выделил для Северного похода Ли Цзи-шэнь. «Целиком пойдет, — говорил он, — 10-я дивизия. 12-я оставила полк на Хайнане, а вместо него ей передали в оперативное подчинение отдельный полк Е Тина. У нас долго препирались, отправлять дивизии как отдельные или нет. Наконец решили, что они пойдут как 4-й корпус. Командовать будет заместитель Ли генерал Чэнь Кэ-ю».

Преждевременно поседевший, с гвардейской выправкой советник 6-го корпуса Н. И. Кончиц и толстенький политический советник Шнейдер посматривали нетерпеливо на суетящихся устроительниц.

— Это не хозяйки, а охламоны: голодом уморят. Хелютка! — крикнул Кончиц куда-то спешившей супруге. — Поторопила бы их.

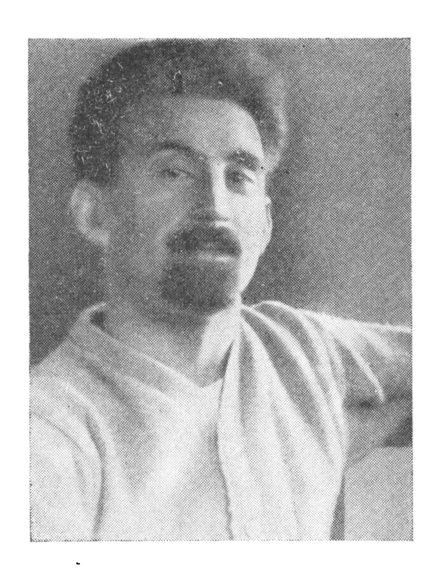
— Галстук поправь! — отозвалась по существу затронутого вопроса Елена Сатурниновна и скрылась за углом.

— Галстук, — растерянно повторил Николай, дотрагиваясь до важного предмета туалета, — опять сполз... Ты когда, Ефим, в дивизию выезжаешь? — спросил он Терещенко.

— Завтра!

— Я сегодня прибыл, а завтра с зарей опять двигаем с Чэн Цянем!

— Как Ли Цзи-шэнь ни жался, а пришлось-таки в поход выделить лучшие части, — продолжал разговор Никитин.

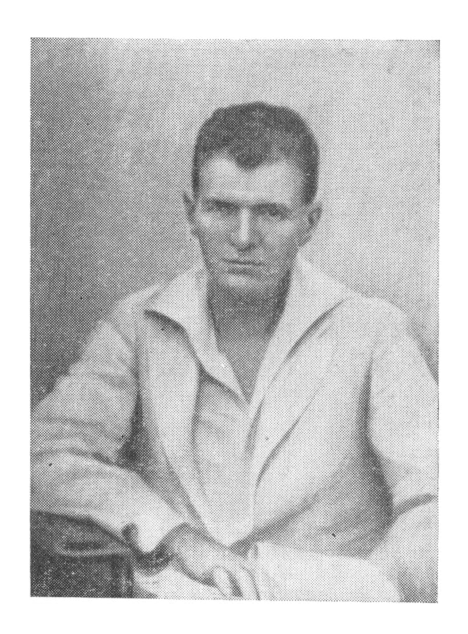
Советник В. К. Таиров (Теруни)

— А он не прогадает, — возразил Терещенко, — останется в Гуандуне хозяином и своего здесь не упустит!

— Да он и сейчас не теряется, уже успел сколотить 13-ю дивизию, — согласился Никитин.

Я мысленно делил всех наших кантонских советников на три группы. Большинство, состоявшее в основном из военных, было настолько поглощено непосредственной армейской работой, что не имело реальной возможности всерьез толковать о крупных политических проблемах, делать обобщающие выводы, далекие прогнозы. Считалось, что с этой стороной наших задач в Кантоне неплохо справляются М. М. Бородин и В. К. Блюхер, специально на то уполномоченные. Эта часть советников соприкасалась лишь с политическими проблемами, связанными непосредственно с их службой, т. е. с более узким кругом вопросов. Здесь, как правило, наши товарищи проводили правильную линию.

Вторую группу составляли те, кого мы шутя называли «политиками». В нее входили в основном советники, занятые проблемами социальной жизни Китая: Тар-

Советник И. К. Мамаев

ханов, Йолк, Мамаев, изучавшие под руководством Бородина рабочее и крестьянское движение, Шнейдер и Калачев (Наумов) — политические советники, к ним примыкали и некоторые военные: Нилов (Сахновский), Зильберт и другие, увлеченные политическими вопросами, может быть, не более других, но зато обладавшие более фундаментальной подготовкой в этой области. Все они любили поспорить, наметить самые далеко идущие прогнозы.

Наиболее эрудированным и политически опытным среди них был, пожалуй, Тарханов, великолепный офицер и подающий надежды литератор. С ним нередко советовался по тому или иному вопросу сам Бородин, а особенно Таиров (Теруни), советник Политического управления.

Наконец, к третьей группе я относил товарищей, которым по характеру службы приходилось меньше иметь дело с чистой политикой (летчики и другие). Свое дело они выполняли добросовестно, последовательно прово-

дили в жизнь указания нашего начальства, но умели, когда была необходимость, проявить и разумную инициативу.

Вернемся, однако, к нашему прощальному ужину. В тени здания «политики» с пристрастием допрашивали Павлова (Нефедова) о его поездке в Хунань к Тан Шэн-чжи по поручению Блюхера. Испытанные наши витии засыпали Павлова таким градом вопросов, что он явно терялся и не мог удовлетворить их любознательность.

— Как Тан Шэн-чжи на попутчиков смотрит? — допытывался Нилов.

Речь шла о генералах, желавших изменить своему милитаристскому боссу и перейти на сторону НРА. Павлов раскрыл было рот, но разгоряченный «политик» сам же и стал отвечать на свой вопрос:

— Не знаю, как там Тан Шэн-чжи, но проблема попутчиков очень сложна и нельзя дать здесь один какой-нибудь рецепт; по-моему, здесь нужно очень внимательно рассматривать каждый отдельный случай. Мы же буквально обрастаем попутчиками. Гуйчжоуские войска почти целиком либо уже переметнулись к нам, либо готовы это сделать, от Е Кай-синя бегут к нам многие части.

Казалось бы, радоваться надо, но все это не так просто, здесь таится серьезная опасность. Сейчас уже из-за попутчиков начинают цапаться отдельные группы. К примеру, какой-нибудь генерал Хэ готов предать Е Кай-синя и служить Кантону, но это расходится с интересами Тан Шэн-чжи и его союзников, Чэнь Минь-шу и других, в Хунани. Да, это только цветочки, а ягодки еще впереди! Видимо, нам придется разбираться со всем этим, но что мы сможем сделать, трудно сказать.

Шнейдер включился в разговор, чтобы поддержать последнее соображение Нилова:

— Ты прав, во многих местах влияние советника далеко не пропорционально той работе, которую он проделывает. В большинстве корпусов генералы без нашей помощи не справились бы с подготовкой к походу, это ясно, но абсолютным доверием сейчас пользуются лишь отдельные товарищи.

— Генералитет копирует Чан Кай-ши, — сказал Тарханов, — Чан теперь, после мартовской истории, к

Советник О. Эрдберг (Тарханов)

оргработе, к перемещениям и назначениям уже никого из русских никогда не допустит. Строевые и учебные занятия — пожалуйста, но не больше. Бородина он готов слушать по международным проблемам, Галина — по оперативным. По-моему, в смысле военных действий Галин для него непререкаемый авторитет. Но в сфере внутренней политики Чан ни с кем советоваться не станет. Как вы думаете, кстати, есть ли у Чана своя группировка и если есть, то что она собой представляет?

Нилов опять-таки взял слово:

— Мне кажется, что те, кто сейчас Чана окружают: и военные и гражданские, — это лица, принадлежащие к японской школе. Например, заместитель его в Вампу Ван Ма-ю или генерал У. В Вампу сейчас остаются новые офицеры, и все они обучались в Японии. Уже есть зачатки прояпонской группировки. Кроме того, Чан из бывших воспитанников школы состряпал «Союз Вам-

Советник М. Ф. Чубарева
(Сахновская)

пу». Это — явный противовес «баодинцам». Но не в духе Чана было бы ориентироваться на тех или других целиком и полностью, он скорее будет, стоя выше группировок, играть на их противоречиях. Во всяком случае, какие бы группировки в армии ни возникали, а в целом-то НРА заинтересована в нашей помощи. Вот, кстати, Лодзинский подошел, ему и карты в руки...

Лодзинский, советник по тылу, высказался очень определенно:

— Без нашей помощи и северной экспедиции так скоро не было бы. По-моему, вся китайская верхушка это неплохо понимает, не говоря уже о том, что это вполне определенно осознает вся армия. Это очень улучшает отношение к нашим людям.

К «политикам» присоединился Зильберт. В отличие от многих из нас он был модником, одет всегда «с иголочки», пробор тщательно расчесан. Складочки возле рта говорят неопровержимо о том, что он знает себе

цену. Зильберт, вслушавшись в беседу, задал вопрос Тарханову:

— Как по-вашему, гоминьдан и в Северном походе будет играть руководящую роль?

Ответ задержался из-за того, что подошла Мира Чубарева (Сахновская). Она вела за руку шаловливую дочку Леночку, а флегматичного сына Павлика попросила поднести на руках подвернувшегося Зенека, советника 2-го корпуса. Зенек передал Павлика отцу и хотел было пройти в клуб, так как не принадлежал к числу любителей пофилософствовать о текущем моменте.

Мире как матери явно хотелось, чтоб Зенек похвалил за что-нибудь ее чадо. Зенек понял это, но, плутовато улыбаясь, молчал. Мира не вытерпела и задала наводящий вопрос, как он находит ее мальчика. Зенек сделал глубокомысленную мину и буркнул:

— Обыкновенный мальчик, а подрастет — будет еще хуже...

Все рассмеялись.

— Так что вы скажете о гоминьдане? — напомнил Зильберт.

Тарханов начал излагать свою точку зрения неторопливо, увлекся и прочел целую лекцию:

— Вы задали очень интересный вопрос. Внешне все выглядит просто. Северный поход — дело гоминьдана, под его знаменем идет наступление на Север для освобождения страны от милитаризма, империализма и т. д. Но на деле-то далеко не так! Вернее будет сказать, что один из милитаристов, лучший среди ныне борющихся, ведет борьбу с другим — худшим, используя знамя гоминьдана. Такие выводы могут показаться чрезмерно строгими, но они ближе к истине и менее чреваты ошибками, чем чрезмерно оптимистические.

Чем же отличается лучший милитарист? Дело в том, что, как верно говорит товарищ Бородин, он — единственный, готовый, способный и вынужденный вести борьбу с империалистами.

Тут возникает вопрос. А сможет ли гоминьдан охватить то массовое движение, которое, конечно, будет сопутствовать Северному походу? Конечно, нет! Отсюда и вытекают задачи компартии. Сейчас уже мы имеем сведения из Ханькоу, что Северный поход пользуется боль-

Советник П. Я. Зенек

шой популярностью среди рабочих, крестьян, мелких и средних торговцев, студентов. Тамошние капиталисты уверены в победе южан, боятся грабежа со стороны частей У Пэй-фу и поэтому со всеми богатствами удирают на концессии. Хубэйские войска в панике. Они считают кантонскую армию непобедимой. Обстановка благоприятнейшая. Казалось бы, компартии следовало бы использовать настроение масс, дать им соответствующие лозунги и взять движение в свои руки, а выходит наоборот. По тем же сведениям из Ханькоу, местные коммунисты отрицательно относятся к Северному походу. Между тем даже безразличное, пассивное отношение — грубая ошибка, чреватая очень тяжелыми последствиями. Правильную позицию занимает, по-моему, кантонская организация, а также такие люди, как Чжан Тай-лэй.

Товарищ Бородин через кантонский комитет послал в Шанхай ЦК КПК совет использовать до конца всякое движение масс, чтобы захватить руководство им в

свои руки. Какие меры приняты и будут ли приняты, мы не знаем. Надо надеяться, что точку зрения ханькоуских коммунистов ЦК осудит. Коммунистам, конечно, следовало бы, где только возможно, помогать левым гоминьдановцам в организации общественности, особенно тех кругов, среди которых КПК не может рассчитывать на успех. Наконец, КПК должна была бы закрепиться в армии, а сейчас в связи с походом есть такая возможность. Например, Тань Янь-кай и Чэн Цянь просят к себе коммунистических военных работников...

Тарханов пользовался авторитетом, и слушали его очень внимательно. Число «политиков» все прибывало, в беседу включились Наумов, Милюткевич, врач группы Соколов. Гурьбой явились наши соколы. Сергеев хотел было подойти к спорящим, но Кравцов его решительно остановил:

— Да ну их, они, поди, опять препираются о прибавочной стоимости или «товар — деньги — товар». Эту премудрость мы еще в военном училище превзошли. Айда в столовую!

— Рано еще, ребята, не готово, — остановила их Софья Брониславовна.

Летуны зашумели:

— А мы-то спешили. Кабы знали, что тут словно к Христовой заутрене готовятся, дома бы что-нибудь перехватили!

— Милка! — крикнула Софья высунувшейся на шум жене Тарханова. — Принеси деткам по пирожку, чтобы не плакали!

— Сухая ложка рот дерет! — намекнул Кравцов.

— Милка, дай им еще и зельтерской водицы!

— Соня, еще Бетховен, царство ему небесное, сказал: «С воды меня рвет», — сделав нарочито кислую мину, запротестовал Саша.

Соня ободрила жаждущих:

— Ничего, скоро подойдут Михаил Маркович и Василий Константинович.

А вот и они — легки на помине! Когда все расселись за столы, Блюхер поднял бокал: «За предстоящий поход!».

Застучали столовые приборы. Софье Брониславовне не приходилось обижаться на едоков; иногда она с беспокойством прикидывала: хватит или нет того или ино-

го кушанья. Народ все был здоровый, и работали мы больше на воздухе.

Сидевший напротив Блюхера Кравцов переработал при подготовке к перелету, был хмур и часто прикладывался к стакану с вином.

— Не переберешь, Саша? — дружески предостерег его Василий Константинович.

— Товарищ начальник, летать так Кравцову, а пить дяде. У меня душа меру знает.

— Ну раз так, то хорошо. За ваш счастливый перелет! — сказал главный советник и чокнулся с Кравцовым.

То в одном, то в другом месте стали раздаваться песни. Первыми перешли к вокалу Мамаевы — Иван и Раиса, они позже нас прибыли в Кантон и привезли с собой такие шедевры фольклора, как «Цыпленок жареный!» и «Скажи нам, Саша, ты гордость наша».

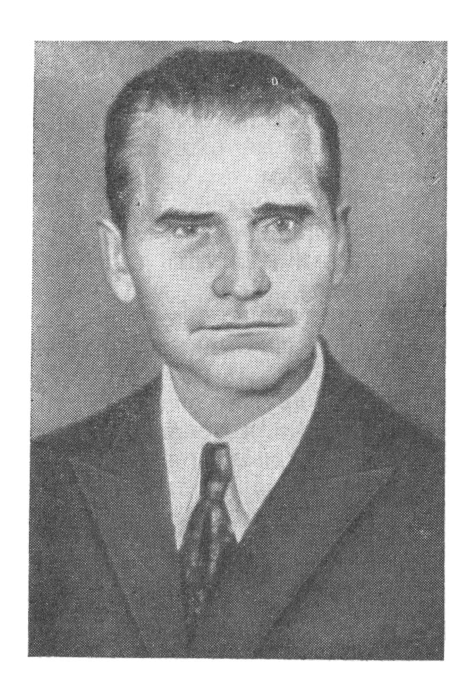
Вскоре раздвинули столы, чтобы освободить место для танцев. Лучшими танцорами считались Мацейлик, Зенек и Реми (Угер).

— Доктор, а вы что же? — осведомился Зенек, подсаживаясь к Соколову. — Как бы Коми не оттанцевал у вас жену!

— Не может того быть, заговорена. А мне некогда: пробу с вина снимаю. Хорошо, что ты подошел, а то не с кем было и чокнуться, — сказал отдающий должное Бахусу доктор. — Ефим — трезвенник, только все свою сигару или трубку сосет.

— Не люблю, Соколов, когда пьют не в меру. Ну рюмочка, две, от силы три — и хватит, — возразил Тесленко. — Признаться, я и танцевать не очень большой любитель.

Вслед за тем Ефим вскочил, поспешно сунул в грудной карман трубку и с просветленным лицом любезно пригласил проходившую мимо хорошенькую чернушку, жену Реми. Вальсировал он хорошо, с увлечением. Затем в приподнятом настроении они с партнершей выпили по рюмке черри-бренди. Войдя во вкус, Ефим, прикинув, сколько осталось в бутылке вишневки, окинул зал молодцеватым взглядом и обошел всех наших подруг, чокаясь новой рюмкою с каждой, а ведь их было более десяти. А потом опять закружился в «упоительном вальсе».

Советник Е. В. Тесленко

— Все тот же, — улыбнулся я и невольно вспомнил его выступление на собрании советников вскоре по приезде.

Надо сказать, что на Родине тогда командирам РККА жилось материально не просто. Это и не удивительно: страна только что вышла из гражданской войны и интервенции. Поэтому кое-кто из прибывших с Родины советников, взглянув на наш кантонский быт, склонен был подозревать, что среди нас началось разложение. Вскоре, впрочем, такие прямолинейные люди убеждались, что для их домыслов нет оснований. Не избежал ложной паники и Ефим. Он взял слово на собрании и со свойственной ему откровенностью и горячностью заявил:

— Разлагаетесь тут вдали от Родины, в среде буржуазного общества.

— Выправился, чертенок, «как денди лондонский одет», — глядя на Ефима, подумал я, вспоминая, как

Н. И. Кончиц

примерно полгода тому назад, после окончания второго Восточного похода, я застал его больным, в тяжелейшем состоянии, без всякой медицинской помощи, полумертвым в дикой глуши, в богом забытой деревеньке и тут же организовал его отправку в Кантон. Молодец, не думает уже о болезни и с нетерпением ждет начала похода — истинный командир РККА!

Танцор я был неважный, поэтому беседовал то с тем, то с другим и с удовольствием наблюдал за вальсирующими, более легкими на ноги друзьями. Вот мило прокружился Зильберт. Он имел слабость держаться «под англичанина» (на визитной карточке значилось Джильберт) и соответственно танцевал. И он, слава богу, здоров. А давно ли я навещал его в немецком госпитале на острове Хэнам, он тяжко мучился от тропической дизентерии и был еле жив.

А вот и Кончиц с Еленой Сатурниновной. Во время второго Восточного похода у него обострилась застаре-

лая легочная болезнь, открылось кровохарканье. Он превозмог недуг и до полного разгрома врага остался в строю. Теперь он чуть подлечился с помощью каких-то средств древней китайской медицины и все усилия прилагал к тому, чтобы наилучшим образом подготовить 6-й корпус к военным операциям.

Танец, однако, и меня не миновал. Рослая толстушка, жена советника по тылу НРА Лодзинского, повязав голову платком и держа поднос со сладостями, подошла ко мне и пропела:

— Купите бублички, горячи бублички... меня несчастную, торговку частную, ты пожалей, — и, поставив поднос, потянула меня за руку со словами: «Пошли, Саша, танцевать!»

Хоть я уж давно уехал из деревни, но сохранил симпатию к кондовым женщинам и не мог ей отказать. Не хватило сил устоять и перед обаянием нашей общей любимицы — казначея группы, супруги Зенека (в скобках замечу, что она была чуть потоньше Лодзинской).

А меж тем верные себе до конца «политики» сгрудились в угол и продолжали дискутировать. Ораторствовал по-прежнему Тарханов.

— Мне кажется, — говорил он, — одной из важнейших задач коммунистов будет наладить прочные связи с попутчиками. Есть же среди них какой-то здоровый элемент! Эту надежную их часть надо бы было неустанно политически обрабатывать, не давая ей разложиться. Иначе впереди у нас будут серьезнейшие осложнения.

Да и в Гуандуне-то далеко не все отрадно выглядит. В некоторых уездах бандитизм принял поистине угрожающие размеры. Многие деревни дотла ограблены. Крестьянские союзы разогнали. А воинские части и не думают вмешаться, хорошо уже, если они держатся нейтрально.

Я уж не говорю о правом гоминьдане, но даже левый далек от курса на развитие массового движения. «Левые», видимо, прекрасно осознают, что рабочие и крестьяне в конце концов неизбежно подпадут под коммунистическое влияние, и очень этой перспективы опасаются. Думается, что единственная возможность их активизировать и создать хоть какое-то единство — это определенная победа на Севере. Да, от исхода экспеди-

ции зависит и наша дальнейшая работа в НРА. Короче, нам надо никаких сил не жалеть для ее успеха...

Несколько освободившаяся от хлопот Софья Брониславовна села в уголок, и полукругом около нее собрались отдохнуть после танцев наши женщины. Но едва завязалась беседа, как неугомонная Соня взглянула на часы и спохватилась:

— А не пора ли, девушки, чай подавать?

Подруги дружно защебетали, уговаривая свою старшую предоставить все хлопоты им, но это было безнадежно.

Переутомясь за день на работе, Михаил Маркович и Василий Константинович тем не менее не уходили, вместе со всеми они старательно отбивали ладонями такт: Теруни лихо плясал зажигательную лезгинку. Подали чай, и снова полились песни.

Перед первой мировой войной в Екатеринбурге (Свердловске) в коммерческом собрании дирекция держала пять оперных певцов и певиц. Они ставили отдельные сцены из опер, а хор состоял из любителей. Учась в Уральском горном училище, я вместе с несколькими однокашниками в нем пел. Должен сознаться, что двигала нами не бескорыстная любовь к искусству, нас, грешных, больше интересовали великолепные французские булочки, выдававшиеся нам к чаю после репетиций. В годы ученичества я играл в любительских оркестрах на многих инструментах: контрабасе, мандолине, балалайке, альтбалалайке, барабане. Но особым музыкальным, а тем более вокальным талантом не обладал: «медведь на ухо наступил». А тут еще из-за контузии стал хуже слышать на левое ухо. В своей компании я все же рисковал петь, вернее старательно подтягивать хорошо поющим. И сейчас я присматривался, к кому бы из певцов подсесть.

Вдруг рядом раздалась простенькая мелодичная песенка: «Что стыдиться ласки, милая моя...» Рядом со мной незаметно очутилась малютка Лиза Никитина (Горева), она обладала приятным голоском, любила и умела петь. В этот вечер завязалась наша долгая и хорошая дружба. К великому сожалению, через одиннадцать лет ее мрачная фамилия — Горева неожиданно приобрела символический смысл. В то время пострадало множество людей из нашего актива.

В тот памятный вечер пели мы много и увлеченно, одна песня сменялась другой: «Вышли мы все из народа», «Нам каждый день дается богом», «Ермак», «Вниз по матушке по Волге», «Солнце всходит и заходит», «Дни нашей жизни», «Реве тай стогне Днипр широкий», «Цыганка гадала», всего я, конечно, не помню.

И вдруг кто-то затянул прекрасную песню, ныне почему-то несправедливо забытую нашими хоровыми коллективами: «Из страны, страны далекой». И сразу же в зале воцарилась тишина. Даже «политики» примолкли, и, словно по взмаху дирижерской палочки, все дружно подхватили: «с Волги-матушки широкой, ради вольности труда, ради вольности веселой собралися мы сюда».

Все встали, нас охватило какое-то торжественное состояние. Мысленно мы перенеслись на Родину и вспомнили, зачем она нас направила сюда, в далекий край. Просветлели наши лица, и особенно слитно прозвучало: «Первый тост за наш народ». Каждый из нас тосковал о доме, но застенчиво таил это в своем сердце. Я словно впервые окинул взглядом весь наш коллектив, всех товарищей по оружию и справедливо подумал: небольшая, но могучая кучка собралась здесь. Подлинные ленинцы-интернационалисты, беззаветно преданные борьбе за свободу братского народа. С гордо поднятой головой, развернутыми плечами шли они навстречу трудностям Северного похода.

НРА прорывается в Хубэй

Как я уже писал, первоочередной задачей НРА в Северном походе должен был стать разгром У Пэй-фу. Эта нелегкая задача в какой-то мере облегчалась тем, что в армии У не было прочного единства, она состояла, в сущности, из нескольких слабо спаянных группировок.

Столичную провинцию Чжили занимал Тянь Вэй-цзин со своими войсками. В самом Пекине стояли шесть гарнизонных полков, они охраняли от народного гнева прихвостня империалистов, продажного политикана Дуань Ци-жуя. Большинство этих войск в прошлом входило в состав одной из дивизий 1-й народной армии.

Основной опорой самого У Пэй-фу были находившиеся на фронте четыре армии, которые возглавлял помощник главкома Ци Сюэ-юань.

В Хэнани милитарист Коу Ин-цзе возглавлял части, боровшиеся против Фань Ши-мина, генерала, восставшего против У Пэй-фу. Теперь 12 тыс. солдат, в том числе бывшая дивизия 1-й народной армии, срочно перебрасывались в Хунань против Тан Шэн-чжи.

Противник последнего генерал Е Кай-синь отходил в район Иочжоу, и в связи с этим ко времени выступления основных сил Северного похода на границе Хунани и Хубэя милитаристы сосредоточили восемь дивизий и две бригады. Они и должны были стать самым первым непосредственным противником НРА. В ближнем тылу У Пэй-фу в Хубэе имелось шесть-семь дивизий.

Итак, в армии У не было прочного единства. Перед началом Северного похода она продолжала распадаться. 24 июля 1926 г. Л. М. Карахан сообщил в Москву, что ряд бригад и полков Тянь Вэй-цзина перешли на сторону народных армий и что бригада, посланная в связи с этим в качестве подкрепления, также готовится переметнуться в стан Фэн Юй-сяна.

Обеспокоенный угрозой, создавшейся на Юге, У Пэй-фу стремился как-то поправить свои дела в северных провинциях. В июле он через маршала Ци Сюэ-юаня обратился к представителям народных армий в Пекине с предложением о мире.

Гоминьдановец, бывший начальник штаба народных армий, давая ответ милитаристам, проявил известную твердость. Он потребовал публичного заявления У Пэй-фу о готовности урегулировать отношения с гоминьданом, только на этих условиях он соглашался доложить в Калган о полученном предложении.

Одновременно У Пэй-фу сделал попытку мобилизовать общественность в своих интересах. Видимо, по его наущению союз китайских торговых палат направил делегации к генералам Чжан Цзун-чану, сыну мукденского сатрапа Чжан Сюэ-ляну, а также к У с требованием мирного урегулирования. Одновременно с этим были разосланы соответствующие телеграммы провинциальным властям.

Поддержка У буржуазией в этом вопросе свидетельствует лишь о том, что она опасалась новой вспышки

разорительных для нее военных действий. Вообще же У Пэй-фу в Хубэе обдирал местных тузов как липку в поисках средств на укрепление армии. Приемы были бесхитростными. Устраивался, например, банкет для именитых купцов, во время которого личный секретарь У Пэй-фу раздавал весьма лаконичные записки с надписью «100 тысяч», «200 тысяч» и т. д. Не раскошелиться было нельзя. Такого рода угощения застревали в горле, и местные буржуа удирали — сперва на ханькоуские иностранные концессии, а оттуда и в Шанхай.

Несмотря на все принятые меры, дезертирство из войск У продолжалось. Как раз перед выступлением НРА на Север, комдив Лю прислал своих представителей к Тан Шэн-чжи, он обещал на определенных условиях выступить против своего хозяина Чэнь Цзя-мо и даже захватить при подходе революционной армии крупнейшую базу вооружения У Пэй-фу — ханьянский арсенал.

Что касается Сунь Чуань-фана, контролировавшего наиболеее мощную военную группировку, то он был чрезвычайно обеспокоен намерениями НРА. Прежде всего он попробовал вступиться за хунаньского дубаня Чжао Хэн-ти, которого громил генерал Тан Шэн-чжи. Сунь послал телеграмму в Кантон Чан Кай-ши, предлагая увести военные силы НРА из южной Хунани и обещая, что в этом случае из провинции уйдут и северяне, оставив ее в распоряжении местных сил. У Пэй-фу был чрезвычайно разозлен этой акцией и на полученной им по этому поводу телеграмме даже начертал: «Кто ходатайствует за мир, тот большевик!»

Захват Тан Шэн-чжи столицы Хунани Чанша встревожил Суня настолько, что он прекратил инспекцию войск на северной границе провинции Цзянси и поспешил в Нанкин. По пяти подконтрольным провинциям был отдан приказ о мобилизации, состоялась конференция генералитета, где приняли решение в связи с угрозой со стороны НРА послать в Цзянси дополнительно две бригады. Сунь срочно вызвал из Пекина своего бывшего начальника штаба Яна, который в пекинском опереточном правительстве выполнял функции министра земледелия и торговли.

Однако над политическими акциями Суня довлел чисто шкурный интерес. Судьба У Пэй-фу его мало волно-

вала, он опасался лишь вторжения НРА в его собственную вотчину. Когда он убедился, что революционные силы не думают немедленно атаковать Цзянси, то намеченные им мероприятия были отменены.

Третья крупная милитаристская сила — мукденцы — также в июле 1926 г. пробовала замириться. Делегат Чжан Сюэ-ляна предложил гоминьдановцам из народных армий определенные условия. Этот политический зондаж проводился одновременно с аналогичными действиями У Пэй-фу.

Такова была в самых общих чертах политическая ситуация на Севере к началу Северного похода.

Об общем стратегическом замысле НРА уже говорилось выше. Намечены были три основных направления. Войсками западного командовал Тан Шэн-чжи (4-й, 6-й, 7-й и 8-й корпуса). Задачей его было овладеть Чанша, а затем Уханем. Войска центрального направления (2-й и 3-й корпуса, 1-я и 2-я дивизии 1-го корпуса) подчинялись непосредственно Чан Кай-ши. Они должны были обеспечить правый фланг и тыл войск западного направления, а также прикрыть гуандунскую революционную базу от возможной угрозы со стороны Цзянси, в случае же начала военных действий с Сунь Чуань-фаном овладеть столицей провинции — Наньчаном.

Восточному направлению, где действовал 1-й корпус в составе 3-й и 14-й дивизий и отдельный полк под командованием Хэ Ин-циня, было приказано прикрывать восточные границы Гуандуна от возможного нападения фуцзяньских милитаристов.

Продвижение войск НРА из Гуандуна в южную часть провинции Хунань происходило так: 2-й, 3-й, 4-й корпуса двигались на Шаогуань—Аньшэнь—Лилин, а 1-я и 2-я дивизии — на Шаогуань — Баньчжоу — Хэйчжоу — Чучжоу — Чанша.

До подхода этих войск военные действия в Хунани против упэйфуистов вел Тан Шэн-чжи. Как я упоминал, он принадлежал к клике «баодинцев», имел среднее военное образование, к описываемому времени ему было более 40 лет. Как и Чан Кай-ши, побывал он в Японии и хорошо владел японским языком. Тан был убежденным буддистом, вместе с командиром 10-й дивизии НРА Чэнь Минь-шу они в свое время были буддийскими монахами и даже пребывали в одном и том же монастыре.

Тан всячески насаждал буддизм и среди своих солдат, причем весьма эффективно. Общая установка его была такова: «Буддизм — цель, суньятсенизм — средство».

Командный состав войск Тан Шэн-чжи, объединенных в 8-й корпус НРА, состоял из «баодинцев». Командиры 2-й, 4-й и учебной дивизий были правыми гоминьдановцами и японофилами, они ненавидели советских советников и отрицательно относились к помощи СССР китайской революции.

Я имел возможность хорошо познакомиться с Тан Шэн-чжи, так как позже, в 1927 г., в Ханькоу даже стоял вопрос о моем назначении в советники к этому низкорослому генералу, обладавшему властным, колючим характером. По моей тогдашней оценке был он самовлюбленным карьеристом.

Еще за три месяца до начала Северного похода Тан Шэн-чжи через гуансийских генералов, также «баодинцев», отправил своих представителей в Кантон. Гоминьдан выдвинул следующие условия присоединения Тана к НРА: помощь с его стороны развитию народного движения в Хунани, разрешение вести в армии гоминьдановскую пропаганду, исполнение приказов национально-революционного правительства. Однако переговоры долго стояли на мертвой точке из-за противодействия Тань Янь-кая, который не хотел уступать сопернику власть над Хунанью.

Тем не менее весной 1926 г. Тан при содействии населения изгнал дубаня Чжао Хэн-ти из Чанша.

Наконец соглашение с Тан Шэн-чжи было заключено. Он действительно принял программу гоминьдана и ввел в своей армии формально политработу. Последовала помощь Тану со стороны НРА деньгами и патронами, но она вскоре оказалась недостаточной. Генерал Е Кай-синь, который возглавил военные действия упэйфуистов против Тана, получил поддержку от У Пэй-фу в виде нескольких бригад. Тан оказался в очень тяжелом положении и потерял Чанша.

Северный поход был начат НРА в исключительно трудных условиях: стояла жестокая жара, свирепствовала холера. К этому присоединялось невероятное китайское бездорожье — узкие тропки, бегущие среди рисовых, залитых водой полей.

Официально поход начался 9 июля, однако еще

20 мая авангард 7-го корпуса перешел границы Хунани. 4-й корпус получил директиву о выступлении 11 июня, а последний пункт железной дороги Шаогуань он прошел 3 июля.

12 июня Л. М. Карахан сообщал в Москву: «Если действительно в течение ближайшей недели Чанша и вся провинция к северу от Чанша будет занята кантонскими войсками в союзе с Тан Шэн-чжи, то это даст чрезвычайно большие результаты и здесь, на Севере, это будет новым тяжелым ударом по У Пэй-фу, который может свести его совершенно на нет».

9—10 июля соединения 4-го корпуса в районе Лилин—Чжучжоу при активной поддержке местного населения разгромили крупные силы противника. Было взято 5 тыс. винтовок, 18 орудий, 64 пулемета, 5 тяжелых пулеметов — трофеи по тому времени немалые. Одержав победу, 4-й корпус сосредоточился в Лилине. Несмотря на большой успех, советник 4-го корпуса Никитин (Горев) сумел самокритично оценить и слабые стороны операции: не было организовано преследование отходивших милитаристов, были переоценены их силы,— считалось, что в Лилине имеется солидный резерв. Как всегда, отсутствовала серьезная разведка.

Огромную роль в боях сыграл коммунистический полк Е Тина, именно он взял ночным штурмом Чжучжоу, после чего Е Тин внезапным ударом с запада захватил Лилин.

Первоначально была предпринята попытка задержать наступление на Чанша. Многие из руководителей НРА опасались, что, захватив Чанша, Тан Шэн-чжи станет полновластным хозяином Хунани. Однако в провинции сложилась весьма благоприятная обстановка, так как гуйчжоусцы, решившие перейти на сторону НРА и ставшие в дальнейшем ее 9-м и 10-м корпусами, угрожали нанести удар по милитаристам в западной Хунани.

11 июля Е Кай-синь покинул Чанша, и через два дня в столицу провинции вступил Тан Шэн-чжи, он продвинулся без задержки еще на 30 километров и... послал делегата в Ханькоу к У Пэй-фу с сообщением о том, что в Хубэй он идти не намерен.

Обосновавшись в Чанша, Тан почувствовал, что теперь можно проявить характер. Хотя он организовал

хунаньское провинциальное правительство по типу кантонского, однако на все посты он распределил своих сторонников. Лишь начальником комиссариата народного просвещения и управления перевозок он назначил сторонника Тань Янь-кая Чжоу Ао-шаня, да и того тут же услал в западную Хунань в качестве «уполномоченного по ликвидации последствий военных действий».

Тан Шэн-чжи постарался заручиться поддержкой советских советников, для этого он через гоминьдановцев внес предложение послать коммунистов в Россию учиться руководить рабоче-крестьянским движением, делал в беседах с нашими товарищами неоднократные намеки о заключении договора на поставки оружия, даже просил о свидании с Чэнь Ду-сю.

Взятие Чанша способствовало дальнейшему разложению армии милитаристов. Генерал Чэнь Цзя-мо затеял переговоры с делегатом Кантона о том, чтобы НРА не шла в Хубэй. Он сообщил, что его подчиненные желают сделать дубанем этой провинции прежнего дуцзюня, который ныне стал советником у Сунь Чуань-фана. В западной Хунани Хэ Яо-цзу и еще один генерал, сдерживавшие развитие крестьянского движения, вынуждены были покинуть Чандэ, причем часть их войск была разоружена южанами. Наконец, после вступления НРА в Чанша к ней присоединился со своими частями Хэ Лун, в дальнейшем ставший одним из видных коммунистических военачальников.

Тан Шэн-чжи считался в ту пору «твердым левым гоминьдановцем», и политика кантонского правительства в общем была направлена на то, чтобы укрепить его положение.

Между тем Тан Шэн-чжи стал набивать себе цену, в то же время он стремился загребать жар чужими руками, избежать сколько-нибудь серьезных потерь в своих войсках. 22 или 23 августа он разглагольствовал на совещании своих командиров: «Мы уже завоевали Хунань, мы завоевали ее без помощи национального правительства, наоборот, мы помогли национальному правительству вывести его армию до границ провинции Хубэй. Сейчас мы не можем дальше драться, мы должны сосредоточить свои части, отдохнуть, а потом посмотрим».

Надо сказать, что такую позицию Тан занял не сра-

зу, а лишь когда увидел, что командование НРА энергично старается не пустить его первым в Ухань. Вначале же он прилагал все возможные усилия, чтобы как можно скорее двинуться на Ухань.

Он командировал адъютанта в Лилин, требуя, чтобы командир 4-го корпуса и его начальник штаба отправились в Чанша на совещание. Там произошла схватка между 8-м корпусом Тана и 4-м корпусом по вопросу о темпах дальнейшего наступления.

Можно сказать, что в течение месяца от взятия Чанша и до начала борьбы за Ухань дело сводилось к тому, что представители 4-го корпуса один за другим ездили в Чанша, чтобы сорвать очередное наступление.

Тан прибегал и к «недозволенным приемам» (характерным для политического интриганства милитаристов вообще). Он послал телеграмму командованию 4-го корпуса о том, что надо двигаться на Север, так как этого требуют все командиры дивизий, в том числе и в 4-м корпусе, и одновременно разослал комдивам соответствующие приказы об атаке Пинцзяна. В ответ он получил резкую телеграмму о том, что не имеет права командовать дивизиями «чужого» корпуса.

Оттягивая время наступления, командир 4-го корпуса руководствовался указаниями национально-революционного правительства, главкома и руководителей наших советников. Нельзя было двигаться на Север, не обеспечив фланг и тыл войск западного направления. А это можно было сделать только с подходом 2-го, 3-го и 6-го корпусов НРА. Успех операции без подхода главных сил НРА окончательно вскружил бы голову Тан Шэн-чжи: с ним не было бы сладу.

Тогда и некоторые наши товарищи считали, что форсированное продвижение на Янцзы не в интересах революции, что, став хозяином в Ухани, Тан может вновь обратиться в обыкновенного милитариста и т. д. Л. М. Карахан также полагал, что по занятии Иочжоу надо остановиться, подтянуть в Чанша все войска, укрепить их, в Хубэй не идти, а попытаться осуществить его бескровный захват, для этого необходимо раскалывать местных милитаристов, добиваться соглашения с Сунь Чуань-фаном и Ян Сэнем.

К 19 августа корпуса западного направления: 4-й (9 тыс. солдат), 7-й (10 тыс.), 8-й (13 тыс.), вышли на

южный берег реки Мило (Мишуй) (см. карту 6). К югу от 4-го корпуса двигался 6-й (8 тыс.). 1-я и 2-я дивизии Чан Кай-ши находились в Чанша в резерве главкома, 9-й и 10-й корпуса располагались в районе Чандэ—Ланьчжоу.

Корпуса центрального направления сосредоточились так: 2-й корпус — в Лилине, а 3-й корпус — в Сычжэне.

Против войск западного направления находились бывшие части Е Кай-синя, уже потрепанные в боях за Чанша, и две бригады хубэйцев. Всего — 25—30 тыс. человек. В Иочжоу У Пэй-фу сосредоточил 14 канонерок из своего речного флота.

15 августа Чан Кай-ши в сопровождении главного советника В. К. Блюхера прибыл в Чанша, на следующий день состоялось совещание с высшим комсоставом НРА, а 18 августа была дана директива о наступлении на Ухань.

Операция была разработана Василием Константиновичем. Она предусматривала два этапа в военных действиях НРА. На первом этапе необходимо было организовать наступление правым флангом, с тем чтоб отрезать противнику отход на Север, прижать его к озеру и разоружить; на втором этапе во встречных боях разгромить подходящие резервы У Пэй-фу.

Для этого было приказано 4-му корпусу, разбив милитаристов в районе Пинцзяна, форсированным маршем перерезать железнодорожную магистраль у Динсыцяо. 7-й корпус должен был наступать в северо-западном направлении, отрезать врагу отход на Север, прижать его к озеру и совместно с 8-м корпусом разоружить. В начале операции 8-му корпусу ставилась задача: сковать противника, помочь заходу к озеру 7-му корпусу и после разгрома противника двигаться на Иочжоу. 6-му корпусу предписывалось, продвигаясь уступом за 4-м корпусом, обеспечить фланг и тыл войск западного направления, а в случае перехода войск Сунь Чуаньфана в наступление, быть готовым усилить наступление 4-го корпуса.

9-му и 10-му корпусам было приказано прикрыть северо-западную Хунань. 2-й и 3-й корпуса обеспечивали тыл войск западного направления и предохраняли север Гуандуна от возможного вторжения войск Сунь Чуань-фана. Подступы к Уханю затруднялись к северу

от Динсыцяо и Сяннина озерно-болотистой местностью. Лучший подход был только по железной дороге.

Общий план В. К. Блюхера сочетал в себе чисто военное искусство с весьма трезвым учетом политических моментов. На ключевую позицию — к Динсыцяо должен был выйти именно 4-й корпус, считавшийся тогда основной опорой кантонского национального правительства, не связанный тесно ни с «баодинской кликой», ни с Чан Кай-ши. Не удивительно, что «баодинцы» при обсуждении плана не выражали никаких восторгов, они хотели сами первыми выскочить вперед на железную дорогу в Динсыцяо, чтобы по ней заполучить наилучшее направление наступления на Ухань между озерами. Для этого они предлагали 4-й корпус отодвинуть к востоку, освободив место для 7-го корпуса. Когда же столкнулись с твердостью командования, то формально согласились, а в процессе операции, как мы увидим позже, пытались все сделать по-своему.

Основные силы «баодинцев» к этому времени очень разбухли. 8-й корпус в ходе боев за Чанша и после захвата города резко увеличился за счет пленных. В нем было теперь 28 полков, т. е. 10 дивизий. То же самое можно сказать и о 7-м гуансийском корпусе Ли Цзунжэня.

4-й корпус тоже имел сложный состав: в нем были 10-я дивизия Чэнь Мин-шу, комсостав которой состоял из «баодинцев», и 12-я дивизия Чжан Фа-куя, державшегося тогда поближе к «левым» гоминьдановцам. Что касается 2-го, 3-го и 6-го корпусов, то они вообще-то были настроены против Тана, видя в нем крепнущего соперника, но не питали особых симпатий и к главкому, так как он сильно урезал им финансовую поддержку.

Город Пинцзян был чрезвычайно важным опорным пунктом У Пэй-фу, плацдармом за рекой Мило, его защищали 4—6 тыс. вражеских солдат. Обстановка требовала от 4-го корпуса быстро овладеть Пинцзяном и проскочить горные перевалы на границе провинции Хубэй до подхода войск У Пэй-фу.

Операция была разработана советником 4-го корпуса Горевым. Идея ее заключалась в том, чтобы 19 августа атаковать Пинцзян правым флангом корпуса, нанося главный удар 10-й дивизией. Отдельный

полк Е Тина должен был сковать противника на плацдарме южнее реки Мило.

10-я дивизия более трех часов провозилась с двумя батальонами милитаристов, оборонявших северный берег Мило. Между тем полк Е Тина четко выполнил свою задачу — крепко сковал врага (на усиление полку подбросили два батальона). После этого Е Тин оставил небольшую часть против плацдарма противника, а главными силами переправился через реку восточнее Пинцзяна и, обойдя город с севера, вышел в район Таньшань. Совместно с подошедшими частями 10-й дивизии и с 36-м полком, обошедшим Пинцзян с запада, они окружили противника и взяли в плен более 6 тыс. солдат. Успех на реке Мило был достигнут благодаря искусству маневрирования и инициативе командира 12-й дивизии Чжан Фа-куя и командира полка Е Тина.

Продолжая наступление, 4-й корпус встретил отчаянное сопротивление. В это время 7-й корпус вместо того, чтобы наступать на северо-запад, медленно пробирался на север по бездорожью через отроги гор Цзючуаньшань, желая ранее 4-го корпуса овладеть Динсыцяо. В Цзянси Сунь Чуань-фан затеял подозрительные передвижения войск, поэтому 6-й корпус также был отвлечен этим маневром и не мог оказать поддержки. 26 августа 4-й корпус бился под Динсыцяо в одиночестве.

Многократные штыковые атаки привели к тяжелым потерям. Например, в одном из батальонов 12-й дивизии выбыло из строя 50% состава. Однако и триумф был великолепен. У Динсыцяо сражалось 10—11 тыс. вражеских солдат (9—11 полков), а сумела отойти, и то в дезорганизованном состоянии, лишь треть их. Разбежалось либо потонуло в озере более 2 тыс. солдат. 4-й корпус захватил 4 тыс. винтовок и другие трофеи. Два полка НРА (в том числе отдельный Е Тина), преследуя войска У, овладели городом Сяннин.

В руководстве боем несомненно выдающуюся роль сыграл Горев. В своем докладе он сообщал: «Сначала противник отходил в порядке от рубежа к рубежу, но когда обозначился удар отдельного полка, отход превратился в бегство. Отдельный полк к 8 часам вышел на железную дорогу, и все, что не успело убежать, осталось нам». Горев отметил и слабости операции,

обычные, впрочем, в тамошних условиях — полное отсутствие связи и невозможность из-за этого постоянного управления войсками.

Между корпусами происходило своеобразное соревнование за то, кто первым будет в Ухани. Из-за этого 7-й и 8-й корпуса принесли скорее вред, чем пользу. «Баодинцы» лезли из кожи вон, чтобы выйти ранее других на железную дорогу у Динсыцяо. 7-й корпус поэтому вместо строгого соблюдения намеченного маршрута свернул на полосу наступления 4-го корпуса. Это произошло ночью, и только чудом не возник братоубийственный бой. 8-й корпус должен был сковать врага, а вместо этого из желания первым достичь того же Динсыцяо преждевременно перешел в наступление. Вместо окружения получилось выталкивание противника из подготовленного для него мешка.

В итоге У Пэй-фу дал 4-му корпусу жестокий бой у Динсыцяо. Находившийся вблизи полк 8-го корпуса не выполнил приказов командования 4-го корпуса, зато после одержанной победы ранее всех кинулся подбирать трофейные винтовки. В 4-м корпусе было принято решение: в том случае, если этот полк откажется повиноваться в захваченном городке Сяннине, разоружить его. Лишь после овладения Сяннином к 4-му корпусу подошли остальные части: 7-й корпус, некоторые войска 8-го и 2-я дивизия Чан Кай-ши.

22 августа 4-й корпус, преследуя разрозненные части противника, овладел городом Тунчэн, расположенным уже на хубэйской территории. По занятии Иочжоу 2-я дивизия 8-го корпуса при полной пассивности упомянутых выше канонерок У Пэй-фу форсировала великую китайскую реку Янцзы у Цзинькоу и двинулась далее, стремясь чуть севернее Ханькоу перерезать железную дорогу, связывающую этот город с Пекином.

Между тем Чжан Цзо-линь на Севере совершенно неожиданно нанес народным армиям Фэн Юй-сяна тяжелейшее поражение, овладев Наньkoуским укрепленным горным проходом. У Пэй-фу, воспользовавшись этим, решил преградить НРА путь к Уханю и прибыл на фронт в район Хэшэнцяо.

Отрезок Сяннин—Учан (один из городов трехградия Ухань) был наиболее выгодным для обороняющихся на всем пути из Чанша. Дорога проходила здесь между

озер по коридору шириной от одного до пяти километров, причем самое узкое место находилось вблизи Учана, вдобавок озеро настолько разлилось, что в него свободно могли заходить канонерки У Пэй-фу.

Несогласованность действий корпусов НРА позволила милитаристам после поражения привести свои части в порядок и закрепиться на великолепнейшей позиции. Первоначально У Пэй-фу здесь сосредоточил три полка и смешанную бригаду, но ожидалось прибытие резервов.

Все это очень ободрило врага. 29 августа командование НРА получило даже дотоле неслыханные сведения о том, что один из полков У Пэй-фу перешел в контратаку, — это был первый случай наступательной инициативы милитаристов.

На совещании офицеров в Сяннине был выработан план операции. Было решено, что 4-й корпус будет прорываться вдоль линии железной дороги. 7-й корпус двинется справа от него, причем одна из его дивизий предпримет обходный маневр на Учан-уездный, чтобы выйти к крепости Учан с востока. 4-й корпус получил в подкрепление 2-ю дивизию Чан Кай-ши и две советские пушки. Таким образом, задача окружения разгромленных упэйфуистов ложилась на 7-й корпус, наносивший удар во фланг врага. 9-му и 10-му корпусам было приказано наступать на Шаши (см. карту 4).

Под руководством советского советника был разработан маневр по прорыву укреплений у Хэшэнцяо перекатами. Три дивизии 4-го корпуса шли в бой друг за другом. Авангардная преследовала противника, пока не устанет, затем сквозь ее позиции проходила вперед следующая и продолжала бой и т. д. Артиллерия была сведена в ударный кулак во главе с начальником штаба корпуса и придана авангарду.

29 августа один из полков 12-й дивизии (35-й) укрепился ночью на другом берегу болотистой равнины и обеспечил тем исходный плацдарм для наступления, несмотря на отличные фланкирующие позиции противника. Бой шел всю ночь, и полк понес значительные потери.

30 августа в 5 часов ночи вступила в сражение вся 12-я дивизия. Решающий прорыв вдоль железной дороги осуществили отдельный полк Е Тина и один из полков 10-й дивизии, брошенный бегом ему в помощь. К десяти

утра была уже прорвана вся полоса укреплений, состоявшая из трех линий с несколькими рядами окопов на каждой и имевшая трехкилометровую глубину.

12-я дивизия, вынесшая на себе всю основную тяжесть боя и имевшая большие потери (до 500 человек), продвинулась до Хэшэнцяо. Преследование осуществлялось 10-й дивизией, при которой находился советник Политуправления НРА Теруни, она не встретила ожидавшегося сопротивления, но действовала вяло. 7-й корпус пришел к Хэшэнцяо только через сутки после основных сил 4-го корпуса и своей задачи по окружению противника не выполнил.

Согласно оценке Горева, основной слабостью операции явилось опять-таки отсутствие настоящей разведки. Как раз по этой причине 35-й полк 12-й дивизии неожиданно оказался в крайне невыгодном положении. Что касается войск У Пэй-фу, то они все время упорно оборонялись, видимо сознавая, что, пропустив НРА за столь выгодный рубеж, они неизбежно потеряют провинцию Хубэй с Трехградьем.

Была применена такая новинка: враг подгонял по линии паровозы прямо к полю боя и вел огонь с установленных на них пулеметов. Разгневанный маршал У Пэй-фу собственноручно отрубил головы нескольким своим офицерам, но не смог спасти положения. Он и сам едва успел удрать на личном поезде лишь за полчаса до подхода НРА, подавив паровозом бесчисленное количество отступающих солдат собственной армии.

Из приказов, обнаруженных в захваченных штабах, было видно, что враг рассчитывал продержаться в озерном коридоре долго, пока не подойдут резервы. Об этом же свидетельствовало и огромное количество трофейного оружия и особенно продовольственных запасов, по величине которых можно было составить представление о количестве войск, долженствовавших стать подкреплением для защитников Хэшэнцяо.

После великолепной победы под Хэшэнцяо части НРА, как это с несомненностью выяснилось позже, вполне могли с ходу овладеть Учаном. Ночью 31 августа, когда 4-й корпус находился в Цзыфыне, был отдан приказ: 10-й дивизии ворваться в Учан на плечах бегущего в панике противника. 12-я дивизия между тем задержалась из-за темноты и отвратительной погоды.

Командир 10-й дивизии Чэнь Мин-шу не выполнил своей задачи. Боясь оправданного риска, он отошел вопреки категорическому протесту советника Теруни. Позже мы узнали, что противник был столь уверен в несомненности падения Учана, что ночью даже вывел свои войска из города, а затем ввел их заново.

К утру подошла 12-я дивизия, а следом за ней и 2-я, но было уже поздно. Растерянность и нерасторопность командира 10-й дивизии стоили НРА 40 дней стоянки в осаде у стен Учана и не менее 1300—1500 жертв.

Как только подтянулись остальные соединения, решено было штурмовать крепость. План был выработан следующий: главный удар наносила с Востока 10-я дивизия. 7-й корпус и 2-я дивизия выполняли относительно второстепенную задачу — оттягивая силы врага на себя, они должны были начать наступление за полчаса до основной атаки. Вся артиллерия была подчинена 10-й дивизии, а 12-я — находилась в Наньху и озерном проходе в резерве.

На учанские стены должны были первыми вскарабкаться добровольцы (их набирали из 10-й и 12-й дивизий) с маузерами и гранатами. Командование обещало им по 100 долларов, кроме того, соединению, которое первым ворвалось бы в Учан, предназначались 30 тыс. долларов. Чан Кай-ши предложил было ввести расстрел для отступающих, но это было решительно отклонено.

Как только подошел 7-й корпус, начальник его оперативного отдела и советник И. Мамаев направились для рекогносцировки на свой будущий участок на левом фланге. 7-му корпусу было поручено изготовление лестниц для штурмового отряда.

Под Учаном, в сущности, в большем масштабе повторились все те ошибки, которые допустила НРА при взятии Вэйчжоу во втором Восточном походе. Добровольцам для поднятия их духа пришлось выслушать в Наньху истерическую речь Чан Кай-ши, а потом тащиться 5—6 километров пешком на исходный рубеж. Лестницы вместо 18.00 по приказу были доставлены лишь к 24 часам. Чэнь Мин-шу отложил штурм на час, а фактически он был начат через два часа после назначенного времени. В итоге лучшие бойцы-смельчаки, придвинувшись на 15—20 шагов к стене, бессмысленно

топтались близ нее, а милитаристы обстреливали их из-за укрытий. 7-й корпус атаки не развил: «не смог перейти речку». НРА потеряла 200—250 человек.

Утром на позиции прибыли Тан Шэн-чжи, Чан Кай-ши, В. К. Блюхер. Вечером 3 сентября на совещании офицеров Блюхер подробно проанализировал причины неудач: штурм не был технически подготовлен, начался после рассвета, между отдельными командирами не были увязаны сроки тех или иных этапов операции, ход подбрасывания резервов. Не было артиллерийского огня.

Чан предложил начать новую атаку 4-го днем, однако по размышлении ее перенесли на 5-е. Штурмовать должна была НРА одновременно по всему фронту. Левой группой командовал Ли Цзун-жэнь, а правой — заместитель командира 4-го корпуса. Тан был главнокомандующим. Чан вечером накануне боя побывал в 10-й и 12-й дивизиях — очередной повод для разыгрывания из себя Наполеона.

Левое крыло атаковало двумя полками при поддержке трех пушек, а правое — шестью с восемью пушками. Со стороны восточной стены вел штурм вместе с 36-м полком прославленный отдельный полк Е Тина. 8-й корпус принял участие в бою лишь в самом его конце и то не основной своей дивизией.

Наши советские люди под Учаном сражались, как и всегда, самозабвенно. Рядом с Теруни был убит его переводчик Новиков, противник пристрелил под ним двух лошадей, но горячий наш товарищ рвался по-прежнему на самые опасные места. Летчики кружились над стенами на бреющем полете, внося панику в ряды осажденных. Особенно отличался Саша Кравцов (Сергеев в то время готовил аэродромы и базы для военных действий в провинции Цзянси).

Тем не менее два очередных штурма 5 и 9 сентября были тактически подготовлены недостаточно, не обеспечены надлежащей организацией связи и захлебнулись. И. Мамаев объяснял причины неудач так: «Учан был достаточно солидной крепостью — стены имели высоту до 4 саженей при 2—3 саженях ширины, они сложены были из камня и кирпича. Дома у стены с наружной стороны, затруднявшие оборону, после первого штурма были выжжены. Стены невозможно было разбить при

отсутствии осадных орудий. НРА располагала под Учаном только десятью полевыми трехдюймовыми трофейными пушками». Между тем милитаристы сняли артиллерию с канонерок, усилив этим оборону крепости.

НРА, когда ее натиск был отбит, вынуждена была перейти к длительной планомерной осаде. 7 сентября 2-я дивизия и хубэйская дивизия из 8-го корпуса, не встретив сопротивления, захватили Ханьян, а через несколько дней и Ханькоу. Там перешел на сторону НРА генерал Лю, из войск которого был создан 13-й корпус. Что же касается Учана, то теперь его можно было взять блокадой, перехватом всех путей снабжения, взорвав стены путем подкопа.

Командование недооценивало силы У Пэй-фу в Учане: считалось, что там осаждено 6 тыс., а по взятии выяснилось, что более 12 тыс. (это ярко иллюстрирует убожество разведки!). Инженерная подготовка штурма велась с серьезными недостатками.

Для экономии сил и обеспечения мобильности осаждающим дана была установка — держать на линии фронта наименьшее число частей. По мере общего расширения масштабов операций НРА уменьшалось количество войск, выделенных для овладения Учаном. 11 сентября был брошен в Цзянси 7-й корпус, а 17 сентября и 2-я дивизия, а 4-му корпусу была придана одна из дивизий 8-го.

Командование под Учаном рассчитывало более не на военный успех, а на традиционную милитаристскую дипломатию, основанную на всеобщей продажности войск реакции. С 19 сентября переговоры об условиях измены и сдачи велись порознь всеми частями. Посредниками служили иностранцы, удравшие из Учана в Ханькоу.

Несколько раз отдельные офицеры достигали договоренности с тем или иным полком заблокированных. Важную роль играли связи свежеиспеченного командира 13-го корпуса с начальником учанского гарнизона. В крепости меж тем начался страшный голод, временами происходили перестрелки.

Одно время в ходе осады для обложивших крепость возникла серьезная угроза. 7-й корпус, уходя от Учана, не уничтожил по пути группировку милитаристов, обосновавшуюся в горном районе Дае. Сунь Чуань-фан,

когда он вступил в борьбу с НРА, воспользовался этим и подбросил туда подкрепление. 4—5 тыс. двинулись снимать блокаду с Учана. Они могли даже в принципе перерезать в Синнине коммуникации, связывающие НРА с Хунанью.

Тан Шэн-чжи стремился в своих собственных корыстных карьеристских целях до дна использовать сложившуюся кратковременную ситуацию, он надеялся сосредоточить в своих руках полностью контроль над Уханем. С ведома нового начальника штаба Чан Кайши генерала Бай Чун-си, гуансийца, и, следовательно, сторонника «баодинской клики», он приказал, чтобы 8-й корпус сменил 4-й, тогда последний, устранив угрозу из Дае, ушел бы в Цзянси. 12-я дивизия 4-го корпуса была уже сменена, но разгневанный Чан Кай-ши, желавший иметь в Ухани какой-то противовес Тану, объявил последнему выговор и отменил перегруппировку. Тан пробовал настаивать, но тщетно: 12-я дивизия была возвращена.

А под Учаном тем временем командование достигло «взаимопонимания» с одним из командиров полка 3-й хунаньской дивизии, которому был обещан за предательство чин комбрига. Враг должен был 10 октября открыть южные ворота, однако это обязательство не было выполнено, видимо оттого, что проем был крепко забаррикадирован, как это было принято в Китае. Тем не менее защитники этого участка стены позволили ввести один из полков 4-го корпуса в Учан по лестницам, за ним пошли другие подразделения — как по установленным лестницам через стены, так и в открытые ворота крепости.

Внутри 4-й и 8-й корпуса встретили довольно упорное сопротивление. 4-й корпус действовал очень энергично, гораздо активнее своего соседа и даже выполнил часть его задачи.

Так пала сильнейшая из крепостей Центрального Китая. НРА взяла огромные трофеи: 10—11 тыс. винтовок, 30—40 пулеметов, 10—20 орудий. 75—80% захваченного досталось 4-му корпусу. Точно количество трофеев определить тогда было невозможно, ибо все офицеры стремились из понятных соображений умолчать о взятых боеприпасах и вооружении либо преуменьшить их число.

Под Учаном значительную роль сыграли наши советники. О личном их участии в бою говорилось, но они осуществляли и существенную долю оперативного руководства. Так, во время второго штурма Учана при 10-й дивизии состоял Теруни, при 12-й — Палло, при 2-й — П. Силин (В. М. Акимов).

Триумф на границе Фуцзяни

Расписывать о военных успехах я не любил, о бое 13 марта 1925 г., где решающую роль сыграл полк, при котором я состоял советником, мной была написана наскоро докладная на двух-трех страницах, о форсировании Жемчужной во время разгрома мятежа «бумажных тигров» я сообщил на полутора листках почтовой бумаги. А о замечательных достижениях войск восточного направления в Северном походе я впервые подробно пишу только теперь, спустя сорок лет после событий. Впрочем, несколько десятилетий дают возможность подвергнуть военные действия более объективной оценке, понять значение каждого боя.

Я имею в виду полный разгром наступления противника 1-м корпусом на границе Фуцзяни и Гуандуна в середине октября 1926 г.

Когда наши товарищи получали назначение в связи с Северным походом, В. К. Блюхер определил меня на должность советника восточного направления. Каюсь, я не смог сразу осознать, какое исключительное доверие мне оказано. Полное понимание сложности поручения пришло ко мне значительно позже. В самом деле: в то время восточная часть провинции Гуандун давала не менее трети всего бюджета национально-революционного правительства.

В самом Кантоне оставался лишь 5-й корпус, обладавший весьма скверной репутацией. Его части были разбросаны на всем пространстве от города до дельты. Имелась еще только что сформированная 13-я дивизия Ли Цзи-шэня. Наиболее вероятной угрозой было выдвижение врага из провинции Фуцзянь. Получалось, что с двумя дивизиями и отдельным полком нам пред-

стояло прикрыть основную революционную базу. Мало того, действовать мне приходилось самостоятельно. Главный советник и другие наиболее опытные товарищи находились от меня за тысячу километров.

Но, повторяю, я всего этого не понимал и назойливо просил направить меня вместе со всеми на Север в качестве советника какого-либо из корпусов.

Еще возвращаясь с описанного выше памятного прощального вечера, я атаковал Василия Константиновича:

— Возьмите меня в Хунань, пригожусь.

— Ты не прав, — сказал Блюхер.

— Позвольте, товарищ начальник, — не унимался я, переходя на официальный тон и стараясь привести все мыслимые аргументы.

— И снова вы не правы, — в свою очередь официальным тоном заявил В. К. Блюхер, переходя на «вы».

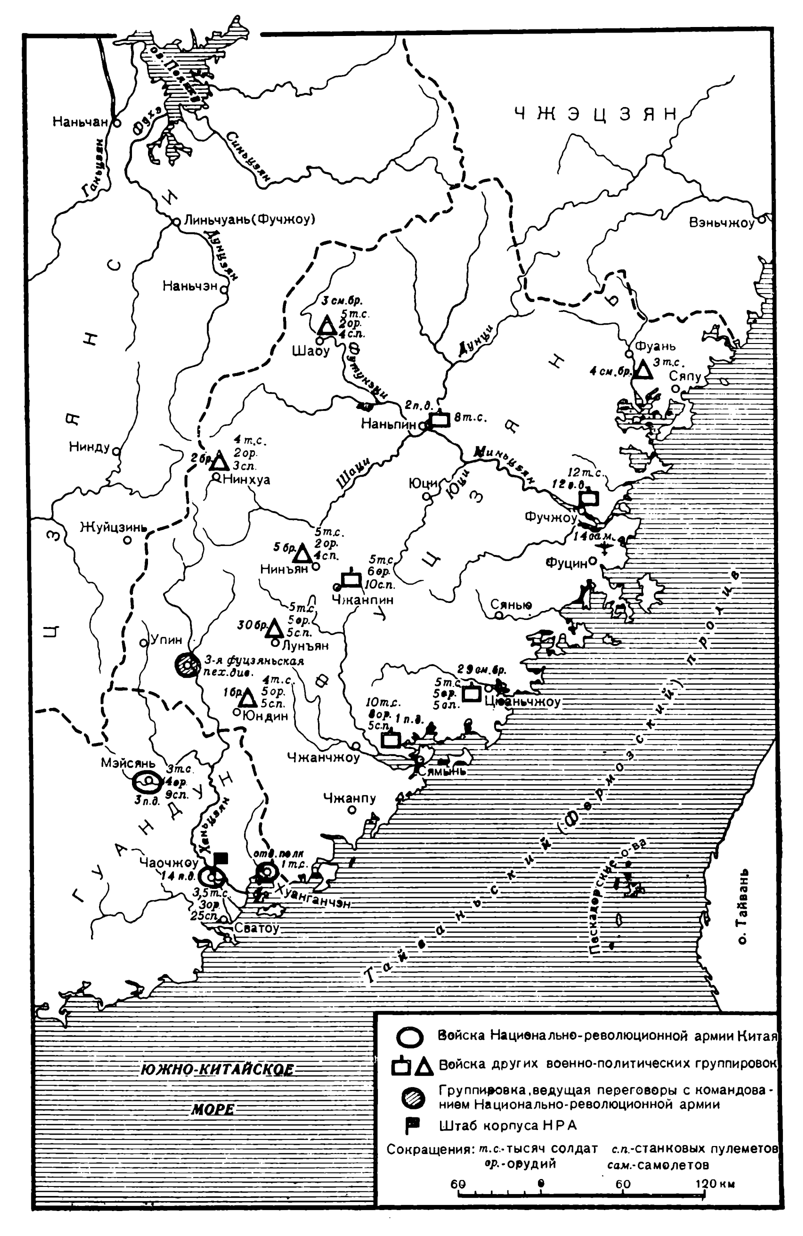
Еще привожу довод, на который получаю категорическое:

— И опять не правы. Об этом больше говорить не будем. В Кантоне вы остаетесь за меня. В случае осложнений на востоке немедленно направляйтесь в Шаньтоу, — и добавил более мягко, отечески: — Не капризничай. Только бы здесь бои не начались раньше, чем нужно.

Вскоре мои товарищи один за другим стали уезжать на Север. Меня охватило несвойственное мне вообще чувство одиночества и растерянности (нечто подобное я испытал в недоброй памяти 1937—1938 гг.).

Некоторое время оставались еще в Кантоне наши герои-летчики. Они были озабочены тяжелейшими условиями, в которых предстояло им включаться в военные действия. Метеорологических данных не было, не имели они и сведений о компасном отклонении, не располагали временем, чтобы натренироваться в полетах по наземным ориентирам. Между тем командование прислало несколько категорических телеграмм с требованием немедленного вылета. Когда я уже уехал на Восточный фронт, находившиеся в Кантоне советники сообщили мне о вынужденной посадке летчиков при их первой попытке прибыть к месту назначения.

А с востока на Кантон надвигалась угроза: в Фуцзяни были сформированы две новые дивизии, происходило передвижение войск на юг провинции. В августе

Карта 4. Военная обстановка на границе Фуцзяни и Гуандуна перед операцией НРА

началась перегруппировка сил противника на границе с Гуандуном. Получив ряд тревожных телеграмм от Хэ Ин-циня, я доложил о них Бородину. Михаил Маркович сказал мне: «Приходит, по-видимому, и ваше время вступить в войну».

И я отправился морем в 1-й корпус. Сопровождали меня коммунисты: хунанец Фу Та-чэн (Федоров) в качестве переводчика и кореец из СССР Пак, который вел документацию. Фу был моим старым, испытанным другом, вместе мы громили юньнаньских и гуансийских мятежников и вместе участвовали во втором Восточном походе. Фу побывал на учебе в Москве.

Уже в Сватоу мы могли убедиться в том, как нетерпеливо нас ждали. На пристани встретил меня начальник штаба 1-го корпуса, он торопливо усадил всех в машины, и мы прямиком поехали на вокзал, где был подготовлен специальный поезд из двух вагонов.

В Чаочжоу на перроне находился сам Хэ Ин-цинь. Наскоро поздоровавшись, он доставил меня в приготовленные комнаты. На столе были разложены карты с нанесенной на них обстановкой. «Мои уроки не пропали даром», — отметил я в уме. Хэ явно торопился получить мое суждение о положении дел на фронте. Между тем следовало все прикинуть, поэтому я сделал вид, что крайне увлечен открывавшимся из окон действительно чудесным видом на озеро и горы. Я прекрасно знал, что меня ожидает. Хэ возложит на мои плечи целиком оперативную и учебную работу, а сам, по существу, займется снабжением (с этим делом он справлялся образцово). Видя мое настроение, Хэ вынужден был уступить. «Чифань», — произнес он, приглашая к богато убранному столу.

По приезде я с головой ушел в изучение обстановки (см. карту 4). Мы располагали двумя дивизиями — 14-й и 3-й, а также отдельным полком. С 14-й дивизией я был отлично знаком. Это, по существу, была 1-я дивизия Вампу. Чан Кай-ши только изъял из нее 2-й полк, заменив его лучшим полком известной читателю Саньшуйской группы времен второго Восточного похода (этой части был дан 42-й номер). Первый же полк, с которым я совершил первый Восточный поход, стал теперь 40-м, 3-й — 43-м.

40-й полк после второго Восточного похода был сильно засорен членами чанкайшистского союза курсантов, однако после 20 марта самых ретивых демагогов забрали с повышением в новые 1-ю, 2-ю и 20-ю дивизии, опору Чан Кай-ши. Боевой же дух был привит этому полку задолго до 20 марта китайскими коммунистами.

Перед началом операции 14-я дивизия была дислоцирована так: 40-й полк — в Чжаоань, 41-й — в Шаньтоу, 42-й — в Мяньху. Всего в ней имелось около 3,5 тыс. винтовок, 25 станковых пулеметов (в том числе 18 русских), к которым было очень мало патронов Артиллерию представляли две японские горные пушки с кустарно переделанными снарядами от полевой пушки «арисака», да еще годная для музейного экспоната горная пушка Круппа с клиновым затвором, из тех, с которыми немцы громили французов в кампанию 1870 г. Во главе дивизии стоял бывший командир Саньшуйской группы Фэн Юй-пэй.

3-я дивизия насчитывала более 3 тыс. винтовок У нее были девять станковых гуандунских пулеметов, не все исправные и с ограниченным количеством патронов, 30 ручных пулеметов и четыре пушки (три — крупповские). Полки размещались так: 8-й — в Мэйсянь. 7-й — в Синнине, 9-й — в Саньхэба.

Дивизия была переформирована из 7-й кантонской бригады, заслужившей ироническое прозвище «кавалерийская». Дело в том, что под Таньшуем и Мяньху в первом Восточном походе она обратилась в паническое бегство и не лучше себя вела во втором походе, уже будучи 3-й дивизией. Однако 8-й полк ее честно заработал хорошую славу во время штурма Вэйчжоу. 7-й полк прежде входил в Саньшуйскую группу. После второго Восточного похода 3-я дивизия была укреплена окончившими Вампу командирами, политработниками-коммунистами, и еще при мне в ней была проведена большая работа по повышению боеспособности.

Что касается отдельного полка Чжан Чжэна (1 тыс. солдат), то он стоял в Хуанганчане, имел скверное вооружение и вообще в боевом отношении был слаб. Суммировав данные о своих войсках, я пришел к весьма неутешительным выводам.

У милитаристов в Чжанчжоу находилась 10-тысяч-

ная 1-я дивизия, хорошо снабженная японскими империалистами, она имела восемь орудий и пятнадцать пулеметов. В Юндине стояла 12-тысячная 12-я дивизия, она ожидала приезда дубаня Чжоу Ин-жэня с отрядом личной охраны в 500 человек.

6 октября он прибыл и отправил большую часть войск (смешанную бригаду) в Фыншэ на границу Гуандуна. Сам же остался в Юндине с 4-тысячной бригадой и с отрядом личной охраны при пяти орудиях.

1-я дивизия начала из Чанчжоу передвигаться к юго-западу. Было ясно, что она намерена захватить богатый район Чаочжоу—Шаньтоу. В Янцяне располагалась 3-я фунцзяньская дивизия Ли Фэн-сяна, который был настроен перейти на сторону НРА, но колебался, ведя соответствующие переговоры с Хэ Ин-цинем.

Таким образом, если даже не принимать во внимание 3-ю дивизию, перевес врага был весьма ощутимым: 22 тыс. при 18 орудиях и 25 пулеметах против 9 тыс. при 7 орудиях и 34 станковых пулеметах. Расположение войск противника и его начавшееся передвижение подсказывали мне, что он собирается повторить удачно проведенную в свое время генералом Чэнь Цзюн-мином операцию: взять в клещи войска, находящиеся в треугольнике, заключенном реками Мэйцзян, Ханьцзян и дорогой Чаочжоу—Мэйсянь.

Вывод, по-моему, мог быть лишь один — бить противника по частям, одновременно обеими дивизиями при самой высокой маневренности. Но с кого начинать, для меня еще не было ясно.

Тем временем представители 3-й дивизии заявили Хэ Ин-циню, что готовы перейти на сторону НРА, как только она разобьет хотя бы одно соединение дубаня Чжоу Ин-жэня. Это еще более стимулировало нас к активному наступлению, однако приказ главкома и В. К. Блюхера запрещал нам открывать военные действия первыми. Мы же рвались в бой, не сознавая, что запрещение Блюхера весьма разумно. Переходя в наступление на Фуцзянь, мы начинали военные действия с Сунь Чуань-фаном, что было для нас крайне невыгодно: У Пэй-фу еще не был разбит, под Учаном затянулась блокада. К тому же существовали большие трения между Чан Кай-ши и Тань Шэн-чжи. Обо всем этом мы не знали.

Размышляя над обстановкой, я сделал твердый вывод. Атаковать 1-ю дивизию в первую очередь было нельзя, так как дубань, наступая из Юндина на юг, зашел бы к нам в тыл и мог перебросить по реке из Сункоусюй смешанную бригаду.

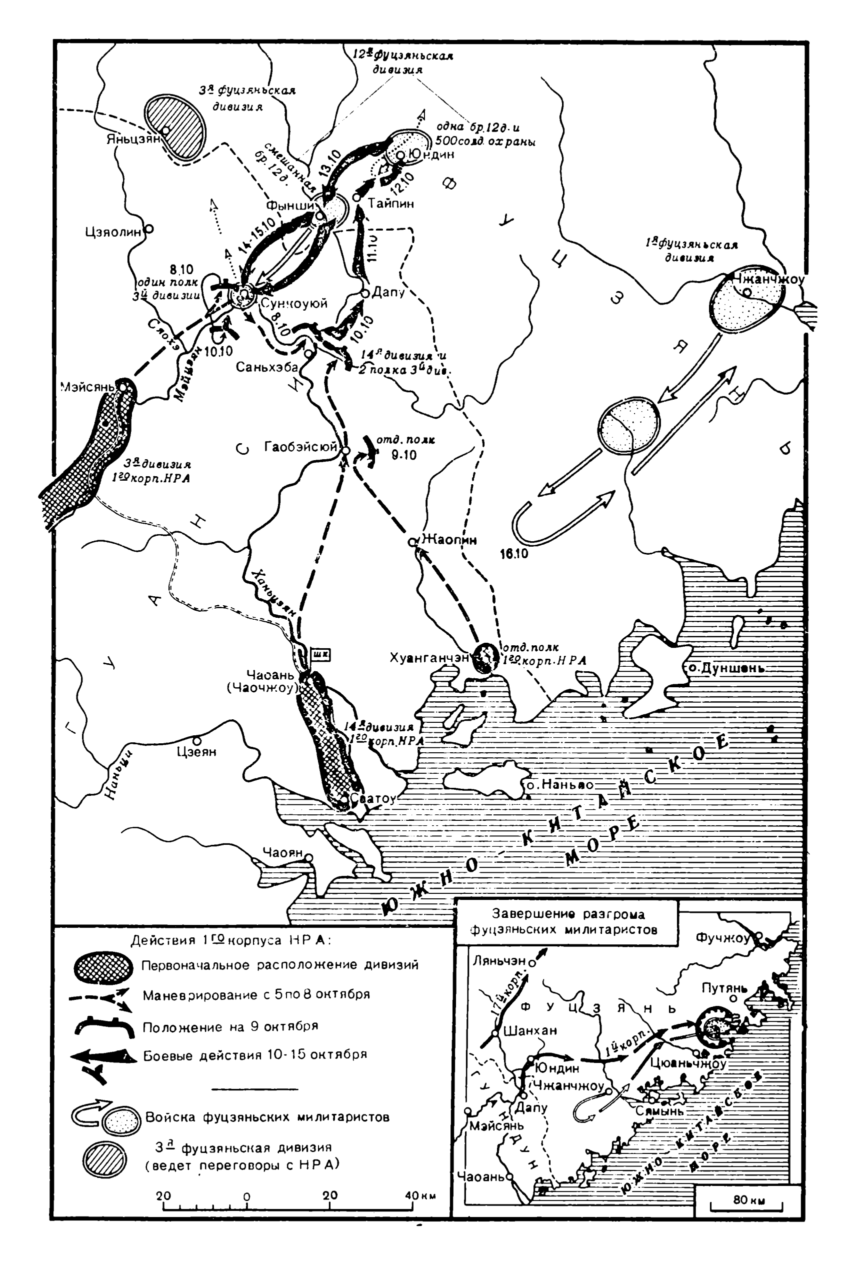
Начинать бить смешанную бригаду, если она перейдет в наступление на Сункоусюй, также невыгодно. Между нами и противником — река Мэйцзян, а войска дубаня будут снова висеть над нашим тылом. Трудно было угадать, на чьей стороне выступила бы 3-я фуцзяньская дивизия в такой обстановке.

Постепенно вырисовывался единственно возможный план: обрушиться сначала на дубаня, разбить его группу в районе Юндина, после этого ударить с тыла на смешанную бригаду и, разгромив ее, на лодках по рекам Мэй и Хань совершить рывок к 1-й дивизии. За это время она не успеет дойти до Чаочжоу. Враг вряд ли поверит, что мы сами идем к нему в окружение. Но Суворов неспроста учил: «Удивить противника — это значит победить его».

Для успеха операции требовалось почти мгновенно разбить дубаня. Лучше всего было бы, если бы он сам двинулся нам навстречу, в этом случае горные кряжи надежно отрезали бы его от возможной поддержки со стороны смешанной бригады и 1-й дивизии. Да и 1-я дивизия, видя перед собой перспективу занятия Чаочжоу и Шаньтоу, не повернет к дубаню на помощь. В свою очередь дубань не захочет допустить, чтобы командир 1-й дивизии овладел этими городами без него. Поэтому мы были уверены, что дубань перейдет на нас в наступление не по пути смешанной бригады, а двинется на Дапу—Саньхэба.

Для выполнения нашего плана необходимо было так расположить свои дивизии, чтобы они помешали противнику провести намеченный им план, а мы могли за один переход собрать обе дивизии в один кулак. Было решено 14-ю дивизию перевести в Гаобэйсай, 3-ю — в Сункоусюй, а отдельный полк — в Жаопин. Генерал Хэ Ин-цинь согласился с моим планом (см. карту 5).

Дивизии замаршировали к месту нового своего расположения, и мы снова написали командованию просьбу санкционировать нам нападение на фуцзяньцев первыми. Изложить свой план подробно мы, конечно, не мог-

Карта 5. Разгром наступления милитаристов на границе Фуцзяни

ли, хотя бы из соображений секретности. Мы отправили на Север подряд четыре телеграммы да еще специальное послание М. М. Бородину. Последний резонно ответил: «Запросите главкома». А командование молчало. Между тем, по агентурным данным, 8 октября дубань намеревался перейти в наступление. Наконец пришел ответ: «Наступать первыми не разрешаем по политическим соображениям».

Хэ Ин-цинь, как всегда, раскис и стал ныть. Чтобы поднять настроение, мы отправились с ним на охоту. Застрелив в бамбуковых тростниках сову, я сказал генералу: «Это уничтоженный нами дубань!». А убив затем горянку, добавил: «А вот и командир смешанной бригады!». И представьте себе, Хэ Ин-цинь повеселел!

Мысленно я «разносил» Блюхера за его отказ, не зная, что в то время как раз шли переговоры с Сунь Чуань-фаном. Позже выяснилось, что Блюхер, получив донесение о нашей перегруппировке, не мог понять ее целей. Уже в 1927 г. в Ханькоу он мне как-то сказал: «Я беспокоился — противник и так вас окружил, а вы еще ему и помогаете, неужели, думаю, я в тебе ошибся, а ты классически разбил превосходящие силы по внутренним операционным линиям, прямо по Жомини!..»

Меж тем противник спокойно занимал позиции, намеченные им для перехода в наступление, а мы продолжали нервничать. Выручил нас, как это ни странно, враг. 8 октября разведка смешанной бригады пересекла границу и тем самым дала нам повод подать этот факт как нарушение мира со стороны врага. Спустя немного времени он перешел и в наступление.

14-я и 3-я дивизии 9 октября были сосредоточены в Саньхэба. Чтобы замаскировать их передвижение, были приняты меры: первую из них должен был имитировать переведенный в Гаобэйсюй отдельный полк, а вторую — один из ее полков, оставленный во главе с заместителем командира дивизии Гу Чжу-туном в Сункоусюй. Ему была поставлена задача — в случае наступления смешанной бригады с боем отойти за реку Мэй и не давать переправиться через нее.

10 октября наши главные силы — пять полков, начав наступление на Юндин, заняли Дапу, а 11 октября были в Тайпине. 12 октября 3-я дивизия, идущая в авангарде к северо-востоку, загнала наступающие войска

дубаня в Юндин. К утру город был взят. Дубань с охраной сумел удрать. 13 октября мы были в Фанши. 14 октября наши войска нанесли неожиданный удар смешанной бригаде, которая, заняв Сункоусюй, готовилась к переправе через реку. Мы прижали ее подковой к реке и разгромили. Командир бригады прорвался с небольшим отрядом, однако вскоре был разоружен 3-й фуцзяньской дивизией, перешедшей на нашу сторону и получившей название 17-го корпуса НРА.

Победа была полной, мы взяли много пленных, 4 тыс. винтовок, 8 тыс. револьверов, 22 пулемета, 9 орудий и т. д. Не было конца ликованию победителей!

Командиры дивизий и полков, осознав, как прошла операция, перепугались. Командир 14-й дивизии Фын Юй-пэй сказал переводчику Федорову: «Скажи советнику, что, может быть, по-русски и хорошо проводить такую рискованную операцию, но по-нашему, по-китайски, это опасно». В адрес Хэ Ин-циня стали поступать сотни приветственных телеграмм, и я охотно предоставил ему купаться в лучах славы. Мне же доставило огромное удовольствие признание успеха со стороны Василия Константиновича. «Искренне, сердечно рад одержанной Вами победе, — телеграфировал он. — Поздравляю с вторичным представлением к ордену Красного Знамени». Должен сказать, что обещанной награды по неизвестным мне причинам я так и не получил. После победы дивизии были посажены на лодки и спустились вниз по реке для разгрома 1-й дивизии врага.

В Саньхэба было получено донесение командира отдельного полка о том, что 1-я дивизия, узнав о разгроме центральной и левофланговой групп, в спешке отходит к Чжанчжоу. Я предложил исчерпать до дна возможности, открывшиеся в связи с растерянностью противника, и организовать параллельное преследование.

Хэ Ин-цинь, который после перехода на сторону НРА 3-й фуцзяньской дивизии, переименованной в корпус, стал командующим 1-й армией, сперва колебался, предлагал подождать зимнее обмундирование из Кантона, но все же внял голосу разума.

Через Юндин наши части быстро двинулись на Север и где-то между Чжанчжоу и Фучжоу прижали 1-ю фуцзяньскую дивизию к морю. Враг выслал было делегатов для торговли об условиях перехода на сторо-

ну НРА, однако, прикинув все «за» и «против», мы предпочли его разоружить. После этого один из командиров фуцзяньской бригады, находившейся в Фучжоу, прислал нам навстречу делегатов с заявлением, что он переходит в НРА. Новый 17-й корпус тем временем продвигался по центру провинции Фуцзянь на Шанхай—Лянчэн—Наньпин. Поговорка «куй железо, пока горячо» нами была принята к руководству и целиком себя оправдала.

Национально-революционная армия на первом этапе Северного похода

Тем временем на Севере военные действия развертывались во все более широких масштабах. НРА освобождала огромную территорию, это сопровождалось приливом в революционный лагерь миллионов людей.

В это ответственное для китайской революции время шла ожесточенная борьба за влияние между Чан Кай-ши и проявившим недюжинную ловкость Тан Шэн-чжи.

Формально Чан Кай-ши находился на гребне волны. 7 июля он был провозглашен главнокомандующим Северного похода... с передачей ему всех функций Военного совета. Его прихвостень Чжан Цзин-цзян добровольно отказался в пользу Чан Кай-ши от своего поста председателя ЦИК гоминьдана. Таким образом, Чан формально сосредоточил в своих руках и военную и гражданскую власть. 27 июля он в сопровождении Блюхера отправился в весьма восторженном состоянии на Север.

Однако уже в пути настроение его резко изменилось. Он узнал о сговоре «баодинцев» во главе с Тан Шэнчжи и запаниковал. У него даже родился такой замысел: направить главные силы в Цзянси, чтобы в большей мере контролировать ход событий. Очутившись в ненадежном положении, Чан Кай-ши вновь стал заигрывать с массами. На многочисленных митингах он горячо распространялся о необходимости рабочего и

крестьянского движения. В какой-то мере Чану удалось усыпить бдительность некоторых руководителей масс и части наших советников.

15 августа 1926 г. Чан, приехав в Чанша, с горечью убедился в сплоченности «баодинцев» и в том, что пребывание его на посту главкома под угрозой. Разумеется, в своих выступлениях он начал высказывать пожелания, чтобы массы несколько поправели, а хунаньское провинциальное правительство — полевело. Чан дал даже согласие на включение в провинциальный комитет гоминьдана при выборах большего числа коммунистов, чем это было предусмотрено решениями майского пленума ЦИК. Такой факт резко контрастировал с поведением Чана в Гуандуне в июне—июле, когда он не допускал коммунистов в гоминьдановские органы даже по узаконенной норме.

Расчеты тех наших товарищей, которые надеялись, что подъем революционного движения в ходе северной экспедиции скажется на политической позиции Чана, таким образом, в некоторой степени оправдались.

В те дни Чан Кай-ши прилагал огромные усилия, чтобы создать себе в армии хоть какую-то более сильную вооруженную опору. В западной Хунани он добивался сближения 1-й дивизии с 9-м корпусом Юань Цзумина. Под Уханем Чан пытался переманить на свою сторону 10-ю дивизию, заигрывал с командованием 2-го, 3-го и 6-го корпусов.

«Левые» гоминьдановцы, в том числе Дэн Янь-да, возглавляющий политуправление, оказывали содействие Чану в его «флирте» с 10-й дивизией. Нельзя не припомнить, что и тогдашний руководитель КПК Чэнь Ду-сю занял ошибочную позицию. Он рассуждал по английской пословице: «Черт есть черт, но старый черт все же лучше, чем новый». Чэнь считал, что Чан Кай-ши стоит к революции ближе, чем Тан Шэн-чжи.

Чан пообещал командиру 10-й дивизии Чэнь Мин-шу, одному из активнейших «баодинцев», пост командира уханьского гарнизона, а командиру 3-го корпуса Чжу Пэй-дэ должность дубаня провинции Цзянси (эту же должность он предложил и Фан Дэн-тяню).

Основная опора Чан Кай-ши в Хунани — 1-я и 2-я дивизии 1-го корпуса — была не в лучшем состоянии. Около трети их состава составляли больные и дезертиры.

Правый гоминьдановец Ван Бо-линь, стародавний приверженец Чана, прибыв в Чэньчжоу (Хунань), созвал конференцию офицеров 1-й и 2-й дивизий. Один из штабных стал откровенно докладывать о дезертирстве в частях, грабежах, опиекурении, взятках и т. д. Ван прервал его: «Разве ты не знаешь, что эти дивизии из Вампу, это все вздор, клевета, распускаемая коммунистической партией». Вскоре он, однако, убедился в печальной истине и доложил Чан Кай-ши.

Как видим, Чан нуждался в моральном укреплении своих войск. Скрепя сердце он восстановил должность комиссаров в ротах, потребовал для этого от Дэн Янь-да людей. Среди прибывших в дивизии политработников было 12 коммунистов.

Несмотря на все эти меры, Чан Кай-ши не удалось серьезно укрепить свое влияние, а ко времени падения Учана он был развенчан как военный деятель. Чан не взял в течение похода ни одного города. Когда же его постигла неудача в первых боях против Сунь Чуань-фаня в Цзянси, положение Чана стало совсем плачевным. Прежде он всерьез рассчитывал на захват контроля над Хубэем. Он даже наметил состав хубэйского правительства во главе с собственной персоной. Теперь же пришлось уступить в центральной части Янцзы и в Ухани первое место Тан Шэн-чжи.

Северный поход открыл перед КПК новые возможности. Китайские коммунисты благодаря их самоотверженности и героизму заслужили в армии надежный авторитет. Однако в полной мере КПК контролировала лишь знаменитый полк Е Тина. Именно он и выступил на Север в авангарде основных сил НРА.

Е Тин ушел из Кантона 19 мая с задачей прикрывать сосредоточение частей, а также правый фланг 8-го корпуса со стороны Цзянси. Полк имел 2 тыс. солдат, среди них было значительное число коммунистов и сочувствующей им революционной молодежи. Вскоре в районе Цзянкоу—Лутянь—Хуаншипу четыре полка упэйфуистов перешли в наступление на части 8-го корпуса. Те не выдержали натиска и побежали. Тан Шэн-чжи послал срочную телеграмму, прося немедленной помощи. Полк Е Тина бросился вперед и 2 июля во встречном бою разгромил неприятеля. Это фактически и было началом Северного похода.

О решающей роли «железного полка» в основных сражениях я уже писал. Наши советники делали все от них зависящее, чтобы укрепить полк Е Тина.

Я хорошо знал Е Тина с 1924 г., когда он не без помощи советских советников был назначен командиром роты к Ли Цзи-шэню. Своим военным талантом Е Тин быстро обратил на себя внимание, и в декабре 1925 г. он уже стал командиром 34-го полка. В Чунцине в 1938—1939 гг. я опять встречал этого высокого, стройного, всегда подтянутого офицера, занимавшего тогда уже ответственный пост командующего 4-й армией, воевавшей против японских империалистов в северо-восточной Цзянси и северо-западном Чжэцзяне.

Все советские люди разделили скорбь китайских коммунистов в связи с безвременной гибелью Е Тина в авиационной катастрофе. Е пророчески писал в одном из своих стихотворений:

Я с нетерпеньем ожидаю день,
когда подземное прорвется пламя,
взметнется праха моего живая тень
и гордо заалеет знамя.
Жизнь новая забьет струей могучей,
о нас история расскажет молодым,
и в пламени огня, в людской крови кипучей
останусь вечно я живым!

КПК приложила значительные усилия для того, чтобы взять под свою эгиду политическую работу во время Северного похода. Была создана комиссия (в нее вошли два коммуниста), которая организовала трехмесячные курсы для подготовки агитаторов.

По отдельным полкам распределялись агитационно-пропагандистские группы, состоявшие из студентов-гоминьдановцев Гуандунского университета, курсантов политического класса Вампу. Центральной организацией групп командовал по совместительству начальник Политического управления левый гоминьдановец Дэн Яньда, советником при нем состоял Таиров (Теруни).

Не случайно наиболее надежными в боевом отношении были именно те корпуса, где особенно интенсивно велась политическая работа, — 4-й и 6-й. В 6-м корпусе комиссаром был один из старейших революционеров, член КПК Линь Цзу-хань (Линь Бо-цюй), его заместителем — коммунист Ли. Бывший советник 6-го корпуса

генерал Н. И. Кончиц оценивает деятельность этих товарищей в следующих словах: «В каждом пункте стоянки политотдел входил в связь с общественными организациями, крестьянскими союзами, местными организациями гоминьдана, устраивались смычки, митинги, на которых кроме политработников часто можно было видеть и слышать выступавших солдат и офицеров».

Советник 4-го корпуса Горев докладывал: «Говоря о 4-м корпусе как о хорошем и боеспособном, нельзя отрицать, что помимо военных данных к этому корпус может считаться не на последнем месте по политработе, а что главное — по результатам этой политработы».

Перед Северным походом начальником политотдела 4-го корпуса по рекомендации Ли Цзи-шэня был назначен некий Мэй. Он имел тесные связи с правыми, но был хитер, расчетлив и понимал полезность агитации, поэтому он приблизил к себе коммуниста, начальника административного отдела и перепоручил ему эти дела. Вместе с тем Мэй мешал полностью развернуться с агитацией. «Работа политотдела корпуса, — писал Горев, — сводилась, конечно, к расклейке листовок на пути следования, устройству митингов и т. п., ни о какой работе по руководству дивизиями и речи быть не могло. Однако эту небольшую работу политотдел корпуса выполнял вполне прилично».

Под Учаном Мэй был заменен коммунистом, начальником политотдела 12-й дивизии. Горев мог теперь констатировать существенное изменение положения дел: «После занятия Учана покор (политотдел корпуса. — *А. Ч.*) ведет работу по связи с массами и партийными комитетами (имеются в виду гоминьдановские. — *А. Ч.*) и по участию в работе местных парторганизаций. Самый лучший в НРА — политотдел 12-й дивизии. Начальник — коммунист. Он шэньсиец, но его все считают своим. Он сумел организовать политработу в 12-й дивизии так, что политработники там считаются членами военной семьи. Подив 12 (политотдел 12-й дивизии. — *А. Ч.*) фактически проделал большую работу как в дивизии по воспитанию бойцов, так и среди населения по созданию разного рода общественных организаций. В 12-й дивизии бойцы не формально, а фактически знали, за что дерутся. Где проходила 12-я дивизия, там массы оставались организованными. Политработники 12-й дивизии на

фронте вели себя так, как полагается политработникам Национально-революционной армии».

В 10-й дивизии дело велось несколько хуже. Начальник политотдела, правый гоминьдановец Ли, завалил работу и был смещен с поста. Вместо него назначили молодого левого гоминьдановца.

Горев обладал определенной политической зоркостью, поэтому представляет интерес его общая оценка усилий политических работников НРА: «Население безусловно нас поддерживает и поддерживает активно в значительной мере благодаря политической работе». Вместе с тем от острого взгляда Горева не укрылись и коренные недостатки в политической работе: «Основного, чего не было в работе политорганов, это — организации. Совершенно отсутствовал план общей с другими частями работы. Из-за этого и получалось, что наш политотдел ведет одну кампанию, и политотдел идущей за нами части — другую. Не было руководства работой сверху, не требовались отчеты о работе и не давалось руководящих указаний. Это нельзя ставить в вину ПУРу, так как оно не имело прав и власти».

Политическая работа при всех ее недостатках сыграла выдающуюся роль в успехах НРА.

Успехи и неудачи основного союзника

С отъездом Фэн Юй-сяна из Китая оживилось реакционное крыло в командовании его соединений, особенно воспрял духом Чжан-дубань. В разговоре с А. Лапиным он откровенно заявил, что считает необходимым замириться со всеми противниками, в том числе и с Чжан Цзо-линем, который-де «тоже борется за спасение государства, но другими методами».

Милитаристские настроения у высшего офицерства Фэна и общее неудовлетворительное состояние его армий привели к серьезнейшему поражению, к потере важнейшего рубежа — позиций горного прохода Нанькоу. Лапину довелось осмотреть эти укрепления за две недели до их сдачи, и он очень высоко отозвался о них. Выгод-

нейшие естественные условия рельефа позволили соорудить здесь почти неприступную крепость. Линия укреплений, созданная с учетом последних достижений западноевропейского военно-инженерного искусства, тянулась более чем на 50 километров. Здесь имелись даже колючая проволока под током и необычные для китайских условий убежища против артиллерийского огня. Нанькоу можно было удерживать долго, тем не менее он был сдан. Этому содействовало отношение генералитета к империалистическому шпионажу. Виднейшей фигурой при Чжане-дубане был японский советник, который имел в своем распоряжении пассажирский вагон первого класса, в то время как наши товарищи безропотно разъезжали в «теплушках». В комнате по соседству с Чжаномдубанем обитал и представитель другой империалистической державы, склонной поддерживать второго врага Фэна — У Пэй-фу, американский миссионер. Великолепно владея китайским языком, он был в курсе всего и вся. Не случайно близ Калгана были обнаружены две американские рации.

Какие же события привели к падению Нанькоу? В июле мукденцы, предприняв обходный маневр, обошли нанькоуские позиции и через северную часть провинции Жэхэ проникли в Долоннор. В этот пункт были, однако, спешно подброшены две созданные нашими советниками кавалерийские бригады и несколько пехотных. Вылазку врага удалось отбить. Наши товарищи горячо убеждали местного командующего Сун Чжи-юаня, что милитаристов необходимо преследовать, однако генерал категорически отказался внять разумному совету. В итоге противник имел две недели для приведения себя в порядок, а затем развил контрудар. Полк народной армии, стоявший в то время у Долоннора, возводил укрепления, беспечно оставив все оружие вдали на биваке. Внезапно налетела конница мукденцев и вызвала дикую панику и общее бегство.

Чжан-дубань по телефону сообщил из ставки командовавшему обороной Нанькоу генералу Лу о происшедшем. Тот, дабы не подвергнуться окружению, принял решение уходить через день-два в Пиндэцюань и сделал соответствующие предупреждения в войсках.

Далее все развивалось как по маслу, в духе «лучших традиций» китайского милитаризма. Генералы думали

лишь о сохранении собственных войск, а не об интересах общего дела. На рассвете следующего дня без согласования с соседями командир дивизии, защищавшей центральную часть наньקоуских позиций, отвел свои войска. Мукденцы немедленно этим воспользовались. Даже после этого можно было с самым минимальным количеством войск удерживать врага, ибо далее тянулся на 30 километров с лишним узкий горный проход, великолепный для обороны и организованного отхода. Однако началась повальная паника. Войска бежали, увозя свои пожитки на ослах, волах, даже коровах.

Поражение было тяжким. Ситуация, однако, стала постепенно улучшаться с возвращением Фэн Юй-сяна в Китай в сентябре 1926 г. Фэн выехал из Москвы еще до получения сообщения об отступлении народной армии. Из Китая его засыпали телеграммами с просьбой срочно приехать, да и в Москве наши товарищи, понимая, чем грозит его отсутствие, торопили генерала. Через Ургу на автомобиле он направился в городок Уюань западнее Баотоу.

Фэн Юй-сян повел себя сразу же весьма расчетливо и дипломатично. В Уюане он устроил собрание высшего комсостава, где заявил ожидавшим заслуженной кары подчиненным, что за поражение под Нанькоу он несет ответственность сам. Мало того, он всех офицеров даже повысил в чине, словно они одержали победу. Вместе с тем Фэн определенно заявил: «Отныне мы становимся под знамя гоминьдана и под этим знаменем пойдем дальше». В первое время он непрестанно выступал на митингах и совещаниях, говорил о непризнании народными армиями долгов Китая империалистическим странам, о достоинствах политического строя в СССР и т. д. Так было в Уюане, Пинляне, Сиани.

Армия при единодушном одобрении генералитета восстановила свое прежнее название — народная, отказавшись от географического термина — северо-западная. Бывший дубань провинции Чжили даже предлагал принять имя национально-революционной армии. Однако Фэн отказал под тем предлогом, что столь высокое звание надо-де сперва заслужить в боях.

Осторожность Фэна сказалась в манифесте, выпущенном им в сентябре 1926 г. Там указывалось, что основная задача народных армий — борьба за независи-

мость, против таможенных ограничений, неравноправных договоров, провозглашались и некоторые политические обещания — свобода собраний и прочее. Фэн деликатно воспротивился внесению в программу каких бы то ни было социальных требований, касающихся перемен в общественном строе, сказав нашим советникам, что «программа преобразований велика, но сперва надо сосредоточиться на сопротивлении империализму».

Фэн с «гениальной» простотой решил вопрос об укреплении в своих частях гоминьдановских элементов. Он отдал приказ: всем вступить в гоминьдан — и на второй месяц по возвращении имел уже 10 тыс. членов этой партии, а на третий — 40 тыс. Генералы были механически избраны в партийные комитеты дивизий либо корпусов.

Такие методы политической обработки войск не могли, конечно, дать блестящих результатов. А. Лапин в июне 1927 г. на собрании партийной ячейки советников в Ханькоу рассказывал, что во время объезда фронта народной армии в 1926 г. имел случай убедиться в невероятном невежестве командного состава. Некоторые офицеры из ставки Чжана-дубаня не знали, что такое неравноправные договоры, искренне полагали, что НРА — это армия, которая ведет бои где-то на границе Юньнани под командованием вдовы Сунь Ят-сена. Один из офицеров, услышав из уст наших людей весьма вольные суждения о религии, непритворно изумился: «Разве вы не русские священники?» Присутствовавший при этом генерал поспешил перевести разговор на иную тему.

Когда наши советники настойчиво рекомендовали позаботиться о политическом воспитании бойцов, Фэн притворно изумлялся: как это нет политической работы, — ведь вся армия гоминьдановская!

Несмотря на все это, занятая Фэном позиция в какой-то мере открывала возможность для деятельности китайских коммунистов на подвластной ему территории. Вместе с Фэном из Москвы приехал один из видных деятелей КПК — Лю Бо-чэн. Он стал помощником начальника Политического управления народной армии и фактически возглавил всю работу, так как на должность главы управления так никто и не был назначен.

А. А. Лапин отмечал, что в то время поведение Фэна определялось, конечно, не только прямым влиянием уви-

денного в СССР. Фэн не мог не учитывать успехов НРА, общего укрепления революционной ситуации в стране.

Положение на подвластной Фэну территории было довольно сложным. После ухода народных войск из Пекина в Ганьсу восстали генералы Гун и Чжан. Первый из них даже обложил город Ланьчжоу. Кроме них в провинции имелось 20-тысячное войско китайских мусульман (хуэй) во главе с пятью братьями Ма. Главе семейства Ма за сохранение нейтралитета мятежные генералы обещали чин дубаня Ганьсу.

Тяжелая ситуация сложилась в Шэньси. Здесь в отдельных городках были окружены около 40 тыс. солдат 2-й и 3-й народных армий. Их осаждал милитарист Лю Чжэн-хуа. В столице провинции Сиани в течение нескольких месяцев был замкнут 8—10-тысячный гарнизон. Части Фэна не имели патронов, среди них процветал бандитизм, в провинции не было достаточно авторитетного вождя. Сиань могла пасть со дня на день, нужно было принимать неотложные меры. Из Ганьсу двинулись на выручку четыре бригады (примерно 10 тыс. солдат).

В поисках человека, способного наладить дела в Шэньси, Фэн сначала остановился на Юй Ю-жэне. Юй, местный уроженец, после революции 1911 г. не раз воевал в Шэньси, поддерживая более или менее прогрессивные группировки. Фэн возлагал надежды на его популярность. Он предложил Юю поехать в Шэньси либо в качестве своего помощника, либо командующего провинциальными войсками. Юй, однако, желая добиться самостоятельности, отказался от официального назначения. Вместе с Юем для снятия осады с Сиани в Шэньси направился А. А. Лапин.

Однако и сам Юй переоценил свои возможности и Фэн напрасно поверил в его авторитет. «По мере того как мы приближались к Шэньси, — писал А. А. Лапин,— становилось известно, что генералы не намереваются встречать его с распростертыми объятиями».

А. А. Лапин понимал, что для разгрома противника, обладавшего численным превосходством, необходимо единое оперативное руководство. Поэтому он скрепя сердце посоветовал Юю принять предложенное Фэн Юйсяном назначение и даже направил соответствующую телеграмму состоявшему при главкоме советнику Усма-

нову. Однако теперь уже Фэн, изверившийся в возможностях Юя, отказал.

Между тем положение в Сиани становилось критическим. Для перелома в моральном состоянии армии нужен был хотя бы небольшой успех. И он пришел: были одержаны две незначительные победы и тем захвачена инициатива. В течение месяца шла война в крепостях Шэньси. Все городки в этой провинции были укреплены во время известного восстания мусульманского населения (дунган) в 1862—1874 гг. Удалось снять осаду с нескольких уездных центров и освободить 15—16 тыс. солдат 2-й и 3-й народных армий.

По совершенно правильной рекомендации Лапина подходившие с Севера войска не бросались в бой частями, а накапливались. Так удалось собрать резервную дивизию. Одновременно была начата работа среди крестьян. В нескольких уездах происходили митинги и собрания, организовывались союзы, центром стал Саньюань.

Резервную дивизию послали в обход Сиани с юга. 26 ноября 1926 г. она была освобождена.

Осада Сиани была полна трагизма — в городе царил страшный голод, в последние недели умирало более чем по сто жителей в день. В Сиани, как и во всей Шэньси, вчерашние милитаристы из народных армий не брезгали мародерствовать. Осажденные войска реквизировали у населения продовольствие, а затем перепродавали ему же по спекулятивным ценам. Даже простой солдат мог нажить за осаду до нескольких тысяч долларов, а у командующего Ли Хун-чэна скопилась очень значительная сумма.

После снятия блокады развернулась борьба за власть в Шэньси между Юй Ю-жэнем и группировками 2-й и 3-й народных армий.

Вообще же в ту пору сплоченность войск Фэна была очень условной. Например, во время боевых действий против Ма Чжэн-у части 2-й народной армии отказались впустить 6-й корпус Фэна в город Гунчжоу. Другой пример: когда командующий потребовал перебросить 15 тыс. солдат под Сиань, он встретил полнейшее неповиновение.

Если обобщить все сказанное выше об армиях Фэна, можно прийти к заключению, что во время важнейших

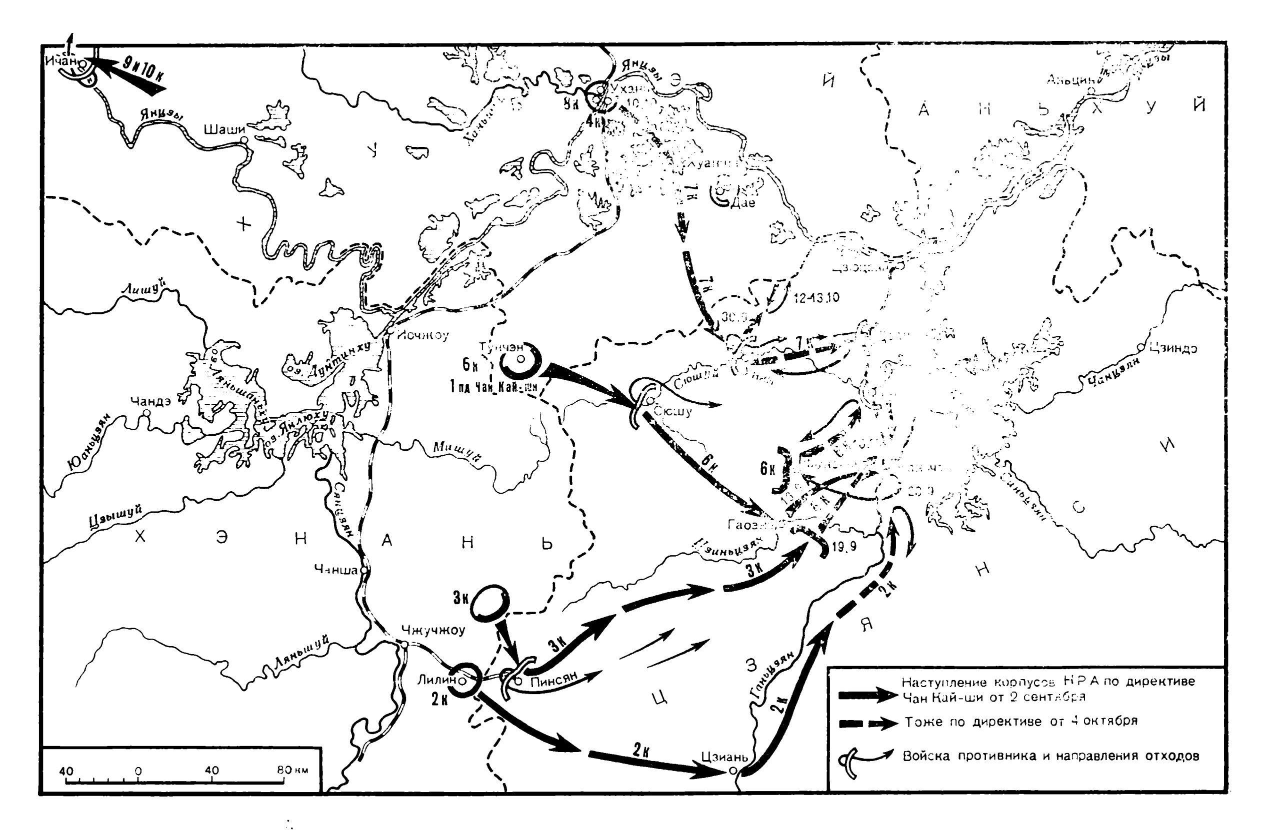
операций Северного похода они были заняты отвоевыванием собственного плацдарма и не могли оказать активной помощи НРА.

Мне доставляет удовлетворение тот факт, что я имею возможность впервые показать роль товарища А. Лапина в шэньсийских операциях НРА. Это интересная страница героической биографии замечательного сына латышского народа, пропущенная в последних публикациях, посвященных его светлой памяти.

Разгром Сунь Чуань-фана

После разгрома У Пэй-фу с выходом НРА на Янцзы единственным серьезным противником революционных вооруженных сил в Центральном Китае остался Сунь Чуань-фан. К этому времени он сумел в полной мере оценить ту опасность, которую представляли для него победоносные силы южан. Но и командование НРА понимало, что Сунь обладает гораздо более мощной армией, чем У, и справиться с ним будет очень непросто. В сентябре к тому же из данных разведки стало известно о враждебных намерениях в Западном Хубэе сычуаньского генерала Ян Сэня, хотя он и считался командиром 20-го корпуса НРА. Все это заставляло проявлять осторожность.

В сентябре предпринимались попытки достичь временного соглашения с Сунь Чуань-фаном. 20 сентября Чан Кай-ши из Пинсяна прислал телеграмму об условиях перемирия с Сунем генералу Дэн Янь-да, который вел переговоры. Дэн целую ночь уговаривал представителей милитаристов принять условия, но те твердили, что это будет равносильно капитуляции. Между тем требования были крайне умеренные — вывести войска Сунь Чуань-фана в Аньхуй. Позднее в ставку Суня в Цзюцзяне было доставлено письмо Дэн Янь-да и Тан Шэн-чжи, которые требовали кроме отхода прекратить военные действия и восстановить гоминьдановский комитет в провинциях Цзянсу и Чжэцзян. Надо сказать, что и в войсках Суня имелись генералы, пытавшиеся поми-

Карта 6. Неудачное наступление НРА в Цзянси по директивам Чан Кай-ши

рить его с НРА ради действий против мукденцев. Но вскоре выяснилось, что переговоры нереальны, они служат лишь прикрытием подготовки широких наступательных операций.

Еще в начале месяца Сунь принял решение выступить первым. Он подбросил на железную дорогу Наньчан—Цзюцзян три дивизии и восемь отдельных бригад (60 тыс. солдат). Из Аньхуя в восточный Хубэй были направлены дивизия и несколько смешанных бригад (20—25 тыс.), в западную Цзянси — две передовые группы.

Чан Кай-ши так не терпелось укрепить свое пошатнувшееся в Хунани положение, что он, без ведома Блюхера, решил опередить Сунь Чуань-фана и затеял совершенно неподготовленные акции (см. карту 6). 2 сентября 1926 г. он отдал приказ о наступлении через три дня, 6-й корпус из Тунчэна, где он находился после сражения у Туцзяпу, должен был двинуться на Иннин, 3-й корпус — на Пинсян и 2-й корпус на Цзиань. Конечной целью всех соединений был Наньчан.

6-й корпус и 1-я дивизия Чан Кай-ши начали операции успешно, захватив 16 сентября Гаоань. И тогда командир 6-го корпуса Чэн Цянь принял чрезвычайно опрометчивое решение. Он задумал взять Наньчан до подхода 3-го корпуса Чжу Пэй-де.

Чэн Цянь по приказу Чан Кай-ши был подчинен Чжу и жестоко этим обижен. Советник Чэн Цяня Н. И. Кончиц тщетно советовал своему подопечному воздержаться от непродуманных действий. «Тогда хоть не спешите, увяжите свои действия с Чжу», — настаивал он. Одновременно Н. И. Кончиц направил донесение Блюхеру, наконец, поехал к нему, но было уже поздно: 6-й корпус перешел в наступление и 19 сентября занял Наньчан. О дальнейшем ходе событий Н. И. Кончиц сообщал следующее: «Опомнившийся от неожиданного удара противник стал быстро перебрасывать все новые и новые части по железной дороге, поражая уставшие части корпуса губительным артиллерийским и пулеметным огнем (а в корпусе и артиллерии не было). Корпус не смог удержать город и был вынужден отступить, понеся большие потери. Много повредило невыполнение приказа 1-й дивизией, которая вместо того, чтобы занять станцию Наньчан, двинулась в глубокий обход через горы к стан-

ции Лафа, потеряв при этом более половины своего состава.

3-й корпус, находившийся в это время в переходе от Наньчана, не оказал никакой помощи: Чжу, что называется, спокойно стоял и смотрел, как противник бьет Чэн Цяня, тогда как имел полную возможность оказать помощь 6-му корпусу. Чэн Цянь это знал и, как увидим дальше, сумел-таки отплатить Чжу Пэй-де тем же». В самом деле Чжу был значительно северо-восточнее Гаоани, а после поражения 6-го корпуса он отошел и остановился лишь в 15 километрах от этого города.

Снова, в который уже раз, ожесточенные распри вчерашних милитаристов оказались более сильным фактором, чем общие интересы всей Национально-революционной армии.

6-й корпус отступил 23 сентября. Дивизии: 17-я (советником был Е. В. Тесленко), 19-я и 1-я уходили группами. Остатки своих сил Чэн Цянь собрал в Шаньфу к западу от Фаньчэна, где и решил в течение двух недель приводить их в порядок.

В. К. Блюхер поспешил на Восточный фронт и 30 сентября прибыл в Гаоань. Со свойственной ему четкостью он моментально оценил ситуацию и извлек уроки из тяжелого поражения. Он писал: «В результате налета Чэн Цяна на Наньчан мы потеряли большую часть трех дивизий из семи действующих на главном направлении в Цзянси, что может привести к нашему полному поражению на цзянсийском фронте. Причин этого первого поражения наших войск много, но главнейшая из них — это отсутствие согласованности между Чэн Цянем и Чжу Пэй-де». Блюхер определил и второстепенные причины неудачи. Чэн Цянь, заскочив в город с 19-й дивизией, не принял мер для атаки южной части железной дороги. Ван Бо-линь бросил свои войска и уехал в город. Атака 1-й дивизией станции Наньчан не была сразу же поддержана 17-й дивизией, которая ввязалась в бой лишь перед отходом. Блюхер вместе с тем предполагал, что если бы Чэн Цянь находился на западном берегу озера, то Наньчан удалось бы удержать до подхода 3-го корпуса. По принципу «нет худа без добра» В. К. Блюхер констатировал, что единственной пользой от сражения явилось освобождение двух наших советских летчиков, томившихся в наньчанской тюрьме, и

Главный военный советник НРА Галин (В. К. Блюхер) и советник И. Воробьев (Шалфеев) — первый Восточный поход 1925 г.

гибель реакционера и прихвостня Чан Кай-ши Ван Болиня.

Приезд В. К. Блюхера совпал с наступлением Сунь Чуань-фана на Гаоань. На 1-ю дивизию двинулись четыре смешанные бригады. Тогда приступил к активным действиям 3-й корпус НРА. 1 и 2 октября в районе Саньшоугун происходили ожесточенные бои, в итоге которых милитаристы потеряли тысячу солдат убитыми, шесть орудий, 2 тыс. винтовок, бомбометы и пулеметы. Было взято много пленных.

Чжу Пэй-де, однако, побоялся организовать преследование врага, так как тот мог подбросить резервы по железной дороге. Кроме того, ему не оказал поддержки 6-й корпус в отместку за предательство под Наньчаном.

30 сентября близ Унина добился успеха и 7-й корпус,

13 Заказ 744

полностью уничтожив вражескую дивизию, взяв несколько тысяч винтовок и восемь орудий.

Приступив к разработке плана операции по захвату Цзянси, В. К. Блюхер трезво оценил огромные трудности, стоявшие перед НРА. Он констатировал, что оснащение НРА вооружением серьезно уступает милитаристскому. Если в НРА на корпус приходилось тогда одно-два орудия, то у Суня в дивизии имелось не менее четырех, да и в некоторых бригадах, примерно равнявшихся дивизии НРА по численности, были пушки. Превосходством обладал Сунь и по пулеметам. Огонь врага был весьма меток. В Цзянси было сосредоточено такое количество войск из других провинций, что В. К. Блюхер был вправе сделать вывод: борьба за Цзянси переросла в борьбу за разгром всех сил Сунь Чуань-фана.

Обобщая опыт боев в сентябре-октябре, Блюхер с удовлетворением отмечал: «Удалось добиться объединенности действий 2-го, 3-го, 6-го корпусов и дивизий, но вследствие крайне плохой связи с 7-м корпусом его действия носят самостоятельный характер». НРА «ведет себя в бою выше всяких похвал». Лишь 17-я дивизия плохо выдерживала огонь. «Победу покупаем исключительно упорством, штыком или ночными атаками».

Это, разумеется, сопряжено было с большими жертвами. Так, 3-й корпус в сражении за Гаоань потерял около 2 тыс. убитыми и ранеными. Блюхер докладывал: «Нам плохо удается разгром отступающего. Причины — наша малочисленность, не дающая возможности охватить противника в бою, и отход его ночью группами (а ночное преследование по бесконечному числу извилистых рисовых тропок в незнакомой местности крайне трудно) и, наконец, трусость начдивов».

В. К. Блюхер дал общую директиву о переходе в наступление на железную дорогу Наньчан—Цзюцзян, однако он подчеркивал, что нужна серьезная перегруппировка войск НРА. Но Чан Кай-ши еще раз своим вмешательством испортил дело. 4 октября он без В. К. Блюхера выехал в Фэнсинь к 1-й дивизии и там отдал приказ об общем наступлении на следующий день. 7-й корпус должен был взять Дэань, а 6-й — Чжанчан и Туцзяпу, превращенный врагом в превосходный оборонительный рубеж, 3-й корпус направлялся на южную часть железной дороги.

Блюхер подверг замысел Чан Кай-ши обоснованной критике: 3-й корпус мог двинуться вперед не ранее 7 октября, а 2-й корпус с юга подошел бы к Наньчану еще на день позже. В этих условиях если бы 7-й корпус и ударил по Дэани, то враг мог побить соединения НРА по отдельности одно за другим. В его распоряжении было великолепное средство для быстрого маневрирования в виде железной дороги в тылу. Блюхер сообщил: «Эта очередная глупость главкома, если противник хорошо использует железную дорогу, может превратиться в наше общее поражение. Особенно опасно положение 6-го корпуса. Принимаю все меры к тому, чтобы согласовать во времени удар наших частей, но вследствие отвратительной связи больших надежд на это нет. Добился отсрочки на один день, это несколько выравнивает подход частей к железной дороге. Делаю все, чтобы выиграть эту операцию».

Опасения Василия Константиновича, к сожалению, оказались основательными. 7-й корпус ворвался в Дэань, однако, попав там под убийственный огонь пулеметов и прекрасно руководимой артиллерии, вынужден был через два дня уйти из города в район Унина. 6-й корпус, не зная о неудаче соседа, перешел в наступление и был отброшен. 3-й корпус 10 октября безуспешно вел атаки в районе Лэхуа. Железная дорога и прекрасная проволочная связь дали врагу возможность легко перебрасывать части. НРА откатилась от железной дороги с большими потерями и при полном разрыве между отдельными корпусами. Сунь Чуань-фан предпринял даже попытку окружить 7-й корпус. 6 октября у Жуйчана он переправил через Янцзы пять полков, чтобы они зашли в тыл НРА, но 12—13 октября 7-й корпус их отбросил.

Проигрыш операции НРА заставил подумать о подтягивании свежих сил. Как говорилось уже, 4-й корпус должен был ликвидировать группировку милитаристов в Дае—Янсине. 18 октября он получил приказ Чан Кай-ши о переброске к концу месяца в Унин, где корпус стал бы резервом северной группы войск, которой командовал Ли Цзун-жэнь. Поскольку нельзя было Ухань целиком и полностью доверить Тан Шэн-чжи, на совещании заместителя командира 4-го корпуса с командирами дивизий решено было оставить в качестве противовеса

«баодинцам» некоторую часть войск: запасные полки, героический железный полк Е Тина, имевший большие потери в офицерском составе, и еще два батальона.

Командир корпуса Чэнь Кэ-ю был болен. Чэнь Мин-шу стал начальником уханьского гарнизона, поэтому в Цзянси двинулись четыре полка и батальон из 12-й и 10-й дивизий под общим командованием Чжан Фа-куя с советским советником Палло. Они выступили 21 октября, а враг к тому времени уже ушел из Дае. Поэтому движение Чжан Фа-куя по просьбе 7-го корпуса было ускорено.

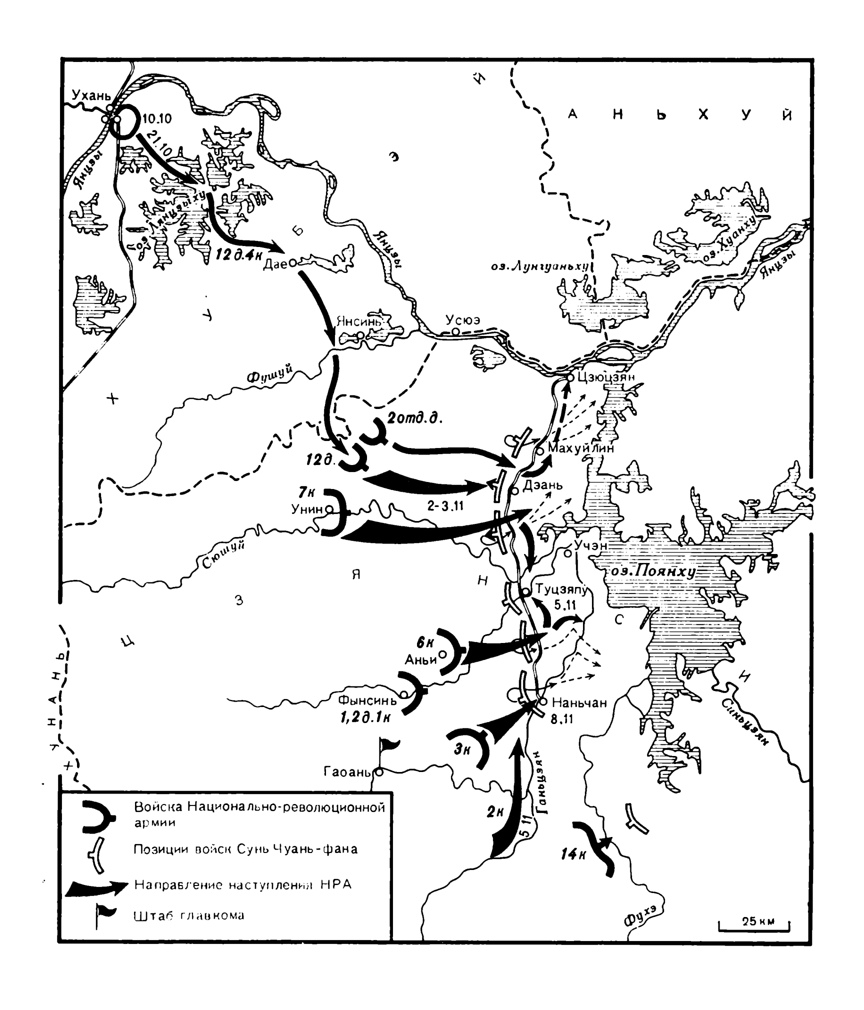
Это и не удивительно — НРА спешно нуждалась в подкреплении. Некоторые части в октябрьских боях потеряли до 70—80% командиров взводов и рот и до 50% комбатов. Начинались дожди и холода, а запасов не было. Вереницы кули несли их по тяжелым тропам через горные районы из Хунани.

В. К. Блюхер тем временем вел огромную работу по организационному сплочению НРА. С помощью телеграфной проволоки и крестьян-ходоков, охотно помогавших революционным войскам, удалось установить связь между корпусами и каждого из них со ставкой, помещавшейся в Фэнсине. Весьма ободрили НРА известия о падении Учана 10 октября и о том, что остатки сил У Пэй-фу (три дивизии) были отброшены от Ичана.

После тщательнейшей разработки всех деталей В. К. Блюхер 28 октября 1926 г. отдал приказ о наступлении в Цзянси. Он содержал самые подробные сведения о войсках Сунь Чуань-фана, основанные на данных разведки (см. карту 7).

Силы Сунь Чуань-фана делились к этому времени на несколько группировок. К югу от Наньчана находились 11,5 тыс. солдат мало боеспособных частей. В районе Нюхан—Лохуа стояли 13,5 тыс. солдат, но два полка склонны были перейти на сторону НРА. В районе Цаньчан—Туцзяпу—Дэань сосредоточились 13 тыс. солдат центральной группы Сунь Чуань-фана, здесь готов был изменить милитаристам один полк. Наконец, в Цзюцзяне было 5,5 тыс. солдат, причем одна бригада находилась в связи с НРА. Таким образом, общая численность армии Сунь Чуань-фана определялась в 45 тыс. Из них готовы были к сотрудничеству с НРА тысяч семь.

Велись переговоры с чжэцзянскими войсками Чжоу

Карта 7. Наньчанская операция НРА

Фэн-ци, которых беспокоила весьма реальная угроза нападения мукденцев на провинцию Цзянсу. В связи с этим Блюхер полагал, что атаковать правый фланг противника невыгодно, так как это вызвало бы ненужную ссору с чжэцзянцами, не говоря уже о трудности преодоления природных препятствий. В. К. Блюхер отметил в приказе и общую слабость позиции врага, тыл которого опирался на реку и озеро при почти полном отсутствии средств переправы.

Общее наступление было назначено на 2 ноября (карта 7). Чан Кай-ши теперь притих и передоверил всю оперативную часть руководства В. К. Блюхеру.

Расположение основных соединений НРА, участниц наньчанской операции, было следующим: 7-й корпус, 2-я отдельная дивизия Хэ Яо-цзу и 12-я дивизия 4-го корпуса — в Уши; 6-й корпус — в Аньи; 1-я и 2-я дивизии 1-го корпуса — в Фэнсине; 3-й корпус — в 30 километрах к западу от Наньчана.

Схема операции выглядела так: 7-й корпус, 2-я отдельная дивизия и 12-я дивизия должны ударить на район Дэань—Махуйлин; далее 2-я отдельная дивизия поворачивала на Цзюцзян, а 7-й корпус — на Туцзяпу с севера. Это была 20-тысячная основная ударная группа. 6-й корпус наступал на станцию Лохуа и на Туцзяпу с юга. 3-й корпус атаковал станцию Наньчан. 1-я и 2-я дивизии 1-го корпуса составляли резерв, находясь между 6-м и 3-м корпусами. Наконец с юга на Наньчан двигались 2-й и 14-й корпуса общей численностью в 7,5 тыс. солдат. В. К. Блюхер подчеркивал: «Энергичное, быстрое выполнение обеспечит полный успех этой операции, и при ее проведении не должны теряться бесполезно не только дни, но даже часы».

Решающее значение В. К. Блюхер придавал овладению основным оплотом наньчанского укрепленного района — Туцзяпу: «Занятие нами района Туцзяпу вырывает из рук противника центр его опоры, разрушает весь фронт его обороны, сталкивает его в мешок между нашими частями и рекой, что приведет при энергичных действиях наших войск к полному окружению и уничтожению его главных сил и к полной ликвидации военного могущества Суня, после чего Цзюцзян будет взят безо всяких трудностей». Блюхер указал еще на одно основное условие победы: «Следует во что бы то ни стало до-

биваться одновременного удара всеми корпусами по железной дороге».

В отличие от октябрьских действий «с кондачка» теперь было сделано все возможное для обеспечения всесторонней подготовки операции. Войскам была роздана теплая одежда, были созданы этапная служба, полевые госпитали, с корпусами установили постоянную телеграфную связь (с 7-м корпусом — по радио). Приказ был переведен на китайский язык и подписан Чан Кай-ши. Русский его текст был одновременно разослан всем советским советникам.

Конечно же, несмотря на все предосторожности Блюхера, при проведении приказа в жизнь немедленно начались милитаристские комбинации и произвол. Блюхер считал необходимым держать части 4-го корпуса в групповом резерве, а командир 7-го корпуса, он же командующий северной группой, Ли Цзун-жэнь думал иначе. Успех операции интересовал его во вторую очередь. На первом плане стояла для него задача сберечь свои личные части. Поэтому он отвел 4-му корпусу основную роль в атаке Дэани. 7-й же корпус и отдельная дивизия Хэ Яо-цзу собирались лишь заслоняться и «демонстрировать». Если отвлечься от красивых слов, дело сводилось к тому, что 4-й корпус очищал для 7-го дорогу. Он же должен был сказать решающее слово и в атаке Махуйлина, это, впрочем, совпадало с намерениями 4-го корпуса. Командование последнего, наученное хунаньским опытом, было почти уверено, что соседи подведут, и своевременно заслало во все стороны усиленную агентурную разведку. И в самом деле, 7-й корпус запоздал, а 2-я отдельная дивизия в первый день боя «не проявляла никаких признаков жизни».

Во время наньчанской операции В. К. Блюхер с Чан Кай-ши, оставив в штабе главнокомандующего советника Корнева, сами направлялись за 3-м и 6-м корпусами. Блюхер был абсолютно уверен в конечном успехе операции. Еще будучи в Гаоани, он сказал советнику Н. И. Кончицу, что «5 ноября вопрос о Цзянси будет решен». Однако в ходе военных действий в китайских условиях того времени Блюхер уже мало что мог предпринять. Именно поэтому он перед началом операции потребовал ознакомить с ее планом даже командиров полков.

В ходе наньчанской операции 2-й, 3-й и 6-й корпуса на 80-километровом фронте и днем и ночью вели кровопролитные бои. 1 ноября 6-й корпус, перерезав железную дорогу, отрезал группировку врага в Туцзяпу от Наньчана, 3-й корпус неоднократно атаковал станцию Наньчан, расположенную по другую сторону реки, и 4 ноября при содействии авиации овладел ею, а тем временем 2-й корпус подошел к Наньчану с юга и востока.

Бой у Дэани и Махуйлина развернулся 2 и 3 ноября. Решающую роль в нем сыграли 35-й и 36-й полки. Общие потери НРА составили 600 человек, были взяты у милитаристов значительные трофеи: более тысячи винтовок, 12 орудий, 5 станковых пулеметов, радиостанция. Командир 2-й отдельной дивизии, увиливая от ожесточенного сражения, сразу же двинулся на Цзюцзян.

Туцзяпу штурмовали 5 ноября: с севера — 7-й корпус, а с юга — 6-й корпус. 1-я дивизия Чан Кай-ши отрезала противнику отход к озеру, где у него в городе Учэне были сосредоточены лодки. В тот же день начались ликвидация и пленение всей окруженной группировки противника, насчитывавшей 30 тыс. солдат. После этого в районе Цзюцзяна к НРА перешла целая дивизия. Предвидение Василия Константиновича сбылось в полной мере: именно в назначенный им срок проблема Сунь Чуань-фана перестала существовать.

5 ноября замкнулось и кольцо вокруг Наньчана. Чан Кай-ши немедленно затеял переговоры с блокированным врагом. К Наньчану были подброшены дивизия Бай Чун-си, гуансийского милитариста из 7-го корпуса, ставшего начальником штаба Чан Кай-ши, и 17-я дивизия 6-го корпуса (советник Е. В. Тесленко). Наньчан капитулировал 8 ноября.

С поверженным противником Чан повел себя нечестно. Он обещал включить в НРА части окруженных, вместо этого они подверглись разоружению, а три генерала были привязаны к столбам для всеобщего поругания у дворца губернатора, резиденции Чан Кай-ши, на двое суток. Такая бессмысленная жестокость вызвала протест наших советников.

Блюхер писал в своем отчете о сражении: «Армиям Суня и собственно цзянсийским войскам окончательное поражение нанесено 5 ноября. Отброшенные на озеро с

железной дороги и окруженные с юга и севера остатки войск разоружены 9 ноября. Нами взято около 40 тыс. винтовок, несколько десятков орудий и много пулеметов. Большое число оружия брошено противником в реки».

Из Цзянси успели уйти только жалкие остатки некогда многочисленной армии Сунь Чуань-фана. В Цзюцзян-Наньчанском районе Национально-революционная армия взяла более 40 тыс. пленных. Правда, эта победа, которая, по существу, обеспечила господство НРА на большей части территории Китая, досталась очень высокой ценой. В Цзянси было убито и ранено около 15 тыс. солдат, а за все время похода — более 25 тыс. Во время боев в Цзянси НРА испытывала острую нехватку патронов, вызванную невероятнейшим многосистемьем оружия. Приходилось поэтому делать упор на штыковые атаки и ночные операции, а это, конечно, было сопряжено с увеличением потерь.

Вклад различных соединений НРА в общее дело победы над врагом был далеко не одинаков. Блюхер считал, что всю тяжесть последних боев вынесли на своих плечах основные корпуса Гуандуна. 7-й корпус и дивизия Хэ Яо-цзу в боях ловчили и были очень активны лишь в ловле разбитого противника, в их же руки попала бóльшая часть трофеев.

Рискуя жизнью

Советские военные советники делили со своими китайскими братьями и радость побед и горечь поражений в Северном походе. Еще до начала широких военных действий к Тан Шэн-чжи был отправлен Нефедов (Павлов). Он действовал, правда, не как военный специалист, а как уполномоченный по установлению связей с этим генералом. Позже в дело вступили наши командиры. Советники имелись во всех основных корпусах. Лишь в 7-м, гуансийском, находился И. Мамаев — политический, а не военный работник. Однако пребывание его у вчерашних милитаристов также было полезным, он был «оком» В. К. Блюхера, подталкивал подопечных к выполнению приказов главного командования.

На примере Горева вы уже видели, какая огромная доля руководства операциями ложилась на плечи советников. Увлеченная, самоотверженная работа наших товарищей была оценена в полной мере простыми людьми Китая. Один из друзей рассказывал мне об участии советников в торжествах в Ханькоу по случаю падения Учана, этот триумф совпал с празднованием очередной годовщины Синьхайской революции. Автомобиль с русскими был встречен демонстрантами громом аплодисментов. Сыпались приветственные фразы. «Сулянь эго жэнь хао» («Советские люди хорошие»). Языковый барьер не мешал понимать друг друга, — выручали искренние сердечные улыбки.

Особенные симпатии вызывали у населения героические действия наших соколов. Я писал уже об огромных трудностях, с которыми им пришлось столкнуться. 20 августа три самолета вылетели спешно на фронт. Железная дорога была единственным надежным ориентиром, поэтому они шли над нею на высоте 150 метров. Однако за Шаогуанем пришлось подняться на 3 километра, преодолевая горы. Утлые машины скрылись в кучевых облаках. Компас без карт мало чем мог помочь. В итоге вместо Хэнчжоу попали в Баоцинь. Там один из самолетов сел на речную отмель, и его ремонт занял неделю, а другой, попавший на рисовое поле, пришлось отправлять вместе с пилотом Костюченко в Кантон.

Под Учан прибыла единственная машина Кравцова и Тальберга. 10 сентября к ним присоединился и Сергеев. В боях за Учан летчики себя не щадили. При взлете и посадке они подвергались регулярному артиллерийскому обстрелу. В непрочных, примитивных деталях машин зияли пулевые пробоины. Неспроста в донесении 4-го корпуса о победе говорилось: «Авиацией и 4-м корпусом был захвачен Учан». Огромную пользу принесли наши летчики и под Наньчаном.

После освобождения Наньчана из тюрьмы были вызволены советские летчики Козюра (Вери) и Кобяков. Летя на «юнкерсе» из Кантона, они совершили посадку в расположении врага в Наньчане вместо Чанша и вынуждены были переносить суровый плен у милитаристов.

В докладе о действиях авиации Василий Сергеев убедительно показал, сколь напряженным был воинский труд наших дорогих друзей. Он писал, что на цзянсий-

ском фронте самолеты «совершили ту работу, которой не забудет НРА и которую будет изучать и наша армия... Помимо того психологического настроения, которое создавал самолет у нашего командования, он сеял буквально панику во всех местах фронта, где бы он ни появлялся. Например, бронепоезд не выдерживал и 15 минут боя с самолетом, в панике покидая свою позицию и тем самым оголяя боевой участок.

Самолет связал армии, произвел много ценных разведывательных полетов и полетов по бомбометанию... Приказ о представлении летчиков к награждению орденами Красного Знамени в числе первых (в том числе и механиков) говорит о том, что боевая летная работа выполнена с честью.

Условия летной работы здесь крайне тяжелы. Действия авиации на фронте происходили в самое жаркое время. Летный состав абсолютно выматывался, не имея отдыха ни днем ни ночью. Почти все страдали горловыми болезнями и сильными головными болями, это объясняется резким изменением температуры при быстром нагревании организма и таком же быстром охлаждении в полете.

Ориентировка особенно тяжела по тем же климатическим условиям. Ясной видимости здесь почти не бывает, все заволакивается дымкой и возможно лишь вертикальное наблюдение. Рельеф местности очень сложный, ибо помимо горных рельефов ковер местности богато расшит рисовыми полями, узкими пешеходными тропинками, при почти полном отсутствии крупных дорог в районе нашего действия. Рек много, но они теряют ориентировочную ценность из-за изобилия и скрадывания в складках местности...

Карты, которыми мы пользовались, были масштаба двухверсток. Маршрут в 400—500 километров по этим картам очень громоздок, равен нескольким метрам, и ни в какие картодержатели его не уместишь... Не было никаких метеорологических данных. Аэродромы строились на рисовых полях, грунт которых очень восприимчив к влаге. Размеры аэродромов в большинстве столь малы, что посадка и взлет были всегда рискованными. Лишь летные качества летунов сберегали самолеты от поломок.

Весь запас привезенных из России бомб израсходован на фронте. Осколочные бомбы пришлось применять

без стержней, дабы дать им большую пробивную способность, так как осколочное действие бомб здесь особенно широко применять не приходилось. Целями бомбометания были укрепленные центры; скоплений войск на открытых местах не было, войска скрывались в зданиях и в особых норах, устроенных в стенах крепости (норы стали применяться здесь впервые после появления на фронте авиации). Войска передвигаются не колоннами, а узкой в затылок цепочкой, они обстреливались в большинстве пулеметным огнем и лишь для деморализации — бомбами».

Не менее героически, чем летчики, вели себя на фронтах и остальные советники. Никогда нельзя было надеяться на 100%, что все указания будут своевременно выполнены. Часто советники наталкивались на молчаливое, но упорное сопротивление вчерашних милитаристов. Приходилось проявлять большое терпение, чтоб с учетом всех противоречий, существовавших в НРА, добиваться развития событий в интересах революции. Во всяком случае, участие советников в руководстве операциями в высшей степени способствовало выдающимся успехам НРА.

Где быть столице?

Революционные силы сумели в течение менее чем полугода захватить контроль над четырьмя важнейшими провинциями и вырваться на Янцзы. Как и следовало ожидать, столь быстрое расширение революционной территории вызвало обострение противоречий внутри единого национально-революционного фронта. В рядах политического и военного руководства борьба развернулась вокруг вопроса о новой столице революционного Китая, о том, где теперь должно обосноваться кантонское правительство.

Всем было понятно, что перемещение руководства в Центральный Китай необходимо, иначе правительство рисковало превратиться в провинциальный гуандунский орган, не оказывающий серьезного влияния на ход ре-

волюции. Новым центром со всех точек зрения естественно было сделать освобожденный Ухань. Однако Чан Кай-ши категорически воспротивился этому.

Чан, как лидер правых, был заинтересован в изоляции правительства от влияния широко развернувшегося массового движения. Он хотел добиться от ЦИК гоминьдана форсирования продвижения армии на Нанкин и Шанхай. Ухань был взят военными силами, которые Чаном не контролировались, и практически в военных кругах «Трехградья» ведущая роль была обеспечена Тан Шэн-чжи. По взятии Шанхая Чан рассчитывал установить контакт с империалистическими силами и заручиться их поддержкой, чтобы расправиться с КПК и народным движением. Это после и было выполнено. Ближайшей задачей Чана должна была стать ликвидация левых сил в Цзянси и при помощи Ли Цзи-шэня — в Гуандуне. Чан стремился играть на противоречиях во враждебных ему группировках, в этом случае провинция Цзянси могла служить приманкой для отдельных милитаристов. Чан в первую очередь хотел расколоть враждебную ему клику «баодинцев», заручиться поддержкой гуансийских генералов. Со всех точек зрения Наньчан был для Чан Кай-ши более желанной столицей.

В те времена это был тихий город торговцев, ремесленников и мелкой бюрократии. Он насчитывал менее 200 тыс. жителей, был обнесен толстенными средневековыми стенами. Промышленности фабричного типа здесь не было, за исключением небольшой электростанции. На крестьянском съезде тогдашний Наньчан был охарактеризован очень метко как «город настоящих, бывших и будущих чиновников». Когда в Цзянси развернулось народное движение, то многие помещики и богатеи из провинциальных местечек сбежали в Наньчан.

Однако обосновать свои притязания Чану было нелегко. Еще в октябре 1926 г. на заседании Политбюро ЦИК гоминьдана было принято постановление о переносе столицы в Ухань. Единственным аргументом Чана был тот, что правительство-де в период военных действий должно быть ближе к фронту.

Между тем первая группа членов правительства, считавшаяся «комиссией по подготовке переезда в Ухань», направилась из Кантона на Север. В нее входили Сун

Цин-лин, Евгений Чэнь, Сюй Цянь, Сунь Фо. С ними был и главный советник М. М. Бородин. 3 декабря 1926 г. они проездом прибыли в Наньчан. Через три дня на горном курорте Кулин состоялось их совещание с Чан Кай-ши.

Рассматривался не только вопрос о местонахождении властей. К тому времени были отвоеваны значительные территории, и необходимо было решить проблему организации гражданской власти. «Левые» надеялись таким путем создать противовес фактической диктатуре военщины в ряде мест. Ими было выдвинуто требование и о следовании так называемым трем политическим установкам Сунь Ят-сена, о которых уже выше говорилось. Практически дело свелось к тому, что в принципе только было решено проводить в жизнь постановление октябрьского Пленума ЦИК гоминьдана о снижении арендной платы на 25%.

После совещания комиссия срочно выехала в Ханькоу, а Чан Кай-ши остался в Наньчане якобы для того, чтобы здесь дождаться второй правительственной группы. Однако игра Чана была достаточно прозрачной, все понимали, что без упорнейшего нажима из Наньчана его не вытянешь.

Уже 14 декабря первая группа, не колеблясь, объявила себя до сосредоточения всего правительства в Ухани высшей властью в качестве Объединенной комиссии совета национального правительства и ЦИК гоминьдана. В конце месяца «уханьцы» приняли секретное постановление: сообщить всем членам и кандидатам в члены ЦИК гоминьдана о необходимости немедленного приезда в Ухань на пленум. Целью «левых» гоминьдановцев было обеспечить на пленуме большинство при окончательном решении вопроса о повсеместном проведении в жизнь «трех политических установок» Сунь Ят-сена.

Для противовеса Чан Кай-ши «левые» гоминьдановцы пытались использовать дутый революционный авторитет Ван Цзин-вэя. Беда «левых» заключалась в том, что у них не было опытного и твердого вождя, искреннего сторонника идей национальной революции. Но в ту пору многие верили в искусную демагогию Ван Цзин-вэя, и его возможное возвращение понималось в массах как символ возврата к той линии, которой правительство придерживалось до 20 марта. Осенью 1926 г. уже

широко развернулось движение за приглашение Вана на пост главы правительства.

В начале января 1927 г. в Наньчан прибыла вторая правительственная группа. Чан Кай-ши воспользовался этим для созыва Политбюро ЦИК гоминьдана. На заседании присутствовали Хе Сян-нин, Линь Цзу-хань, Дэн Янь-да, Тань Янь-кай, Чжан Цзин-цзян, Чжу Пэй-де, Чэнь Гун-бо, Гу Мынь-юй, министр финансов Сун Цзы-вэнь, заведующий организационным отделом ЦИК Чэнь Го-фу и другие.

Чан Кай-ши формально не имел права решать в Наньчане вопрос о местонахождении правительства, хотя бы потому, что заседание не было достаточно представительным — отсутствовало необходимое большинство. Ханькоу о намерениях Чана официально не был предупрежден. Чан, однако, будучи ловким политиком, не мог не сыграть на том, что часть гоминьдановцев, считавшихся «левыми», поддалась на удочку его демагогии. И в какой-то мере он добился своего: было решено, что временно правительство должно осесть в Наньчане. Категорически возражал против этого Дэн Янь-да. За Ханькоу горячо выступил и Сунь Цзы-вэнь. Он, по-видимому, руководствовался ведомственными соображениями. В случае перемещения в Наньчан, говорил он, сорвется вся финансовая политика, а на революционной территории и без того развивается экономический кризис. Чэнь Гун-бо высказался за Ухань из соображений престижа и из-за отсутствия в Наньчане условий для надежной связи со всеми освобожденными НРА районами.

Как же отстаивал свои позиции Чан? Ему нужно было поставить под сомнение уже принятое в Кантоне октябрьское решение. Чан распространялся о том, что в момент его принятия мукденцы еще не обосновались в Пекине. Ныне же Чжан Цзо-линь уже объявил себя главой государства и готов драться с НРА. Положение в Хэнани становится очень опасным, хубэйские части ненадежны, и Ухань находится под серьезной угрозой. Между тем уже завязались бои в Чжэцзяне, и руководство ими лучше проводить из укрепленного Наньчана и т. д. Короче говоря, мы вновь видим Чана в амплуа ловкого, пронырливого демагога, умеющего прикрыть красивой словесностью истинные намерения.

Чжан Цзин-цзян и Гу Мын-юй поддержали Чана. Тань Янь-кай сначала промямлил, что в Кантоне вопрос был решен якобы лишь в принципе и в случае изменения ситуации решения, следовательно, можно пересмотреть, а затем поддержал временную, до выяснения положения дел, остановку в Наньчане. К сожалению, и Линь Цзу-хань, один из лучших руководителей КПК, дал себя провести демагогам. «Может быть, во время войны это и необходимо», — сказал он по поводу наньчанского варианта. Чжу Пэй-де дипломатично заявил, что у него нет обоснованного мнения.

В. К. Блюхер на заседаниях отсутствовал. Тем не менее он был осведомлен о ходе дискуссии и своевременно известил о происшедшем М. М. Бородина.

После совещания часть членов второй правительственной группы обосновалась в Наньчане добровольно, а другая часть превратилась фактически в почетных узников Чана и его группировки.

Хотя ЦИК формально рассматривал лишь проблему «столицы», но в дискуссии был гораздо более глубокий смысл. Это была борьба либо за развертывание массового движения, либо за всестороннее его сужение и ликвидацию. Позже М. М. Бородин, подводя итоги всему ходу китайской революции в 1924—1927 гг., говорил: «Ко времени решения в Наньчане от 3 января, решения, которое означало выступление «мартовцев» против нас, мы не были готовы выступить против них, но были достаточно подготовлены к тому, чтобы создать свой центр в Ухани». Говоря «мы», Бородин подразумевал всех искренних сторонников революции.

6 января уханьские левые телеграфировали в Наньчан: «Политбюро в Кантоне решило перевести ЦИК и национальное правительство в Ухань. На совещании с нами в Цзянси решение было подтверждено. Положение укрепляется, массы нам верят. Занятие концессии (в начале января 1927 г. уханьские массы захватили в ответ на провокацию империалистов иностранную концессию в Ханькоу. — *А. Ч.*) требует присутствия национального правительства в Ухани, вожди должны быть впереди масс во время движения. Если нет сильных военных перемен, решение не следует менять. Окончательное решение должен принять Пленум ЦИК, до тех пор надо держаться прежнего решения».

В пользу переезда властей в Ухань развернулась широкая массовая агитация, многочисленные общественные организации принимали резолюции по этому вопросу. «Левые» гоминьдановцы, в то время еще не считали целесообразным сосредоточить огонь критики на Чан Кай-ши. В принятых документах говорилось о «феодальных темных силах», или резко критиковался ближайший сподвижник Чана Чжан Цзин-цзян. Петиции о переезде направлялись в адрес самого Чан Кай-ши. Вообще в ходе конфликта Ухань—Наньчан все более очевидной становилась ограниченность революционности «левых», их непоследовательность, явная неприязнь к массовому движению.

Интересны в этой связи соображения Тань Янь-кая, высказанные им коммунисту — начальнику политотдела корпуса Ли Фу-чуню: «Положение в Гуандуне тяжелое. Чжан Цзин-цзян очень недоволен КПК и считает, что все безобразия и беспорядки делаются коммунистами. Между Чжан Цзин-цзяном и Бородиным был конфликт из-за желания Бородина объединить ЦИК и Политбюро. Чжан Цзин-цзян и некоторые «левые» считают, что усиление массового рабочего, крестьянского и студенческого движения есть дело рук КПК и поэтому это движение надо подавить. Я думаю, что Чжан Цзин-цзян будет уговаривать Чан Кай-ши идти на провокацию. Надо ослабить это движение, дабы избежать конфликта».

Но в рассматриваемый период уханьские «левые» еще продолжали произносить самые революционные речи: их подстрекал к этому рост массового движения. А кроме того, позиции Чан Кай-ши не были еще прочными. Значительная часть армейских лидеров, опасаясь слишком большого усиления главкома, высказывалась за уханьский центр.

7 января 1927 г. состоялось заседание в Ухани, посвященное специально проблеме местопребывания. Было решено послать делегатов и телеграмму Чан Кай-ши с требованием немедленно приехать в Ухань.

В свою очередь Чан Кай-ши, чувствуя шаткость своего положения, телеграфировал М. М. Бородину, чтобы он приехал в Наньчан для решения больного вопроса. Но В. К. Блюхер в то время сообщил Михаилу Марковичу, что у него побывали уже несколько

командиров корпусов с просьбой повлиять на Чан Кайши в направлении оставления правительства в Ханькоу. Бородин решил, что ехать — значит уронить престиж, и отговорился под тем же предлогом, что и в телеграмме Совета (захват концессии).

Пришлось Чан Кай-ши волей-неволей отправиться в Ухань. 12 января 1927 г. он там был встречен толпами революционного народа, несущими лозунги: «Правительство и главнокомандующий должны быть в Ухани!» Такие же фразы пришлось ему видеть и слышать во всех крупных общественных организациях и на банкете в его честь, где среди 400 приглашенных были и представители торговых палат и рабочие. 13—15 января Чан Кай-ши вынужден был согласиться на немедленный переезд правительства, сделав оговорку о себе лично: «Конечно, я готов переехать, но вы знаете, что главнокомандующий должен находиться ближе к фронту, а фронт, как вам известно, сейчас находится на востоке, части дерутся в районе Чжэцзяна и Нанкина».

Как впоследствии оказалось, согласие Чана было, как и бесчисленные другие его политические акции, сплошным лицемерием. Вместе с тем в Ухани Чан еще раз почувствовал, что можно рассчитывать на политическую и денежную поддержку компрадоров. Его земляки — нинбоская гильдия ханькоуского купечества (Нинбо — город в Чжэцзяне на родине Чана. — *А. Ч.*) подарила ему миллион долларов, который он не замедлил увезти с собой в Наньчан.

Позже М. М. Бородин рассказал о том, что наибольшей политической опасностью в ту пору он считал незамедлительный поход НРА на Шанхай. Если бы члены правительства остались в Наньчане, царившая там реакционная атмосфера быстро повлияла бы на неустойчивых, колеблющихся «левых» и уханьского периода революции могло бы вовсе и не быть. А он при всех тяготах для масс, при всем трагизме событий сыграл огромную роль в революционном воспитании широких кругов китайского народа.

Однако и в Ухани «левые» с каждым днем становились все ненадежнее. Среди них наметилось расслоение на две группы. Часть рассуждала так: «Нечего жаловаться, что нас не пускают в массы коммунисты,

мы должны сами выбить коммунистов из их позиций в массах». Эти «левые» все более и более сближались с центристами и правыми.

В экономической политике, в социальном законодательстве «левые» пытались во имя единства национально-революционного фронта сглаживать острые углы, избегать по возможности решительных действий даже тогда, когда к ним явно вынуждала обстановка. Еще летом 1926 г. в связи с трудовыми конфликтами был введен принудительный правительственный арбитраж, для чего создавались специальные суды.

В декабре 1926 г. военщина стала самовольно подавлять революционное движение на местах. Хунаньское гоминьдановское правительство, в котором преобладали «левые», выносило выговоры частям за расправу с крестьянами, посылало следственные комиссии. Членов комиссий распоясавшиеся реакционеры попросту убивали и оставались безнаказанными. За «левых» были лишь вооруженные палками пикетчики. Вообще «левые», по характеристике М. М. Бородина, «бряцали оружием только на словах, а к решительной схватке не готовились». Короче говоря, при всей серьезности разногласий между чанкайшистами и «левыми» истинный «водораздел» революционных и контрреволюционных сил проходил не здесь.

Между тем очутившиеся в Наньчане члены ЦИК стали потихоньку самовольно подаваться в Ухань. 2 февраля из Наньчана тайно бежал Дэн Янь-да, за ним последовал Гу Мын-юй. Советник Теруни сообщил в этот же день М. М. Бородину, что настроение у всех циковцев за переезд, он им советует уезжать поодиночке. «Отношение к советникам «двадцатое» (имеется в виду «20 марта». — *А. Ч.*). Тань Янь-кай, отправив корпус в Чжэцзян, тайно дал своему заместителю указание не участвовать в боях, сам Тань стоит за тайный переезд в Ухань. Гу Мын-юй по приезде в Наньчан сделал любопытное заявление (надо думать, что он тогда высказывался вполне искренне): „Я больше не могу верить Чан Кай-ши, каждый раз, когда я ему доверял, он меня обманывал"».

Подъем массового движения накладывал отпечаток на позицию уханьской части руководства гоминьдана. 25 февраля состоялось частное совещание 25 членов

ЦИК и контрольной комиссии. На нем были приняты воззвание к Чан Кай-ши с призывом не противиться переезду, решение о повсеместном объединении финансов (против сосредоточения денежных средств у главкома и отдельных милитаристов), о подчинении всей иностранной политики МИД (против сепаратных отношений Чана с империалистами), о воссоздании военного совета, о революционном единстве с КПК, причем собирались созвать совместную конференцию двух партий.

Часть «левых» гоминьдановцев была еще действительно искренне революционна. Ее настроение выражал генерал Дэн Янь-да. В конце февраля — начале марта 1927 г. он опубликовал программные статьи революционного гоминьдана: против единоличной диктатуры за крепкую революционную партию, рабочее и крестьянское движение. Он, в частности, писал: «Наша страна — крестьянская, сотни миллионов угнетенных крестьян изнывают в непосильной борьбе, еле могут существовать, и если мы не поможем их освободить, то мы окажемся не революционной, а контрреволюционной партией».

Многие «левые» гоминьдановцы по-прежнему питали надежды на то, что их положение существенно улучшится с возвращением Ван Цзин-вэя. В конце февраля Вану была направлена телеграмма: «Результаты 20 марта налицо, милитаристы разрушают партию, и сейчас мы не способны что-либо сделать. Приезжайте, возглавьте правительство и партию».

В Ухани готовился пленум ЦИК гоминьдана. Перед ним в Ханькоу прибыл и Тань Янь-кай и еще несколько членов высшего исполнительного органа. Внутри «левого» крыла по вопросу о приезде Чан Кай-ши возникли две группы — более решительная во главе с Дэн Янь-да и Сюй Цянем категорически требовала подчинения Чана партийной дисциплине; «миролюбивая», колеблющаяся, возглавлявшаяся Тань Янь-каем, твердила, что уханьцы якобы зря атаковали Чана, обвинили его в стремлении к диктатуре. В итоге был достигнут компромисс: открыть пленум, не поднимая вопроса о Чан Кай-ши.

10 марта заседание ЦИК состоялось. Были приняты декларации к угнетенным всего мира, к рабочим и кре-

стьянам Китая, к партии. Было решено осуществлять «три политических установки» Сунь Ят-сена, исходя из интересов рабочих, крестьян и других слоев трудящихся. Пленум санкционировал создание двух новых министерств — министерства земледелия и внутренних дел и министерства труда, во главе обоих были поставлены коммунисты.

Внешне все выглядело так, что победа была за «левыми» гоминьдановцами, «по крайней мере победа, словесно декларированная», осторожно отметил Бородин.

Чан Кай-ши снимает маску

Эта оговорка М. М. Бородина, к сожалению, имела серьезные основания. В то время как «левые» постоянно проявляли колебания: то принимали чрезвычайно революционные решения, то неоправданно сдавали позиции без боя, Чан Кай-ши твердо взял курс на сосредоточение всей власти в своих руках, на подавление левых сил и проводил его весьма последовательно, несмотря на всю демагогическую маскировку. М. М. Бородин, используя метеорологические параллели, заметил, что до взятия Наньчана на политическом небе революционной территории господствовала переменная облачность, а затем все затянули тучи.

До победы в Цзянси Чан Кай-ши был более зависим от революционных сил, а теперь он мог вновь выступить активным проводником идей 20 марта. Позиция Чана отражала настроения и намерения всей реакции, напуганной натиском масс.

Уже в ноябре 1926 г. в Хунани некоторые батальонные командиры производили налеты на крестьянские союзы. Крестьянских вожаков объявляли бандитами и жестоко избивали. Массовое движение отшатнуло вправо многих офицеров и генералов — вчерашних милитаристов, оно позволило, в частности, Чану переманить в свою группировку гуансийцев, а также Хэ Яо-цзу — реакционера и японофила, смертельного врага Тан Шэн-чжи. Вокруг Чана сосредоточивалась постепенно

вся военщина, осознававшая, что с аграрной революцией ей не по пути.

Чан хотел в первую очередь понадежнее закрепиться в Цзянси и в Гуандуне. В начале декабря 1926 г. Чан Кай-ши и Ли Цзи-шэнь обменялись телеграммами о необходимости подавления революционного движения в Гуандуне.

Чан Кай-ши понимал, что для подавления масс надо в первую очередь лишить их руководства, он стремился ликвидировать гоминьдановские комитеты, где преобладали коммунисты и «левые». Намерения Чана хорошо проявились во время его беседы с Чэн Цянем, состоявшейся в двадцатых числах декабря. Чан жаловался, что гоминьдановские комитеты в Гуандуне, Хунани и Хубэе очень плохо работают. «Я имею сведения, что гуандунский комитет выбросил лозунг против новых милитаристов и национального правительства. Кто же это новые милитаристы?» — с показным возмущением спрашивал Чан. Поистине на воре шапка горит! «В Хунани, — продолжал он, — из-за ошибок провинциального комитета, в крестьянской организации имеется много бандитов (т. е. сторонников захвата помещичьих земель. — *А. Ч.*)».

Во время второго разговора с Чэн Цянем Чан ясно дал понять, на ком должны сосредоточить свою ненависть правые: «Гоминьдан — это пустое место. До сего времени работа в гоминьдане делалась не гоминьдановцами, а членами КПК. Сейчас крестьянское движение ведется под разными лозунгами, не отвечающими линии поведения гоминьдана». Чэн Цянь поинтересовался, что Чан собирается предпринять. В ответ услышал он лицемерные жалобы: «Вы не знаете, как трудно работать вместе с КПК, вы еще с ними не работали и не знаете всех трудностей».

Чэн Цянь возмутился: «Ведь это же политика нашего вождя Сунь Ят-сена: с одной стороны, связь с КПК, с другой — с СССР. Что же вы предлагаете?»

Достаточно широкий круг политиков, общавшихся с Чаном, не строил себе иллюзий насчет его истинных намерений. Когда Чан соглашался на возвращение Ван Цзин-вэя, все понимали, что это не более чем двойная игра. Тань Янь-кай рассказывал: «Чан Кай-ши на самом деле не хочет возвращения Ван Цзин-вэя. Я читал те-

леграмму Чана к Чжан Цзин-цзяну, где он пишет о наличии у него сведений о том, что Ван Цзин-вэй действительно хочет возвратиться. Чан предлагает принять меры противодействия этому».

Уже в ноябре Чан Кай-ши зондировал почву в милитаристском лагере. Он вел тогда переговоры с мукденцами фактически от своего имени, национальное правительство вначале только упоминалось. На заседании членов ЦИК и правительства в начале января Чан фактически сумел околпачить «левых». Он поставил себе две основные цели: добиться санкции на реорганизацию цзянсийского провинциального комитета гоминьдана и на временное пребывание правительства в Наньчане. Обеих целей Чан достиг. На какие же уступки ему пришлось пойти ради этого?

«Левые» придавали огромнейшее значение возвращению Ван Цзин-вэя. Чан при всей неприязни к этой акции все же понимал, что ничем действительно серьезным приезд Вана ему не грозит. Церемония согласия на возвращение Ван Цзин-вэя была проведена в духе «лучших традиций» феодальной китайской дипломатии. Чан объявил, что он предлагает вовсе уничтожить должность председателя гоминьдана, а заодно и пост генерального секретаря. Председателем же правительства следует вновь сделать Вана. Чан сразу убивал двух зайцев, он делал показную уступку и получал уверенность в том, что отныне гоминьдановское руководство, раздираемое противоречиями, станет коллегиальным, т. е. реального соперника у него не будет.

«Левые» (Тань Янь-кай и др.) встали на формально-юридическую позицию: должность председателя выборна, поэтому решить вопрос до пленума ЦИК невозможно. Что касается Вана, то он с поста главы правительства не снят, «а мы только его заместители» (как сказал Тань Янь-кай). Вместо генерального секретаря был образован секретариат из трех человек (Гу Мын-юй и др.). Выбрана была делегация также из трех человек с участием Гу Мын-юя для передачи приглашения Ван Цзин-вэю, «местопребывание которого неизвестно». Все прочие вопросы решено было отнести на пленум ЦИК 1 марта 1927 г. Итак, Чан, сделав мнимо существенную уступку, получил возможность придушить массовое движение в Цзянси.

На совещании оратором, подголоском Чана, по этому вопросу был Чэнь Го-фу, один из будущих лидеров чанкайшистского контрреволюционного гоминьдана. Именно он предложил обсудить вопрос о состоянии провинциальных комитетов в связи с «ненормальными явлениями в них». Цзянсийский комитет должен был быть реорганизован по гуандунскому образцу. Это и было осуществлено сразу же после совещания.

Выборы проводились по системе, полностью гарантировавшей Чану насаждение в Цзянси своих людей. ЦИК гоминьдана и прежний провинциальный комитет выдвинули по 24 кандидата, цзянсийский съезд отобрал из них 27 человек, а ЦИК затем из числа последних выбрал по своему усмотрению девятерых. Такая «демократия» привела к тому, что в комитете оказалось семь заядлых правых, один «полулевый» и лишь один коммунист, как бы в насмешку назначенный заведующим отделом по работе с купечеством. В итоге в Цзянси уже с января 1927 г. наступила полоса господства реакции.

На банкете после совещания Чан выступил с горячей речью. «Между армией и массами существует разрыв, — заявил он, — этот разрыв увеличивается, и объясняется он тем, что рабочими организациями руководят «не члены нашей партии», они ведут массы по ложному пути. Это может привести к расхождению между гоминьданом и массами».

4 января 1927 г. Блюхер телеграфировал Бородину: «Последние сведения о рабочем и крестьянском движении, особенно в Гуандуне, приводят многих в панику. Виновником считают КПК. В связи отчасти с этой причиной идут секретные переговоры о выходе КПК из гоминьдана... Положение требует вашего приезда, а то Чан Кай-ши обработает всех в свою пользу. Даже этих беспринципных левых».

В военной области Чан Кай-ши стал усиленно проводить свой план прорыва на Восток, «в объятия империалистов». Он начал принимать оперативные решения, не ставя о них В. К. Блюхера в известность.

Т. Лонгва из советского посольства в Пекине 8 января сообщал: «Чан Кай-ши независимо от общего плана форсирует наступление на Чжэцзян... Чан хочет захватить побережье, но оперативного плана у него нет. Характерно, что приказы о направлении дивизий он не

сообщает Блюхеру». Используя свои права главкома, Чан стал единолично назначать командиров корпусов.

Надо сказать, что стремление на Восток не всегда способствовало сплочению всех реакционеров вокруг Чана, например гуансиец Ли Цзун-жэнь, чей корпус был переброшен в Восточный Хубэй, опасался, что он может быть всерьез втянут в ненужную ему войну за Чжэцзян. Чан с новым рвением пустился в интриганство. 18 января он уезжает в Кулин, обрабатывает там тщетно Чэн Цяня, ругает Бородина, грозит уйти в отставку, застрелиться и выкидывает всякие артистические фокусы, чтобы не дать Тань Янь-каю уехать в Ухань.

В эту пору Чан усиленно заигрывает и с Тан Шэнчжи, стараясь его изолировать от левых сил. Он разрешает ему иметь под своей командой три корпуса, обещает денежные субсидии, привлекает к работе в Политбюро ЦИК, обязывается на очередном съезде гоминьдана ввести в состав ЦИК. Тан Шэнь-чжи рассказывал о том, как Чан использовал гуансийских милитаристов для давления на него: «Ко мне после моего приезда в Наньчан обратились Бай Чун-си, Ли Цзун-жэнь и Ху Цзун-до: „Мы знаем, что у вас тяжелое положение, вы не можете собирать налоги из-за массового движения, которое делают коммунисты. Они хотят уничтожить гоминьдан. Мы должны подавить КПК, ограничить рабочее и крестьянское движение и подавить его, если необходимо — расстрелять виновников и выгнать коммунистов из гоминьдана. У нас есть право предложить ЦИК наши конкретные мероприятия, и давайте мы все поедем в Ханькоу для приведения их в исполнение».

Наибольшие усилия Чан, однако, прилагал тогда к тому, чтобы избавиться от М. М. Бородина. Он видел в нем серьезнейшее препятствие в борьбе за обуздание революционных сил. В двадцатых числах января 1927 г. он в качестве предлога выдвинул идею отправки М. М. Бородина в Москву с правильной информацией о ситуации в Китае. «Для этого годится только Бородин», — подчеркивал лицемерно Чан.

В начале февраля 1927 г. Чан Кай-ши уже требует отставки М. М. Бородина в качестве предварительного условия для своего переезда в Ухань. 2 февраля 1927 г. советник Теруни докладывал Бородину: «Основная задача Чан Кай-ши сейчас освободиться от Вас, который

только и мешает ему быть диктатором. Он предложил Чэн Цяню и Тань Янь-каю вместо вас просить СССР прислать Радека или Карахана. Одним словом, кого угодно, только не вас. Чан Кай-ши Вам телеграфировал (не знаю, получили Вы или нет), чтобы вы приехали в Наньчан, откуда он имеет намерение Вас через Кантон отправить в СССР. Чэн Цянь, Тань Янь-кай, Дэн Янь-да отправили телеграмму с предупреждением».

При всех дипломатических ухищрениях Чан Кай-ши удавалось добиться своего далеко не сразу. Помимо прочих причин этому мешали и острые противоречия между милитаристами. Никто из них не хотел поступаться шкурными интересами ради личных успехов Чана и его клики. М. М. Бородин отмечал: «Военные планы Чан Кай-ши подчинил интересам своей клики. Вместо наступления на Хэнань, где решается судьба северной кампании, он ведет военные операции в Чжэцзяне, а тем временем северяне стягивают войска в Хэнани для удара по народным армиям Фэна. Он восстановил против себя большинство ЦИК и командиров корпусов».

В конце февраля у Чан Кай-ши было самое тяжелое положение: Бай Чун-си, его начальник штаба и правая рука, был побит в Чжэцзяне, а 2-й и 6-й корпуса еще не успели подойти на фронт. Чан в этих условиях считал проведение решения о пленуме ЦИК в марте очень для себя невыгодным. Стремясь выиграть время, он прикидывался миролюбцем. В конце февраля он выпускает декларацию, где признает, что совершил ряд ошибок, принимает предложения ЦИК о приезде и пр. «во имя единства партии и дальнейших успехов национальной революции», но просит отложить пленум до завершения военных операций на востоке.

Чан Кай-ши до пленума потихоньку прибирал к рукам административную власть на подконтрольной ему территории. Он самостоятельно назначил начальника Нанкин-Ханьчжоуской железной дороги, которого министр из Уханя не замедлил снять. Чиновника, посланного МИД исследовать отношения с иностранцами, Чан сделал своим комиссаром по иностранным делам и финансам, после чего Политбюро ЦИК исключило этого человека из гоминьдана, и т. д. О том, чем закончилась поездка Чана в Ухань, я уже писал.

Фактически порвав с Уханем, Чан с утроенной энер-

гией стал громить революционные силы. Он считал, что время для этого настало, перестал возражать Чжан Цзин-цзяну, который предлагал обрушиться против народа еще в январе. 14 марта цзянсийский комитет гоминьдана распустил наньчанский городской комитет, революционный по составу. На другой день наньчанцы созвали чрезвычайное собрание, на котором потребовали поддержки недавних решений ЦИК, объединения всех партийных сил, централизации руководящих органов, поднятия авторитета гоминьдана.

На комитете присутствует Чан. Он произносит горячую речь: «Я не могу допустить и не допущу, чтобы подобный лозунг вносил смятение в наши партийные ряды. Единственный лозунг, который должен быть принят к исполнению городским комитетом гоминьдана, это — лозунг безусловной поддержки, подчинения решениям провинциального комитета как руководящего органа. Я, не задумываясь, приму все надлежащие меры против всякого, кто будет противодействовать решениям провинциального комитета».

Слушая тирады Чана, проникнутые фальшивым преклонением перед партийной дисциплиной, все знали, что цзянсийский комитет не был утвержден ЦИК.

Чан привел свои угрозы в исполнение. 15 марта он отправился в Цзюцзян. 16 марта там большая толпа хулиганов, вооруженная ножами и палками, атаковала городской комитет, совет профсоюзов, политотдел 6-го корпуса. Были убиты три члена комитета, один профсоюзный работник. Когда пикеты оцепили хулиганов, вмешались войска и их освободили. Чан заявил прибывшей к нему с жалобами делегации: «Я ничего не могу сделать. Это было желание народа». Городской комитет отправил делегацию и в ЦИК.

В тот же день были арестованы все члены наньчанского горкома, а также его казначей, лидеры студенческого движения в Наньчане, редакция левогоминьдановской газеты «Гуансы бао». Цзянсийский комитет отдал приказ о конфискации всех прибывающих из Ханькоу номеров газет «Миньюю жибао» и «Чугуан бао».

В Цзюцзяне и Наньчане было отрепетировано то контрреволюционное представление, которое впоследствии было в больших масштабах разыграно Чан Кайши в Шанхае.

После отъезда из Уханя Чан захватил инициативу. Это отразилось и в тоне его речей на так называемых «суневских понедельниках». Он кричал о том, что его противники недолго состоят в партии и оттого не имеют права обвинять его в узурпации власти, что он не даст себя слопать и т. д. Речи постепенно все более заострялись против «интригана Бородина».

Стремясь овладеть важной документацией и скрыть следы своих интриг и злодеяний, Чан захватил архив гоминьдана, отправленный уже было в Ухань. В Цзюцзяне на пароход, где находились документы, ворвались солдаты штаба Чан Кай-ши, избили архивных чиновников и конфисковали судно.

Начав контрреволюционные акты в Цзянси, Чан вошел во вкус. Кровавый след тянулся за ним из Цзюцзяна в Шанхай. Чан громил гоминьдановские комитеты в Аньцине, Уху, Нанкине и других городах.

Такова вкратце история нарастания противоречий между «левым» гоминьданом и центром революционного движения в Ухане, с одной стороны, и Чан Кай-ши и наньчанцами — с другой. «Левые» опирались, разумеется, в первую очередь на революционный подъем, охвативший несколько провинций, но они также делали попытки играть на противоречиях между милитаристами. Подобно тому как Сунь Ят-сен в Гуандуне на первом этапе старался использовать в интересах революции грызню генералов, выходцев из разных провинций, так уханьцы в какой-то мере опирались на взаимную ненависть Чан Кай-ши и Тан Шэн-чжи.

Псевдолевый соперник Чан Кай-ши

С развитием Северного похода, растекаясь по огромной территории, армия децентрализовалась, в том числе и политически. Это сказалось, в частности, в ослаблении влияния «мартовцев». Воспользовался им в первую очередь Тан Шэн-чжи. Он уже в июле 1926 г. поставил себе задачу иметь армию в 26 полков, но к декабрю он да-

леко превзошел эту наметку, объединив под своей властью 46 полков.

Громадная масса военных поглощала все доходы, извлекавшиеся правительством из провинции Хунань. И это явилось самой главной причиной плохого финансового положения уханьцев. Вдобавок Хунань целиком попала под контроль Тана лишь в конце января 1927 г., когда был убит Янь Цзю-минь, хозяйничавший с 10-тысячной группой в западной части провинции. Командир 9-го корпуса был арестован, а Хэ Лун, будущий крупный военачальник КПК, поставлен во главе отдельной дивизии.

Расширяя свои соединения, Тан был не очень-то брезглив в отношении источника пополнений. По характеристике Блюхера, Тан обрастал всякой дрянью и вчерашними упэйфуистами (к последним относились 9-я дивизия У, стоявшая на реке Хань, и Ся Доу-инь).

Разбухание армии и ее значительная роль в освобождении Уханя породили у Тана хвастливое самодовольство. Он говорил своим офицерам: «Мы сделали все, остальные — ничего». Тан стремился посадить в провинциальное хубэйское правительство (политический комитет) своих людей. Военное министерство было при этом отдано генералу из гуансийского 7-го корпуса Ху Цзун-до. Включен был в состав комитета и Ся Доу-инь.

Тан для поднятия престижа потребовал в сентябре 1926 г. в Наньху разделения своего корпуса на три. Чан Кай-ши ответил тогда злобной иронией: «Нам, видимо, придется делать национальный дом отдыха для командиров корпусов, уж очень много их наберется». Чан пробовал отделаться увеличением средств Тану, утверждением в Хубэе подобранного Таном политического секретариата и т. д. Но в конце концов право на три корпуса все же пришлось предоставить.

Тан Шэн-чжи, подобно Чан Кай-ши, чтобы заручиться поддержкой массовых революционных организаций, произносил временами весьма «левые» речи. По мере активизации контрреволюционных действий Чан Кай-ши эти речи делались все революционнее. Личные интересы Тана заставляли его временно солидаризироваться с уханьскими лидерами.

10 октября 1926 г. в обращении к жителям Хунани Тан призывал к развитию своей промышленности, к изг-

нанию империалистов и «освобождению крестьян от гнета, мешающего развитию внутреннего рынка».

Политическая структура освобожденной страны должна была, по его словам, представлять собой республику с системой собраний от сельских до общенационального. Тан провозглашал: «Крестьяне, рабочие, студенты, купцы и буддисты (!), объединяйтесь! Буддизм учит, чтобы человек жертвовал своей жизнью для других. Я могу отречься от своего «я», чтобы завершить революцию».

Все это не мешало Тану в ноябре 1926 г. вести самостоятельно переговоры с Сунь Чуань-фаном. Сунь и Цзян Бо-лин пытались втянуть Тана в свою коалицию, зная, что он недоволен ограничениями его деятельности в Хубэе. Тан, контролируя в основном Ухань, не был заинтересован в боях с Сунем, тем более что противники НРА активизировались в западном Хубэе и Хэнани.

Гуансийские милитаристы, выступавшие против крестьянского движения, старались перетянуть Тана на свою сторону. 19—20 декабря 1926 г. в Наньчане на военном совещании Ху Цзун-до распространялся о том, что народ-де отрывается от армии и это объясняется темнотой народа и кознями КПК. Единственный выход — кровавая расправа с массами.

Тан, однако, не считал целесообразным немедля перекинуться в лагерь реакции. Он ответил Ху примерно так: «Что же вы предлагаете? Я перешел к национальному правительству по вашему приглашению, а вы хотите сейчас, чтобы я пошел против народа. Я член гоминьдана, но плохо разбираюсь в политике, и что ЦИК захочет и постановит, то я и буду выполнять». После такого отпора «баодинцы» из 7-го гуансийского корпуса, в том числе и Ли Цзун-жэнь, окончательно переметнулись к Чан Кай-ши.

Тан Шэн-чжи играл весьма важную роль на последнем, уханьском, этапе революции. Поэтому небезынтересны те суждения, которые были им высказаны в январе 1927 г. одному из начальников политотдела корпусов. Разумеется, все эти фразы густо окрашены демагогией, но некоторым выводам никак не откажешь в здравом смысле: «Я теперь знаю, — говорил Тан, — что такое гоминьдан. Это не партия, а диктатура Чан Кай-ши. Что

Чан Кай-ши предложит, с тем все соглашаются, и никто не осмеливается выступить против. Если бы были левые, то они имели бы свое мнение по этим вопросам. Я даже сомневаюсь, может ли и в дальнейшем существовать левая группа...

Я знаю, что они решили остаться здесь (т. е. правые гоминьдановцы решили остаться в Наньчане. — *А. Ч.)*, во-первых, потому, что боятся меня (у меня больше сил), во-вторых, у меня в Хубэе и Хунани развитое общественное движение, которое руководится КПК, этого они также боятся. Они смотрят на национальное правительство как на собственность и скрывают его в Наньчане. Гоминьдановцы говорят, что они за народное движение, но когда это движение начинается, они выступают против и готовы даже подавить его.

Чан сейчас стоит на распутье: его передовой отряд — Дай Цзи-тао и Чжан Цзин-цзян уже пошли вправо, я думаю, что и он пойдет вправо и сделается контрреволюционером. Положение плохое, но не безнадежное. Если мы настоящие революционеры, мы не будем разбиты. Мы будем идти вместе с народом, вооружать его и обучать, и через шесть-семь месяцев мы получим блестящие результаты».

Чан Кай-ши в борьбе за власть приходилось считаться с сильным соперничеством Тана, и он всячески стремился сковать военную инициативу конкурента. Развертывая борьбу за Восточный Китай, Чан 2 февраля отдал Тан Шэн-чжи приказ, заняв оборонительные позиции, наблюдать за действиями противника в Хэнани.

Национально-революционная армия идет на Шанхай

Прорываясь в Чжэцзян, Чан Кай-ши, конечно, рассчитывал, что в родной провинции он сможет использовать стародавние связи в реакционных кругах. В Чжэцзяне между тем происходило следующее. После второго неудачного наступления НРА на наньчанском фронте местный гражданский губернатор объявил о независимости провинции. Однако дивизия Чжоу Фэн-ци, кото-

рая, как читатель, вероятно, помнит, ушла из Цзюцзяна во время решающих боев, прибыла в Чжэцзян. Здесь она блокировалась с местной дивизией Чэнь И. Свежеиспеченный правитель провинции был разбит и отброшен с войсками на юг. Соединение Чжоу Фэн-ци стало 26-м корпусом, а дивизия Чэнь И — 19-м корпусом НРА. Поистине корпуса росли, «как бамбук после дождя».

Довольно неопределенным было положение и в Аньхуе. Тан Шэн-чжи, внося свой мизерный вклад в наньчанскую битву, с опозданием повел наступление на армию милитариста Чэнь Тяо-юаня и оттеснил его в Аньхуй. Чэнь не порывал связи с «шаньдунцами», огромной группировкой милитариста Чжан Цзун-чана. В южной же части провинции постепенно утвердились 7-й гуансийский и 38-й корпуса НРА.

В ноябре—декабре 1926 г. прояснилась ситуация в западном Хубэе. Здесь держались остатки сил У Пэй-фу — пять дивизий, а также находилось около 20 тыс. солдат сычуаньского генерала Ян Сэня. Этот милитарист числился командиром 20-го корпуса, но вовсе не собирался выполнять свои широковещательные обязательства перед НРА. В конце концов, когда одна из дивизий 8-го корпуса Тан Шэн-чжи направилась очищать запад провинции, Ян блокировался с недобитыми упэйфуистами и ушел в свою «вотчину» — Сычуань.

В такой общей военной обстановке Чан рвался на Восток. Он игнорировал тот факт, что армия после жесточайших сражений в Цзянси остро нуждалась в отдыхе. Потери среди солдат в некоторых корпусах достигали 30—40%, а среди комсостава даже до 70%. Войска не имели средств, не были обеспечены теплым обмундированием.

Аргументируя свои приказы необходимостью поддержать «чжэцзянцев», Чан в конце ноября послал из Наньчана в Чжэцзян 1-ю дивизию 1-го корпуса с двумя вновь сформированными полками (всего пять полков, 6 тыс. солдат), при горной батарее из трех орудий. Результаты этой операции, как и многих других самостоятельных стратегических дерзаний Чана, были весьма плачевными.

Сунь Чуань-фан энергично отбросил части НРА, 9 января им пришлось без боя оставить Яньчжоу, после чего наступление Суня стало, впрочем, вялым и он лишь к

середине месяца занял Ланси. В НРА имелось множество больных и дезертиров. Во 2-й дивизии, которая подошла в качестве подкрепления к Яньчжоу, по этой причине выбыло из строя более 1000 человек, а другую дивизию вследствие полной деморализации пришлось даже разоружить.

На фронте создалось поистине угрожающее всем завоеваниям революции положение. Опасность была тем более велика, что раздираемый внутренними противоречиями лагерь милитаристов перед реальной угрозой углубления революции мог в какой-то мере объединиться с помощью империалистических посредников. Непосредственной опасностью была бы активная помощь шаньдунской военщины Чжан Цзун-чана остаткам суньчуаньфановских армий.

В этих условиях из двух зол приходилось выбирать меньшее. Наши советники, которые в принципе были против немедленного прорыва на восток, должны были спасать положение. При участии В. К. Блюхера был разработан так называемый план ликвидации противника в районе нижнего течения Янцзы.

Как и предыдущие документы стратегического значения, разработанные Блюхером, он давал детальный анализ обстановки как на отдельных направлениях, так и в целом. Общая суть замысла была такова.

Главные силы наступали в районе восток Цзянси — запад Чжэцзяна; войскам, расположенным в северной Цзянси и юго-восточном Хубэе, ставилась задача сковать аньхуйскую группировку врага.

Тан Шэн-чжи, занимая южную часть Пекин-Ханькоуской железной дороги и северную часть Хубэя, должен был принять активное участие в выполнении той же задачи и, кроме того, связать хэнаньские силы милитаристов.

Активная роль отводилась Фэн Юй-сяну. Он должен был до 10 февраля, продвинувшись по Лунхайской железной дороге, атаковать район Лоян—Чжэнчжоу. Таким путем он смог бы установить связи с революционным центром в Ухани и с теми частями противника в Хэнани, которые намеревались присоединиться к НРА. Затем Фэн должен был выделить часть сил для удара по Сюйчжоу, во фланг противника, а основные войска сосредоточить против наиболее мощной милитаристской груп-

пировки — мукденцев. Встреча народной армии Фэн Юй-сяна и НРА должна была бы состояться в Пекине.

По стратегическому плану НРА продвигалась вдоль Янцзы, к северу и к югу от реки. Правобережная группа под командованием Чэн Цяня состояла из его собственного 6-го корпуса, 2-го корпуса Лу Дэ-пина и 40-го корпуса Хэ Яо-цзу.

Чан Кай-ши отдал приказ о продвижении этих соединений на Восток. Группа насчитывала более 25 тыс. солдат.

В левобережную группу входили 7-й корпус Ли Цзун-жэня (он и был командующим), а также 10-й, 15-й и 33-й корпуса. Всего более 40 тыс. солдат.

Чэнь Тяо-юань в Аньхуе, командующий 20-тысячным войском, занимал колеблющуюся позицию, рассчитывать на его лояльность особенно не приходилось. Главная задача всего этого крыла заключалась в сущности в том, чтобы помешать шаньдунцам переправиться через Янцзы и прийти на помощь Сунь Чуань-фану.

Главный же удар должен был быть нанесен на район Ханьчжоу — Юйкан. На центральное направление помимо двух дивизий Чана, о которых уже говорилось, были подброшены еще две дивизии 11-го корпуса.

В «штатном расписании» НРА числилось огромное число корпусов. Внешне все это выглядело весьма импозантно. Командование НРА при этом и имело в виду также создать у противника и у населения преувеличенное представление о своих силах. На самом же деле боевые возможности НРА были весьма ограничены. В приказе о наступлении они подробно оценивались.

Вот как выглядели силы основных корпусов НРА: 1-й — 2 тыс. (на центральном направлении), 6-й — 2 тыс., 3-й — менее 3 тыс., 4-й — 3,5 тыс. старых боеспособных солдат и 2,5 тыс. присоединившихся, 2-й — 6 тыс. весьма ненадежных.

Сторонники Тан Шэн-чжи и члены «баодинской» клики составляли часть НРА, для которой, по оценке Блюхера, связь с гоминьданом и национальным правительством служит средством достижения личных выгод и высокого положения. Конечно, эту характеристику можно было бы распространить безошибочно на всех вчерашних милитаристов. Во всяком случае, 7-тысячный 7-й корпус никакого желания продолжать военные дей-

ствия не проявлял. 8-й корпус состоял из 25—30 тыс. солдат, но из них лишь 15 тыс. были боеспособны.

Еще хуже обстояло дело со скороспелыми, только что образованными корпусами. О 19-м и 26-м мы уже говорили. 9-й и 10-й корпуса, потерпев поражение в западном Хубэе, отступили в район Чандэ в Хунани; 10-й корпус состоял из гуйчжоуских войск; 15-й корпус был развернут из хубэйской дивизии, сведения о его численности весьма противоречивы, 40-й корпус (менее 8 тыс. солдат) создавался на базе хунаньской дивизии, перешедшей к НРА.

Важное значение в плане отводилось войскам восточного направления, хотя здесь было значительное количество больных и дезертиров. Резерв главного командования составлял 3-й корпус Чжу Пэй-де, размещавшийся в районе недавних ожесточенных сражений на железной дороге Цзюцзян—Наньчан. Он спешно пополнялся.

Центральным направлением командовал гуансийский милитарист Бай Чун-си, который стал начальником штаба Чан Кай-ши. По указанию Чан Кай-ши он должен был еще до сосредоточения войск восточного направления развить решительное наступление, нанеся основной удар на Яньчжоу—Ланьси (1-я, 2-я и 21-я дивизии), 26-й корпус при этом двигался на Цзиньхуа, а левым соседом был 2-й корпус. Идея была все та же — своими собственными, подконтрольными, силами раньше других прорваться в Шанхай.

По приказу войска должны были занять исходное положение к 20 января, однако из-за скверной связи и других причин начало операции задерживалось; в течение 10 дней на чжэцзянском фронте царило затишье. Между тем милитаристы разбили в районе Наньху—Тайчжоу оторванный от главных сил 19-й корпус НРА.

Те части, которые готовились наступать в Чжэцзяне, составляли относительно очень небольшую долю общей численности НРА. К середине января в НРА состояли примерно 180 тыс. солдат, она располагала 660 пулеметами, 290 пушками, 180 бомбометами. Это была внушительная сила. Но на основном ударном направлении было, как мы видели, мало войск, да и те не имели даже минимально необходимого количества боеприпасов. Перед операцией на одну винтовку в среднем приходилось по 150 патронов, а на орудие — по 50—57 снарядов.

Но и Сунь Чуань-фан, хотя он делил свою группировку на пять армий, реально мало что мог противопоставить НРА. Наступать его, в сущности, более всего побуждало давление соперника, шаньдунцев, которые сосредоточивались вдоль линии железной дороги Нанкин—Шанхай.

Фактически в направлении Ханчжоу—Шанхай имелись лишь остатки 7-й дивизии Суня, да еще две дивизии стояли в Чанчжоу и Исине. Всего 45 тыс. солдат. На фронт же он мог бросить не более 25 тыс., остальные части нужны были для охраны тыла.

В начале января 1927 г. в Шанхае формировалось пять дивизий, но из них две были неблагонадежны: готовились перекинуться к НРА. Колебалась и 6-я отдельная бригада. В сочетании с развертыванием мощнейшего забастовочного движения в Шанхае это создавало с тыла большую опасность противнику.

Тем более реальной была угроза единоличного захвата Чан Кай-ши Шанхая. Не надо забывать, что все эти военные операции развивались на фоне ожесточенной политической борьбы между массами, возглавлявшимися коммунистической партией, левым крылом единого фронта, с одной стороны, и все более ожесточавшимися скрытыми реакционерами из рядов правых — с другой.

Будучи советником войск восточного направления, я был оторван от информации о событиях, происходящих в Ухане, Кантоне и других узловых пунктах революции. Тем не менее я знал, что Бородин считал взятие Шанхая войсками, верными Чан Кай-ши, чрезвычайно опасным для революции. Войска подтягивались на восточный фронт по выработанному В. К. Блюхером плану, и по мере их сосредоточения угроза серьезного удара милитаристов ослабевала. Наступление центральной группы Бай Чун-си начало развиваться успешно. В этой обстановке я занял позицию, которую и поныне считаю правильной. Я старался всячески оттянуть продвижение войск на Шанхай. А увидев, что Бай Чун-си может прийти в Шанхай ранее, старался сделать все, чтобы его задержать.

Я постарался использовать безудержное честолюбие Хэ Ин-циня, который не хотел допустить, чтобы кто бы то ни было его опередил.

Обстоятельства, в которых я очутился, были очень нелегкими. Мой непосредственный подопечный Хэ Инцинь стал все более откровенно демонстрировать контрреволюционные настроения. После разоружения 1-й фуцзяньской дивизии, когда перед войсками восточного направления открылся путь через Фуцзянь, Хэ словно подменили. Он почувствовал себя на гребне волны, делающим большую карьеру. Сначала он еле выдавливал сквозь зубы слова о том, что «мы против империализма и северных милитаристов», а затем и вовсе свернул всю политическую работу как в армии, так и среди населения.

В связи с этими настроениями Хэ я запрашивал В. К. Блюхера и М. М. Бородина о том, как мне следует реагировать. Однако никаких инструкций не поступило. Видимо, было распоряжение задерживать мои телеграммы, так как позже я напрасно искал их в архивах. Я не только лишен был возможности держать наше руководство в курсе событий на восточном направлении, но и сам был оторван ст наиболее серьезных источников информации.

По доходящим слухам я мог лишь ожидать повторения «событий 20 марта» в новой обстановке. В правильности общей оценки положения меня в какой-то мере утвердила телеграмма от А. В. Благодатова (Роллана), начальника штаба В. К. Блюхера: «Группа Бай Чун-си решается на изолированное, в общем оперативном смысле вредное наступление...»

Свое понимание смысла происходящих событий я попытался передать советникам, состоявшим при войсках Бай Чун-си В. Коми (Панюкову) и Василевичу. В осторожно составленном тексте телеграммы я старался дать им понять, что лучше было бы не торопиться с наступлением и, может быть, даже пойти на отступление. Однако товарищи не смогли оценить правильно мое предупреждение.

Как я позже узнал, В. Панюков высказывался в том духе, что я-де попросту не верю в его воинские способности. Дело в том, что во время второго Восточного похода против Чэнь Цзюн-мина Панюков состоял при 3-й дивизии, потерпевшей поражение. Кроме того, В. Панюков полагал, что, будучи в Фуцзяни, я не способен верно оценить обстановку. Исходил он при этом лишь из

чисто оперативных военных соображений и отвлекался от политических, т. е. от существа дела.

К середине января войска восточного направления располагались так: 1-й корпус (8 тыс.) — в Цзиньхуа, 14-й корпус (6 тыс.) — в Гучжоу, 17-й корпус (4 тыс., резерв) — в Вэньчжоу. Всего, таким образом, имелось 18 тыс. солдат при 64 пулеметах, 21 пушке и 13 бомбометах. По приказу эта группировка должна была выступить в середине января, причем основные силы (3-я, 14-я дивизии и еще одна дивизия 14-го корпуса — 9 тыс. солдат) двигались на Янпин—Чжаншан, а другие две дивизии 14-го корпуса (5 тыс. солдат) наступали вдоль берега на Вэньчжоу. Наступление развивалось чрезвычайно медленно, прежде всего из-за отсутствия средств. 4 февраля без моего согласия Хэ Ин-цинь предпринял нелепую с военной точки зрения акцию: разоружил одну из бригад, потеряв без нужды хорошее соединение. Несмотря на то что противника в соприкосновении с нами не было, восточная группировка сосредоточилась в районе Ханчжоу лишь в конце февраля 1927 г.

Здесь я прошу у читателя позволения сделать небольшое «лирическое отступление». Я искренне опасаюсь, что вы, уважаемый читатель, утомлены бесконечным описанием воинских операций, перечнем соединений и частей, их пунктов сосредоточения и т. д. Позвольте же мне поведать об одном занятном эпизоде, передающем, по-моему, атмосферу тех лет. Назовем этот эпизод так: «Назвали груздем — полезай в кузов!»

В Ханчжоу жили мы в гостинице. Как-то довелось нам очутиться за одним столом с американскими дельцами. «Скажите, вы русские военные?» — такой вопрос слышали все мы не впервые, англоязычная пресса в Китае не уставала распространяться о советниках. Мы назвались корреспондентами советских газет.

В завязавшемся разговоре мне пришлось пофантазировать на тему о специфике журналистской деятельности. Когда мы поднимались по лестнице, Иван Василевич, обняв меня за талию, искренне восхитился: «Ну и артист же ты, Саша! Заливаешь, как драматург!» — «Был уже им!» — буркнул я. «Подожди-ка... А ведь верно! Нам кто-то рассказывал, когда приехал из Пекина... Саша — не отвертишься, излагай все подробно!» — «Ну, так и быть!»

Мы, Василевич, Панюков, Шевалдин и я, поудобнее уселись в вестибюле. За куревом я поведал друзьям следующее.

Было это вскоре после моего приезда в Пекин — летом 1923 г. Начинающие красные дипломаты обладали великолепным ораторским искусством. Обучила революция — споры до хрипоты с врагами партии, солдатские митинги, маевки... Но с составлением нот, дипломатических бумаг, условностями международной переписки дело обстояло хуже. Многим нашим товарищам, по замечательному определению советского поэта-воина латыша Эйдемана: «Было легче бороться с Деникиным, чем прорываться сквозь проволочные заграждения цифр, и легче строчить свинцом, чем строчить неуклюжие буквы на бумаге».

Этим и объяснялся тот факт, что значительный процент служащих посольства составляли представители старой интеллигенции, великолепно знакомые с таинствами этикета. Нас же, грешных, должен был вводить в обстановку военный атташе, однако он и сам начинал новое дело. Пришлось нам ориентироваться самим. В конце концов мы овладели секретами формальностей дипломатического мира, внесли много своего — четкость, быстроту. На первых же порах было трудновато.

Посольские интеллигенты были воспитаны на классиках: Пушкине, Тургеневе, Блоке. Они впитали любовь к высокой литературе с материнским молоком, обожествляли ее. Как и до революции, они частенько затевали литературные вечера, любительские спектакли. Однажды на «мероприятии» такого рода я и отличился. Действуя как слон в посудной лавке, я неожиданно зажег бурю страстей.

Вечер был посвящен советской драматургии. Доклад делал наш английский переводчик. В ходе выступления он, к моему немалому ужасу, не единожды упоминал мою фамилию. Говорил он примерно следующее: «Я-де не специалист, а жалкий любитель, будучи в Пекине, я оторвался от новинок советской драматургии. Но это не беда. Меня несомненно дополнит недавно покинувший Москву драматург Александр Иванович Черепанов...»

В чем же тут дело? Атташе А. И. Геккер был «липовым» конспиратором. Он решил представить нас в посольстве в качестве студентов-восточников. Но одновре-

менно без нужды осложнил ситуацию, выдав каждому по специальности: Терешатова объявил врачом, Германа — археологом, а меня — драматургом. Взглянув на мое фото, он, на беду мою, почему-то решил, что я внешне похож на писателя. И вот теперь «драматург поневоле», слушая дифирамбы в свою честь, был ни жив ни мертв.

Я лихорадочно припоминал, видел ли я когда-либо хоть какую-нибудь пьесу советского автора. Мелькнула мысль: сбежать! Но я сидел в противоположном от двери конце, да и совесть не позволяла. Между тем начались довольно-таки вялые прения. Председатель буквально вытягивал на трибуну. Я уже надеялся отсидеться. И тут получил записку от Геккера.

Анатолий Ильич восседал в полном дипломатическом облачении. Буйные кудри были насильственно приглажены. Он собирался на прием. Начальство категорически требовало моего выступления.

Я походил на загнанного в тупик деревенского парня, которого собираются избить сверстники с другого конца села. Внезапно я сообразил, что держу в руках том Демьяна Бедного. А что, если! И попросив слова, я начал с Пушкина:

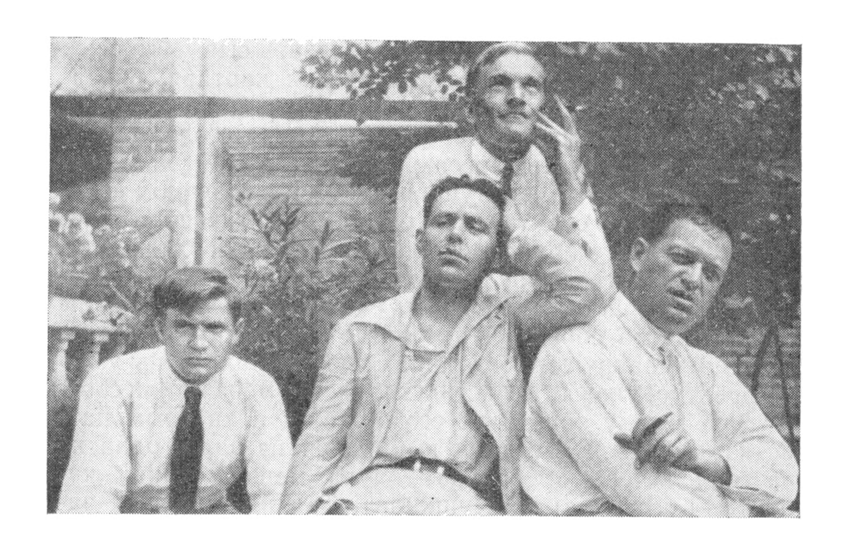
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков чистых и молитв...

В юности я очень любил эти строки, ибо и сам воображал себя поэтом. Кропал вирши, не умея ямба от хорея отличить. Теперь же Пушкина, а вслед за ним Блока с «Незнакомкой» и «Снежной королевой» и Надсона я зачислил в представители «искусства для искусства». В противовес им я выдвинул Демьяна. Я привел его слова из стихотворения «Мой стих» о том, что голос его огрубел в бою:

И стих мой... блеску нет в его простом наряде,
Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой» восторженно немой... и т. д.

Затем последовало «Прости мои песни»:

Не соловьиные трели
Выводил я на нежной свирели...
Не свирелью был стих мой — трубой...

Советские военные советники в Китае: Н. Терешатов, А. Черепанов, П. Смоленцев, Я. Герман

Резко громил я дворянских поэтов, восхвалял пролетарских и окончил все опять-таки цитатою из Демьяна:

В последний раз с дворянской тонкой шпагой
Скрестили мы наш боевой топор.

Я сильно задел аудиторию, покусившись на святая святых, на корифеев. Сегодня я вижу наивность своей позиции, но тогда надо было отстаивать и Бедного и Маяковского. Особенно растревожил я женскую половину аудитории. Посольские наши дамы из интеллигенции и тогда еще, давным-давно расставшись с гимназией, народив детей и пережив революционные годы, плакали над красивостями Надсона:

Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана, она еще цветет.
Пусть арфа сломана, аккорд еще рыдает,

Едва я опустился в изнеможении на свое место, как заговорили все разом. Даже те, кто на литературных вечерах никогда рта не раскрывал. Особенно горячо

ораторствовал «костюмер» посольства, сын бывшего генерал-губернатора. Аристократически картавя, он защищал Блока: «Г'азве можно посягнуть на осуждение такого стихотвог'ения! В обг'азе Снежной ког'олевы Блок воспевает нашу мать Г'оссию, наг'од г'усский...» К счастью, внешность выступавшего великолепно контрастировала со смыслом его речей: он, готовясь к приему, надушился, напудрился, даже завился и был облачен в дипломатический сюртук.

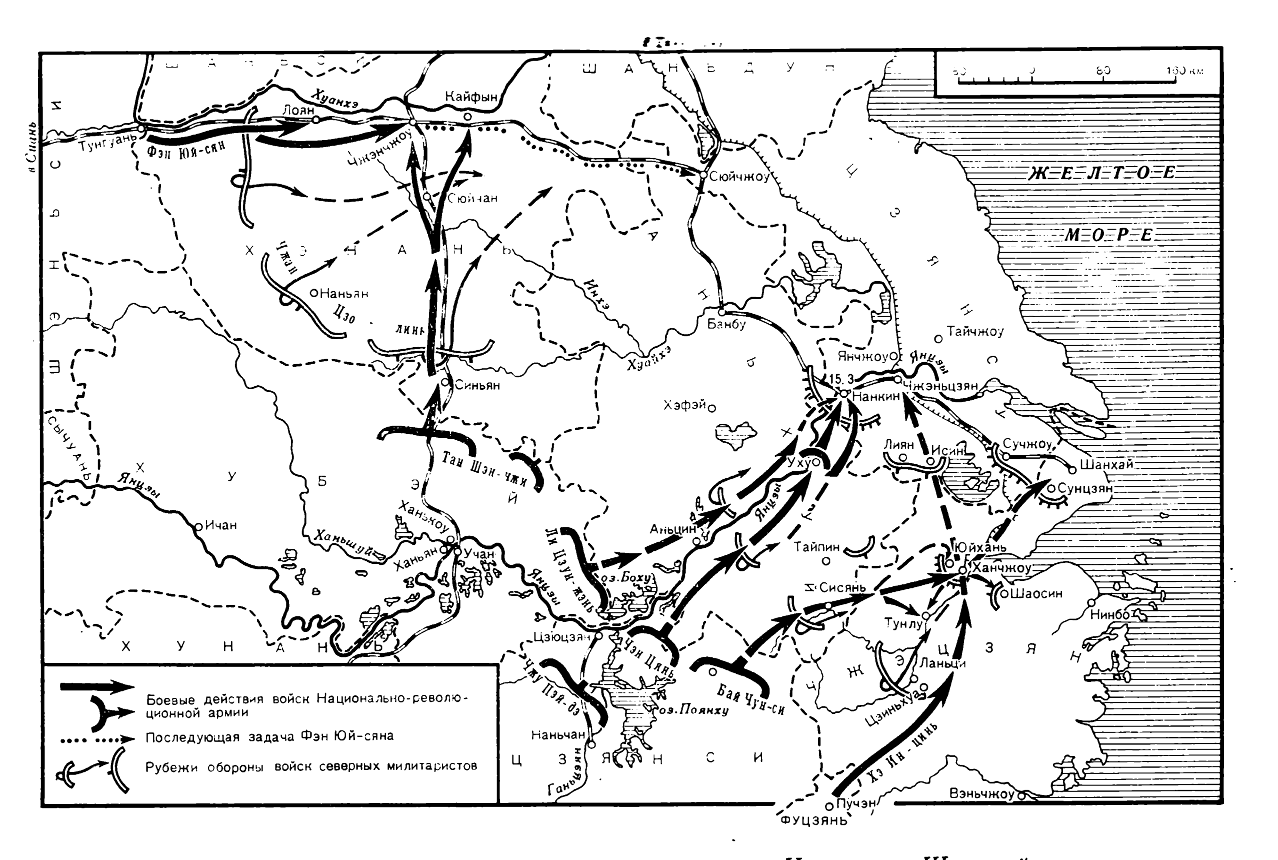
Когда страсти накалились окончательно, присутствовавшие на собрании партийцы поручили одному из секретарей закруглить прения. Он выступил очень умно и корректно, уязвил, в частности, «костюмера» за несоответствие между западным его обликом и квасным патриотизмом речей. Когда я выбирался из зала, одна из участниц вечера пребольно ткнула меня в спину кулачком — «Это вам за Пушкина». Так или иначе я защитил свою принадлежность к драматургическому воинству, а по прошествии лет осознал, что тумак был мною заслужен.

Ханчжоуская компания изрядно веселилась, слушая мою исповедь...

Перейдем теперь к дальнейшему описанию боевых действий НРА... (см. карту 8).

Бай Чун-си в конце января перешел в наступление. 29 января в 20 километрах к западу от Ланьси произошел 16-часовой бой с главными силами Сунь Чуань-фана (четыре дивизии). Милитаристы потеряли 2 тыс. убитыми, ранеными и пленными, были захвачены восемь пулеметов и три орудия. Однако преследование разгромленного врага не было сразу же организовано, больше того, войска даже были отведены, причем два полка 2-й дивизии из-за путаницы на поле боя были обстреляны своими же. Все это связано в первую очередь с нервозностью Бай Чун-си. Тем не менее победа была весьма значительна.

На радостях Чан Кай-ши отдал 2 февраля приказ в течение месяца решить «восточный вопрос», а затем двинуться на Север по Тяньцзинь-Пукоуской железной дороге. Конечно, этот приказ не отражал всей сложности ситуации. Продвижение Бай Чун-си предупредило на неделю намерения Сунь Чуань-фана самому перейти в наступление. Теперь же две из его дивизий отошли на

Карта 8. Наступление НРА на район Нанкин — Шанхай

Шаосин, а две остальные — в провинцию Аньхуй. 3 февраля был вновь занят Яньчжоу.

Командование дало директиву с занятием этого пункта прекратить наступление и дожидаться подхода войск восточного направления. Но у Бай Чун-си были амбициозные замыслы. 26-й корпус и 21-я дивизия НРА в районе Пуцин окружили часть милитаристской дивизии и обезвредили ее. 17 февраля был взят Ханчжоу, 28 февраля в районе Тунлу вновь были разбиты остатки суньчуаньфановцев. Часть их отошла на Шанхай и Нанкин, часть перешла на сторону НРА. В боях в районе Тунлу — Ханчжоу было взято от 10 до 14 тыс. пленных, причем в районе Шаосина была окружена и обезоружена гвардия Сунь Чуань-фана — его охранная бригада. 21 февраля 17-й корпус, составлявший часть войск восточного направления, на судах прибыл в крупный порт Нинбо и захватил там около 8 тыс. пленных. На шанхайском направлении после всех этих успехов Бай Чун-си имел четыре дивизии. 26-й корпус стоял в Тунлу, 19-й корпус в Шаосине. Всего в них было более 15 тыс. солдат при 94 пулеметах, 50 пушках и 13 бомбометах.

Поражение Сунь Чуань-фана в районе Яньчжоу — Ланьси как раз и привело к тому, что аньхуйский дубань Чэнь Тяо-юань, о котором уже упоминалось, изменил своему сюзерену и формально примкнул к НРА, став командиром 33-го корпуса.

Решающим условием успеха НРА стало то обстоятельство, что шаньдунские милитаристы не поддержали Сунь Чуань-фана, отвели свои части на север Чжэцзяна, предоставив НРА расправляться с соперником. Чжан Цзун-чан не вмешался в ход операций, так как Сунь Чуань-фан не хотел отдать шаньдунцам добровольно Шанхай и Нанкин и, более того, — категорически запретил на подконтрольных территориях хождение мукденских денег.

Однако, когда Сунь Чуань-фан был сокрушен, шаньдунские милитаристы не могли не вмешаться в ход событий. Их целью теперь было захватить провинции Цзянсу и Аньхуй, заставить Чэнь Тяо-юаня выступить вместе с остатками суньчуаньфановцев против южан, а самим прочно утвердиться к северу от Янцзы. 23 февраля 1927 г. шаньдунцы захватили Нанкин, здесь сосредоточились от 25 до 40 тыс. их войск.

В Нанкин перебрасывалась спешно пресловутая 65-я дивизия генерала Нечаева. Это были растленные предатели своей родины из тех белогвардейцев, которые, удрав на территорию Маньчжурии, затем поступили в качестве наемников на службу к милитаристам.

В конце февраля 1927 г. на Нанкин вели наступление 2-й, 6-й и 40-й корпуса. Последний был сколочен на базе дивизии Хэ Яо-цзу. Левобережная группировка НРА (35—40 тыс. солдат) имела перед собой превосходящего противника: в Бэнбу оборонялись 10—15 тыс. шаньдунцев, и в районе Сюйчжоу было сосредоточено до 40 тыс. Однако значительная часть милитаристских войск состояла из вчерашних туфэев и была слабо боеспособна.

Правобережная группировка — 15 тыс. солдат 6-го и 40-го корпусов — наступала на район Тайпина.

Бывшие части восточного направления между тем были срочно переброшены в район Нанкина. Вместе со 2-м корпусом НРА мы развернули бои с 27-тысячной группой противника в районе Лиян — Исин.

Центральная группировка НРА под командованием Бай Чун-си тем временем застряла в районе Шанхая. Здесь полностью деморализованные войска Сунь Чуань-фана были сменены корпусом Ба Шу-чжа из шаньдунских милитаристов. Он насчитывал всего лишь 10 тыс. солдат и ждал прибытия в Шанхай бэйхайской военной эскадры с Шаньдуна. Однако путь НРА преградили широко разлившиеся после дождей каналы, которых так много в районах, окружающих Шанхай. Враг держался на фронте Сунцзян—Сучжоу. Бывшие суньчуаньфановцы были отведены на левый берег Янцзы.

Между тем в Шанхае происходили важнейшие события. Рабочий класс Шанхая под руководством КПК стремился освободить этот многомиллионный гигантский порт и важнейший форпост империализма в Китае своими силами, до подхода НРА. Это была кровопролитная и полная героизма борьба масс. В первом ряду ее шли неизменно коммунисты. Однако тогдашнее руководство КПК проявило явную тактическую нерасчетливость. Обеспечить поддержку шанхайского пролетариата со стороны верных революции частей Национально-революционной армии было фактически невозможно. В этих условиях форсирование преждевременных выступлений могло привести к разгрому сил шанхайских рабочих ми-

литаристами и правыми при поддержке империалистов. Что вскоре и произошло. Тем не менее восставших рабочих нельзя было оставить без помощи, допустить их разгром шаньдунской военщиной.

Наши советники пытались сделать все возможное, чтобы уберечь массы Шанхая от кровавого террора. Этим, в частности, продиктована телеграмма В. К. Блюхера из Наньчана о походе на Шанхай и Нанкин от 25 февраля 1927 г. Ввиду важности документа я привожу его целиком: «Никитину для Бородина, Пличе, Горайского, Зебровского, Зигона, Палло и Войнича: 1) Предвидении подхода наших войск Шанхае объявлена всеобщая забастовка, готовая вылиться восстание. Забастовка проходит под лозунгами против империалистов и милитаристов Суня. Наша задержка подходе Шанхаю грозит разгромом рабочих. Крайне необходимо ускорить наше наступление Шанхай. 2) Нужно доказать Баю и другим генералам немедленно начать наступление Шанхай, мотивируя необходимостью использовать момент дезорганизованности противника. Ни в коем случае не доказывайте это необходимостью помощи бастующим, ибо я опасаюсь, что они (генералы) не захотят этого сделать, желая ослабить рабочих Шанхая. Приказ главкома на это наступление будет дан. 3) Общий план операции будет дан через 2 дня. Сегодня главкомом решили: группа генерала Бая полном составе занимает Шанхай, выделяя часть сил для одновременного захвата Сучжоу. Группа Хэ Ин-циня из района Ханчжоу наступает на Чжэньцзян и Нанкин. Части 7-го, 9-го корпусов главными силами перебрасываются район Ханчжоу, оставляя районе Нинбо незначительный гарнизон. Позже используются либо на Шанхай, либо на Нанкин и Чжэньцзян. 4) 2-й корпус будет направлен на Нанкин через Нинбо или Гуандэ подчинением командующему правобережной группы Чэн Цяню. 5) Теперь же группой Бая начинайте наступление на Сучжоу и Шанхай. Для обеспечения тыла группы Бая выдвинуть часть сил 2-го корпуса северу от Ханчжоу сторону Гуангэ. Это обеспечит первое время группу Бая со стороны Исина, а с подходом Хэ Инциня район Ханчжоу, опасность удара противника востоку от озера Тайху устраняется совершенно. Галин».

Этот план Блюхера осуществить полностью, как известно, не удалось. В частности, группа Бая, которой

принадлежала решающая роль, остановилась на незначительном расстоянии от Шанхая, ожидая, по-видимому, когда шанхайская реакция расправится с восставшими рабочими. Но рабочие оказались сильнее и город перешел в их руки. Под Нанкином НРА успешно справилась со своей задачей. Не без влияния В. К. Блюхера единоличное право занять Нанкин было предоставлено наиболее тогда верной революционному Уханьскому правительству группе Чэн Цяня.

3-я и 14-я дивизии Хэ Ин-циня, на которые в политическом отношении к этому времени нельзя было полагаться, были направлены на Исин—Чжэньцзян якобы для перехвата железной дороги Шанхай—Нанкин, а фактически для того, чтобы не дать им первыми захватить Нанкин. В помощь Чэн Цяню был двинут 2-й корпус, решающее наступление началось 15 марта и увенчалось успехом.

3-я и 14-я дивизии Хэ Ин-циня прибыли в Нанкин через день-два после его освобождения и разместились на городском пустыре. У Чэн Цяня в этот момент были великолепнейшие возможности для того, чтобы эти дивизии разоружить. Однако выгодный случай был упущен. Между тем части Хэ Ин-циня, которые я на свою голову научил не теряться в подобной ситуации, заняли в городе ключевые позиции и начали энергичнейший сбор трофеев, уводя ценнейшее военное имущество буквально из-под носа у Чэн Цяня. Последний несколько раз приезжал ко мне для улаживания отношений.

Однако я находился сам в то время фактически на положении заключенного. Хэ Ин-цинь приставил ко мне под видом охранников соглядатаев, которые следовали за мной буквально всюду, якобы оберегая меня от покушений со стороны оставшихся в городе шаньдунцев и суньчуаньфановцев. Я не имел возможности и встречаться с другими командирами в отсутствие Хэ Ин-циня.

Другие советники искренне беспокоились за мою жизнь и предупреждали, что «мартовцы» могут меня отравить. Моя встреча с товарищами после того, как войска Хэ Ин-циня были переброшены с восточного направления, была для меня очень радостной. Ведь я столько времени был в отрыве от друзей, не имел воз-

можности обменяться с ними мнениями об в высшей степени сложной обстановке. Теперь я мог изложить В. Панюкову (Коми), Ивану Васильевичу, В. А. Шевалдину (Прибылеву) свою точку зрения на политический смысл событий, развертывающихся вокруг Шанхая. К сожалению, не все меня тогда поняли.

Поскольку постоянной связи с руководством у нас не было, а стремительный ход событий становился все более угрожающим, через некоторое время было решено, что я поеду в Ухань, чтобы доложить о сложившейся в Нанкине обстановке и получить соответствующую ориентировку. Предложение об этой командировке было принято на совещании советников. Провожал меня на пристань Хэ Ин-цинь. Он, придерживаясь традиционной вежливости китайских милитаристов, уговаривал меня скорее возвратиться. Однако встретились мы лишь в 1938 г., когда я был главным советником китайской армии, сражавшейся против японских империалистических захватчиков, а Хэ вырос до положения военного министра у Чан Кай-ши.

Удар в спину революции

Последующие события показали, что я покинул Нанкин как раз вовремя, иначе мне пришлось бы стать очевидцем грязного предательства правыми дела революции. Войска центрального направления вошли в Шанхай, уже освобожденный от милитаристов в результате нескольких кровопролитных восстаний шанхайского пролетариата. Дальнейшие события, к сожалению, совпадали с дальновидным прогнозом М. М. Бородина. Придя в соприкосновение с форпостом империализма в Китае, окруженный мощной прослойкой компрадоров, Чан Кай-ши переметнулся в лагерь реакции. История переворота 12 апреля 1927 г. излагалась неоднократно. Это избавляет от необходимости освещать ее подробно.

Соединениями, пришедшими в Шанхай, командовал гуансийский милитарист Бай Чун-си. В смысле реакционной настроенности он был «святее самого папы».

Заняв Ханчжоу, он организовал здесь гоминьдановский комитет исключительно из правых и принялся критиковать Чан Кай-ши за неустойчивость и непоследовательность в борьбе с коммунистами и левыми. На массовом митинге Бай получил достойный отпор, и тогда революционеры были просто-напросто избиты.

Не так просто было контрреволюционерам утвердиться в Шанхае. Здесь имелся мощный пролетариат, прошедший серьезную политическую школу во время «движения 30 мая», располагавший своей охраной в виде вооруженных пикетов. Бай прежде всего перебросил на фронт всех настроенных лево командиров НРА. Охраняли Шанхай части Чжоу Фэн-ци — вчерашнего суньчуаньфановского сторонника. Для обезоружения рабочих пришлось прибегнуть к провокациям и инсценировкам.

Кучка наемного сброда с повязками на рукавах, имевшими надпись «рабочие», нападала на помещения профсоюзов. Являлись солдаты в качестве посредников якобы для охраны помещений, они требовали разоружения. Получив отказ от лидера пикета, его уводили якобы к профсоюзному начальству за разрешением на сдачу оружия, на деле же на расстрел. Эта и подобные сцены красочно освещены в докладе шанхайского совета профсоюзов, присланном в генеральный совет в Ханькоу. В дальнейшем гоминьдановцы состряпали фальшивые профсоюзы фашистского типа, руководящей идеей которых было сотрудничество труда и капитала.

После 12 апреля в Шанхае начался кровавый террор. Начальник гарнизона Ян Ху проявил невероятную жестокость в расправе с рабочими. К сожалению, шанхайский пролетариат оказался очень слабо подготовленным к возможности контрреволюционного путча, его руководители недостаточно сделали для того, чтобы своевременно подготовить отпор реакции или хотя бы отступить организованно, уйти без чрезмерных потерь в подполье.

15 апреля в Нанкин съехались все члены ЦИК и ЦКК гоминьдана из числа правых и было создано реакционное нанкинское правительство. Премьером стал политикан Ху Хань-минь, реакционный прохвост, замешанный в убийстве Ляо Чжун-кая, министром иностранных дел — У Чжао-чу.

Переворот Чан Кай-ши явился завершением длительной борьбы в рамках единого национально-революционного фронта. Эта борьба обострялась по мере успехов НРА и освобождения новых территорий. Противоречия в революционном лагере имели глубокие классовые корни. Политическая борьба развертывалась на фоне мощного подъема массового движения.

Массы пробуждаются

Успехи Северного похода создали благоприятные условия для стремительного роста революционных сил. Бородин справедливо писал: «Разбив У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана, НРА показала десяткам и сотням миллионов людей обреченность старого строя и силу и мощь революции. Тем самым помимо воли руководителей армии был дан сигнал к пробуждению и организации широчайших масс для борьбы против тех основ, на которых держится колониальный милитаристский режим в Китае».

Северный поход способствовал дальнейшему росту экономической и политической борьбы пролетариата. Он наблюдался и в Кантоне, уже имевшем опыт многомесячной Гонконг-Кантонской стачки. Здесь сложилась своеобразная расстановка политических сил. До Северного похода революционный лагерь составляли рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия (так называемая «буржуазия узких улиц»), буржуазная интеллигенция и отдельные группы милитаристов-негуандунцев. Дело в том, что присоединившиеся к НРА милитаристы — выходцы из других провинций непосредственно не страдали от крестьянской борьбы в Гуандуне и относились к ней снисходительно, с некоторым даже удовлетворением наблюдая трудности местных конкурентов. Когда НРА ушла на Север, то в Гуандуне остались местные генералы и офицеры, отнюдь не склонные ничего спускать массам; с другой стороны, Кантон очистился от большей части «мартовцев» и сначала переживал новую либеральную весну.

В течение ноября и первой половины декабря 1926 г. здесь произошел ряд значительных конфликтов между рабочими и предпринимателями. Бастовали печатники, банковские служащие, продавцы крупнейших универмагов «Сен-Сир» и «Сен-Компани», шоферы, рикши и т. д. М. М. Бородин отмечал: «Число подлинных пролетариев в Китае весьма невелико в силу отсталости китайской промышленности; термин «рабочий» обычно применялся к мелким ремесленникам и даже к лавочникам». Это отразилось на состоянии профсоюзного движения в Кантоне. Здесь существовало великое множество мельчайших союзов, а крупнейшие из них были совершенно различно настроены политически. Совет рабочих делегатов находился под влиянием коммунистов. Гуандунская рабочая федерация объединяла полуцеховые союзы, мелких хозяйчиков, а Союз механиков, охватывавший индустриальный пролетариат, был как раз ненадежным и даже реакционным.

Еще в большей степени всколыхнул Северный поход пролетариат нового центра революции — Уханя. В Ханькоу рабочее движение охватило почти все фабрики и заводы. В октябре—декабре 1926 г. в Ухане состоялось более 150 забастовок, не считая мелких конфликтов на отдельных предприятиях. Стачки охватили китайские предприятия не в меньшей степени, чем иностранные. Более чем половину составили мелкие полуремесленные предприятия и магазины. Каковы же были требования рабочих? Прием на работу и увольнение исключительно через профсоюзы, увеличение заработной платы, санитарный надзор, страховка, сокращение рабочего дня, лучшее обращение. Большинство конфликтов выиграли союзы. В стачки втянулись табачники, текстильщики, почтовики, кожевники, электротехники, железнодорожники, портные, мясники, арсенальщики, рабочие мельниц, зернохранилищ, служащие телеграфа, магазинов и т. д. И в Кантоне и в Ухане были для борьбы со штрейкбрехерством созданы рабочие пикеты.

К сожалению, советские советники в те дни вынуждены были констатировать, что Всекитайское объединение профсоюзов «еще не пользуется достаточным авторитетом, отдельные профсоюзы не подчиняются ему, не проводят его решения».

Забастовочное движение в конкретных экономических условиях Уханя того времени имело свою оборотную сторону: технически и финансово крайне слабые китайские предприятия не могли выполнить всех требований рабочих. Начался массовый крах мелких предприятий, что приводило к расстройству хозяйства и бюджета Уханьского правительства. Эту ситуацию использовали и крупные капиталисты для шантажа. Они непрестанно жаловались на «произвол» рабочих, сообщали, что пикеты их арестовывают, связывают руки, водят по улицам с позорными колпаками на головах.

По поручению хубэйского политического комитета ситуацию расследовал один из его членов. По его докладу одновременно с некоторым повышением заработной платы рабочих был создан «Комитет по урегулированию вопросов труда и капитала». Объединенный совет профсоюзов с первых же дней своего существования был буквально завален материалами трудовых конфликтов, но он не принял ни одного конкретного решения по вопросу об увеличении заработной платы и улучшении рабочего быта.

Как отмечалось, стачки в первую очередь ударили по предприятиям империалистических держав и их гражданам в Китае. В декабре 1926 г. состоялась забастовка боев и кули на японской концессии в Ухане. Она сопровождалась образованием пикетов, которые не пропускали продовольственные товары на территорию концессии. Арбитраж решил дело в пользу забастовщиков. Мощный удар нанесли рабочие одной из крупнейших империалистических фирм в Китае — Американо-британской табачной компании. Забастовка сопровождалась бойкотом, причем пикеты от имени профсоюзов конфисковали и продали 3—4 тыс. ящиков товаров компании. Консулы империалистических держав категорически потребовали от властей обуздать рабочих. Совет национального правительства принял такое решение: профсоюзы должны вернуть еще не распроданные ящики, отказаться впредь от таких методов, а все дело передать «Комитету по урегулированию» и министерству иностранных дел. Фирма должна оказать помощь рабочим в размере 10 тыс. долл.

Империалисты-предприниматели встретили это решение в штыки и попытались расправиться с забасто-

вочным движением путем массового увольнения. На китайских же предприятиях, даже весьма крупных по местным масштабам, характерен был иной исход. Так, на Ханьянском арсенале администрации пришлось принять почти все требования рабочих.

Очень характерно отношение правительства к конфликту. Когда обе стороны пришли на утверждение результатов соглашения, председательствовавший гоминьдановец Сюй Цянь изрек: «Раз вы на этом сговорились, то можете уходить. Быть по сему. Не мешайте нам работать». Никто из остальных членов правительства вообще не удосужился высказаться.

Уханьские власти не проявляли стремления всерьез разрешить рабочий вопрос, но они в той конкретной обстановке мало что могли бы сделать и в случае активизации.

С каждым месяцем ширились ряды безработных. Кули, портные и другие категории пролетариев требовали правительственных субсидий. А где их было взять?

Из доклада М. М. Бородина на Политбюро ЦИК гоминьдана в июне 1927 г. мы узнаем, что к этому времени число безработных достигло 170—200 тыс. в одном Ухане.

При всей тягостности ситуации для пролетариата у трезво мыслящих его руководителей существовало убеждение, что нужно было не вести дело к разрыву единого фронта, а неустанно использовать легальность рабочего движения для собирания масс, спешной подготовки действенного революционного актива. Но с каждым днем становилось все более катастрофическим общее экономическое положение Уханя. Империалистические фирмы подвергали его полному бойкоту, не принимали и денег уханьского правительства. Власти вынуждены были ввести эмбарго на серебряные деньги как из-за стремительной утечки серебряных запасов, так и из-за зияющих прорех в бюджете. Оплачивались лишь переводы на Шанхай на сумму, не превышающую 100 тыс. руб. Жизнь заставила уханьцев прибегнуть к широкой эмиссии. Правом выпускать банкноты пользовались Центральный банк, Банк оф Чайна, Банк путей сообщения. Существовала в больших масштабах и подделка наиболее ходких денег. В результате в

мае 1927 г. на эти банкноты был введен лат, достигший 15—25% номинала.

Правые понимали, какую угрозу создает инфляция Уханю. Тан Шэн-чжи рассказывал одному из лидеров КПК еще в начальный период существования уханьского центра: «Сейчас Чжан Цзин-цзян, будучи председателем гоминьдана, не считаясь с мнением населения, провоцирует Сун Цзы-вэня (министра финансов. — *А. Ч.)* выпустить бумажные деньги. Он ненавидит народ».

Бурная эмиссия больно ударила по трудящимся: мелкой буржуазии, торговцам, ремесленникам и т. п. Уханьская буржуазия все более приглядывалась к Чан Кай-ши. Для нее, как и для Уханя в целом, жизненным был вопрос об устойчивых экономических связях с Шанхаем, запиравшим главную торговую артерию — Янцзы. Еще когда Чан Кай-ши приехал в Ухань, крупнейшее купечество призывало его к походу в первую очередь на Шанхай, а менялы даже подали петицию о принятии мер против рабочего движения. Чан Кай-ши, утвердясь на нижней Янцзы, сжал Ухань блокадой — не пропускались сквозь нее даже уголь и медикаменты. Это подлило масла в огонь, но и без того положение делалось безвыходным.

По расчетам М. М. Бородина, правительственные расходы должны были составлять более 15 млн. долл. в месяц, а собрать удавалось лишь миллион. Через три дня по приезде в Ухань левые лидеры провели конфискацию недвижимости (домов, городских участков) у контрреволюционеров, не проявив при этом достаточной твердости. Но в уханьской тогдашней обстановке не было никакой возможности использовать это имущество для укрепления положения. Помимо Шанхая Ухань нуждался и в связях с другими районами: в поступлении сырья из Сычуани и Хэнани, риса — из Хунани, но все эти торговые связи были перехвачены. Непосильной тяготой для Уханя было наличие на подконтрольной территории огромного количества войск.

Как можно было ждать финансовой помощи из Хунани, когда местные власти сами изнывали от военных расходов? Уже в декабре 1926 г. их доход равнялся 0,8 млн. долл. в месяц, а расход 1,4 млн. долл.

Все эти обстоятельства все более отталкивали от

Уханя буржуазию, вначале приветствовавшую приход НРА. Еще когда освобождены были Ханькоу и Ханьян, Тан Шэн-чжи устроил в городском саду митинг представителей всех кругов населения. Представитель торговой палаты поддержал тогда лозунги НРА: «Не бояться смерти, любить народ, любить государство и не любить денег». Последнее особенно трогательно прозвучало в устах купца. Далее он сказал: «При У Пэй-фу нам, купечеству, было чрезвычайно тяжело. Мы должны были платить ему много денег, ибо, если мы ему не платили, он нас арестовывал и рубил головы. Богатые купцы еще могли внести налоги, а для среднего и мелкого купечества они крайне тяжелы». Буржуазия, таким образом, была сильно ободрана милитаристами перед взятием Уханя. Тем труднее ей пришлось позже в связи с критической экономической ситуацией.

Купцы подавали в гоминьдановские исполнительные органы петиции о невмешательстве рабочих в дела предприятий, о прекращении практики наказания богатеев рабочими (их водили связанными в позорных колпаках по улицам за нарушение закона). Крупная буржуазия закрывала фабрики и заводы, ликвидировала свои дела, деньги переводила в Шанхай либо вкладывала в иностранные банки. Перевоз серебра в Шанхай начался уже в декабре 1926 г.

Когда уханьские власти во имя соблюдения санитарных условий и свободы уличного движения отвели определенные места для уличной торговли, то это вызвало петицию — протест от «торговцев-пролетариев», поданный в мае 1927 г. Они призывали отказаться от принятых мер, либо создать крытый рынок в центре города, иначе 50 тыс. человек будут поставлены в безвыходное положение. Одновременно торговцы просили увеличить размен банкнот на медную монету (и в этом отношении их поддерживали и рабочие).

В целом позицию уханьской буржуазии М. М. Бородин резюмировал так: «Если в Кантоне рабочее движение имело перед собой слабую буржуазию, политически расслоенную к тому же выгодами, полученными от гонконгского бойкота, то на Янцзы рабочее движение столкнулось уже с более крепкой буржуазией главной торговой артерии Китая. Эта буржуазия бы-

стро сорганизовалась для отпора рабочим, прекрасным примером чего может служить известная ноябрьская резолюция ханькоуской торговой палаты, направленная против непомерных рабочих требований».

О крестьянском движении в 1926 г., и особенно в 1927 г. в Китае написаны целые исследования, подъем в деревне достиг огромного размаха и сильно повлиял на ход революции. Я ограничусь лишь несколькими штрихами из имеющихся в моем распоряжении документов.

Разве не интересно познакомиться с оценкой положения крестьян в те годы, исходящей от такого милитариста, как Тан Шэн-чжи? Он говорил: «Высота арендной платы колебалась от 50 до 75% валового сбора, но помимо этого у нас сохранились в деревне древние и тяжелые для бедняков обычаи. Должник, если он не может уплатить долга, должен продать жену, детей и уплатить или идти сам в рабство».

Подобный гнет не мог не вызвать самых обостренных форм отпора. В декабре 1926 г. Хунань была объята организацией крестьянских союзов. Самые мощные из них созданы были в районах Пинцзяна, Сяньтаня, Пинсяна. Крестьяне разоружали миньтуаней, запрещали повышать цены на хлеб, уменьшали арендную плату, водили помещиков-деспотов в колпаках, даже кое-где убивали их. В то же время запад провинции, где стояли гуйчжоуские милитаристы, не был охвачен этим пожаром.

Дикость и бедственность деревенской жизни породили экзотические формы борьбы. Например — «объедание». Отряд крестьян — сотни в четыре, вооруженный палками и пиками, являлся в усадьбу богатого помещика на трех-четырехдневный постой. Помещик должен был все это время сытно кормить незваных гостей да еще и сохранять при этом на лице приятную улыбку. Не удивительно, что вскоре началось поголовное бегство хунаньских шэньши (джентри) в уездные города, Чанша, Ухань, даже Шанхай.

В декабре 1926 г. представитель хунаньского правительства, отвечавший за финансовые дела, жаловался уханьским властям, что Хунань не только не может дать им часть доходов, но сама требует помощи. Он объяснял это так: «Участившиеся эксцессы спугнули

всех зажиточных людей, они боятся крестьян, побросали свои места и уехали».

М. М. Бородин так оценивал общее историческое значение массовой борьбы в Китае в ту пору: «Крестьянские союзы в Хунани включают 1,2 млн. крестьян, в Хубэе — 300 тыс., в Цзянси — 200 тыс., в Уханьском районе возникло 350 рабочих союзов с общим числом членов в 340 тыс. (Это хорошо демонстрирует крайнюю дробность движения, его отсталость. — *А. Ч.*). Поток легко прорывает искусственную плотину, поставленную ему «20 марта», волна рабочих забастовок в Кантоне и Трехградье, активная борьба крестьян в Гуандуне и Хунани фактически снизу ликвидировали политику «20 марта».

Крестьянская борьба больно задела шкурные интересы огромного большинства офицерства НРА, связанного с эксплуататорами деревни. Еще в декабре 1926 г. в Хунани были случаи нападения местных войск на крестьянские союзы. Наши товарищи описали одно такое происшествие: в Пинсяне карательный отряд схватил революционера Ло, организовавшего крестьян для разоружения миньтуаней. Его увели из деревни под предлогом переговоров, убеждая, что «если он честен, то ему нечего бояться», и немедленно расстреляли. Дальше — больше. В апреле—мае 1927 г. М. М. Бородин заявлял: «Из нейтрального зрителя армия стала превращаться в активно действующего контрреволюционера». То же самое отмечал и тов. Синани в статье, помещенной в 8—9 номерах журнала «Кантон»: «Все части НРА были враждебны крестьянскому движению».

В январе 1927 г. в крестьянском движении Хунани возникло критическое положение: шэньши готовились к обороне, крестьянские союзы становились органами власти на местах.

С каждым месяцем накал борьбы усиливался, от частичных требований крестьяне переходили к более общим. Наша партия, внимательно следившая за освободительной борьбой в Китае, давала своевременно принципиальную оценку ее этапов. 13 мая 1927 г. ЦК ВКП(б) отмечал, что, по его мнению, «лозунг конфискации земли вполне своевременен для провинций вроде Хунани».

Значение уханьского этапа развития революции как раз и заключалось в том, что он создал благоприятную обстановку для организации масс и их приобщения к политической борьбе в качестве решающего фактора. Само же уханьское правительство представляло мелкую буржуазию, городскую демократию, лозунгом которой было «спасение гоминьдана от военной диктатуры». Тов. Бородин так определял состав социальных кругов, интересы которых защищали в первую очередь уханьские лидеры: «люмпен-буржуазия» (яркий и, по-моему, довольно удачный термин! — *А. Ч.)*, деклассированная интеллигенция, разные возникшие в ходе «движения 30 мая 1925 г.» союзы студентов, купцов, учителей и т. п.

В первую очередь их вдохновляли на «расчистку старого хлама» ненависть к милитаристскому произволу, бандитизму, отсутствие нормальных путей сообщения и других условий торговли, катастрофическое состояние финансов. Они искренне боролись за демократизацию власти против карьеризма генералов. Не случайно на мартовском пленуме ЦИК Чан оказался в великолепном одиночестве.

Однако социальный состав, определявший политику уханьцев, уже говорит всем знакомым с ленинским анализом мелкобуржуазных взглядов о большой неустойчивости, которая должна была отличать социальные действия правительства «левых». Бородин говорил об этом так: «Не было ни одного момента во всей истории нашего блока с левыми, когда бы последние не чувствовали боязни роста массового движения и КПК. Они думали использовать КПК и массы, а потом — посмотрим».

Но даже таким ненадежным союзником необходимо было воспользоваться. Здесь все в конечном итоге зависело от искусства КПК, от ее способности проявить гибкость, быстро учесть уроки развития революции.

«Левые» понимали неразрывность опоры на массы и союза с СССР. После контрреволюционных диктаторских действий Чана к Бородину от «левых» была послана делегация с тем, чтобы убедить советского совет-

ника, что «никакие персональные выступления не должны его смущать, ибо он назначен на свой высокий пост II конгрессом».

Вместе с тем «левые» не были способны проявить жесткость для ликвидации заговорщиков. Вот слова Бородина: «Надо со всей категоричностью подчеркнуть, что во весь период, начиная с разрыва и до конца так называемого уханьского этапа, уханьцы не готовились и не хотели готовиться к решительной борьбе с Чан Кай-ши, а только болтали об этом. Инициатива наступления, выбор времени и места удара находились в руках Чана».

Максимум решительности, на который «левые» были способны, был проявлен по взятии НРА Нанкина и Шанхая. Туда была послана комиссия, включавшая Евгения Чэня, Сун Цзы-вэня и Сунь Фо в качестве министра путей сообщения. Они увезли с собой специальные инструкции для генералов НРА и отдельную для Чан Кай-ши, содержание которых сводилось к следующему: рабочие пикеты признавались отрядом национальной революции по охране порядка, на их укрепление ассигновались 30 тыс. долл., Чану предлагалось возвратить им отобранное оружие, запрещалось захватывать финансы на местах, назначать собственных представителей по иностранным делам. Однако за действиями комиссии не было реальной силы, и все это было чисто формальной акцией.

Уханьское правительство, не желавшее решительно опереться на массы, вынуждено было снова лишь комбинировать на межгенеральских противоречиях, коль скоро военщина не склонна была сосредоточивать всю власть в руках Чан Кай-ши. В этой связи интересно обращение к членам КПК и гоминьдана, с которым выступил 5 апреля 1927 г. генерал Чжу Пэй-де, командир одного из основных корпусов. Он распространялся о необходимости дальнейшего единства, подчеркивал, что КПК «честно и открыто признавала гоминьдан и три принципа Сунь Ят-сена основой революционного движения». Вместе с тем генерал Чжу утверждал, что «в Китае еще долго не может быть утверждено господство пролетариата», что Китай в нем и не нуждается, ибо он — одна «угнетенная раса». Слухи о том, что рабочие готовятся организовать свое правительство, что за-

тевается нападение на иностранные сеттльменты в Шанхае, Чжу характеризовал как «низкие сплетни».

«Левые» выступали против Чан Кай-ши главным образом в литературном плане. Так, например, были опубликованы статьи против военной диктатуры Сюй Цянем («Что такое диктатура»?) и Сунь Фо.

Между тем был по крайней мере один момент, когда уханьцы могли нанести решительный удар Чан Кай-ши. А именно тогда, когда Нанкин был в руках 2-го и 6-го корпусов, командование которых сочувствовало уханьцам. Если бы не промедление, не противоречивые директивы и колебания командования, то Нанкин был бы закреплен за национальным правительством. Сторонники Уханя вполне могли там продержаться до подхода подкрепления. 7—9 апреля 1927 г. уханьское правительство приняло было решение о переводе столицы в Нанкин и войска 4-го и 11-го корпусов даже были погружены на пароходики и джонки для отправки на Нанкин, но затем восторжествовала идея наступления на Север, в Хэнань, и солдат высадили на берег. Момент был упущен. Противоречивость и постепенное скатывание вправо составляли суть и социальной политики уханьцев. Правительство не предприняло никаких реальных шагов против локаутов, в защиту пролетариев. Гу Мын-юй и Сюй Цянь требовали ограничения и реформирования профсоюзов, ибо они, как считал Гу, «слишком радикальны». 18 мая 1927 г. ЦИК гоминьдана издал инструкцию, ограничивающую рабочее движение. Ее суть: немедленное создание третейских судов для ликвидации трудовых конфликтов, введение закона по труду, издание распоряжений, запрещающих рабочим и служащим выдвигать чрезмерные требования и вмешиваться в дело управления предприятиями, запрещение профсоюзам и пикетам запугивать предпринимателей. Те же лидеры «левых», а также Тань Янь-кай и Чэн Цянь высказывались и против так называемых «эксцессов» в деревне, они ратовали за реорганизацию крестьянских союзов и изменение их радикального руководства.

В апреле 1927 г. заседала пресловутая гоминьдановская «аграрная комиссия». Ван Цзин-вэй и Тан Шэн-чжи произнесли внешне чрезвычайно революционные речи, последний даже призывал конфисковать его соб-

ственную землю. Вместе с тем Тан требовал изъять из конфискации земли офицеров НРА. В итоге, однако, комиссия, по оценке М. М. Бородина, пришла к «грошовым результатам». Предложенные ею проекты дважды обсуждались на Политбюро ЦИК гоминьдана, в итоге было принято решение: «снять вопрос об аграрном законодательстве» («за» были все, кроме Дэн Янь-да).

«Левые» препятствовали даже широкому обсуждению социальных проблем. «Чайниз информэйшен бюлитин», освещавший сложившуюся экономическую ситуацию и опубликовавший речь Ван Цзин-вэя на V съезде КПК и аграрную резолюцию этого съезда, по распоряжению Гу Мын-юя на седьмом номере был закрыт и конфискован. Так «левые», пряча голову в песок, пытались уйти в сторону от любого решения самых острых проблем революционного развития. Непоследовательность ухачьцев проявилась и в их внешней политике.

Волчий оскал империализма

Империализм с самого начала экономически бойкотировал Ухань. Английские фирмы не принимали банкнот национального правительства (лишь с латом и некрупные купюры), требовали либо банкноты иностранных банков, не связанных с уханьцами, либо серебро. Правительство надеялось путем переговоров с иностранными предпринимателями урегулировать вопрос, но натолкнулось на категорическое требование снять эмбарго на серебро в качестве предварительного условия переговоров.

Уханьцы пытались играть на межимпериалистических противоречиях. Через Евгения Чэня они обратились к японским капиталистам, призывая их урегулировать положение на предприятиях и возобновить торговые операции. В ответ на это японские «деловые круги» Ханькоу заявили: «Мы не можем найти наших старых клиентов». И это было так, ибо имелись в виду компрадоры.

В декабре 1926 г. уханьцы на одном из заседаний подтвердили решение совещания в Кулине о развертывании широкой пропаганды и, если надо, бойкота против английского империализма, одновременно решено было направить делегацию в Токио для переговоров. Эта идея не была воплощена в жизнь, а Чан Кай-ши в марте 1927 г. сепаратно отправил в Японию Дай Цзи-тао в качестве своего делегата.

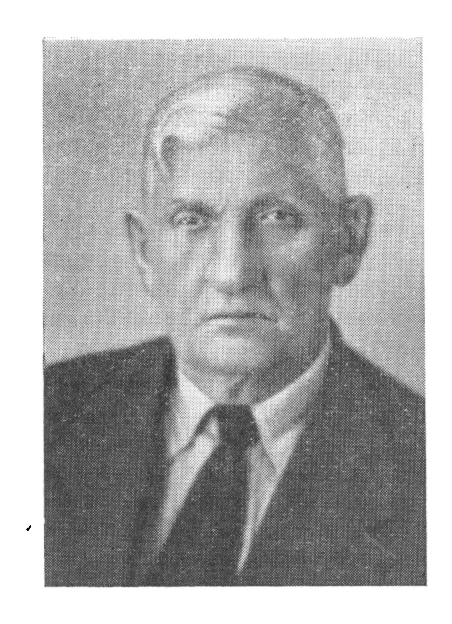
В высшей степени характерна для линии правительства позиция, занятая им в связи с захватом английских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне. 2 и 3 января в Ханькоу состоялись большие митинги по поводу побед НРА. 3-го в 17 часов массы собрались у таможни вблизи английской караульной заставы. В это время один из английских матросов ранил или убил двух китайских граждан. В ответ толпа стала забрасывать концессию камнями. Делегаты, направленные митингом, буквально ворвались на заседание правительства и заявили, что не разойдутся, пока не будут приняты необходимые меры.

Правительство в свою очередь послало делегатов, призывая уйти по домам и обещая принять меры к тому, чтобы «инцидент был исчерпан благоприятно для Китая». Евгению Чэню правительство предложило потребовать убрать английских моряков с тем, что охрану концессии возьмут на себя китайские военные власти, в противном случае правительство не ручается за ее безопасность.

Однако в ночь с 3 на 4 января рикши, кули, студенты, оттеснив цепь солдат, ворвались с гоминьдановскими флагами на территорию концессии, устроили там демонстрацию и разгромили полицейскую станцию.

Китайские граждане почувствовали себя хозяевами в родном городе. Они зорко следили за действиями иностранцев, задерживали их для проверки. Наши советники вспоминают, как перепуганы были два остановленных на их глазах патрулем «джентльмена». Один из них втолковывал жалостно китайцам, что они идут обедать, повторяя тоненьким голоском «чифань», «чифань». А ведь недавно эти люди, расплачиваясь с рикшей, швыряли деньги на мостовую.

Советские советники отмечали: «Характерно отношение к русским в это время. Достаточно было на-

Советник А. Черников

электризованной толпе сказать, что ты — русский, и тебя пропускали и давали караульных, чтобы не обидели. Причем только требовалось обязательно добавить, что ты именно „красный русский — хунданжэнь"».

Между тем В. К. Блюхер сообщал 8 января из Наньчана по закрытии там военного совещания о том, что «Политбюро ЦИК гоминьдана решило избегать конфликтов с империалистами, а происшедшие ликвидировать дипломатическим путем».

Вскоре, однако, империализм показал свой волчий оскал, военные суда империалистов зверски обстреляли Нанкин во время его захвата 6-м корпусом Чэн Цяня. Шаньдунские милитаристы во главе своих сил направили против НРА бригаду русских наемников-белогвардейцев генерал-майора Макаренко. Однако советник Чэна Александр Черников специально подготовил заранее для действий против белых 17-ю кантонскую дивизию. 24 марта во встречном бою национально-революционные части разбили «беляков», наступавших во хмелю с бутылками в руках, и погнали их через

весь Нанкин. НРА была подвергнута обстрелу с канонерок империалистов и ответила огнем. Однако обмен делегатами привел к урегулированию.

Вскоре в Нанкине неизвестными военными были совершены нападения на иностранцев, на консульства, был убит английский артиллерист-офицер, служивший советником при одной из батарей у шаньдунцев, был ранен вице-консул. Видимо, это была провокация переодетых шаньдунцев (так думал М. М. Бородин), но, может быть, повинны были вчерашние милитаристы из солдат Хэ Яо-цзу, уже совершившие 7 января 1927 г. грабежи в Цзюцзяне во время захвата концессии.

Так или иначе, английские и американские канонерки ответили пальбой по мирному населению, разрушили несколько крыш, несколько человек было ранено. Англичане предъявили ультиматум командованию, требуя извинения и отправки на канонерку командира дивизии в качестве заложника. Главное японское командование, запрошенное японскими военно-морскими офицерами, дало указание: «японцы в это дело не вмешиваются».

Между тем состоялось совещание правительственных уполномоченных Англии, США, Франции, Японии и Италии по вопросу о целесообразности немедленной интервенции. Англичане высказались за вооруженный захват портов и распределение ханькоуской набережной между державами. США и Япония, учитывая, что революция наносит удары в первую очередь английским интересам, возражали. Была лишь выработана коллективная нота в связи с нанкинскими событиями. И тут министр иностранных дел Чэнь Ю-жэнь проявил нужную твердость, отказавшись принять этот документ.

Французское министерство иностранных дел 28 апреля 1927 г. сообщало: «Между великими державами из опасения, что Китай станет очагом коммунизма в Азии, было достигнуто фактическое соглашение, и все великие державы решают пойти на такие меры, которые уменьшили бы указанную опасность».

Англичане, увидев отсутствие полной монолитности в лагере империалистов, стали действовать более гибко, в том же документе суть их тактики излагалась так: «Во-первых, различными путями, в том числе и финансовым, привлечь на английскую сторону отдель-

ных личностей в национальном движении». Это были испытанные приемы империализма по разложению рядов национального освобождения. Японцы же, наоборот, действовали нагло и топорно. 3 апреля 1927 г. в Ханькоу пьяный японский матрос отказался заплатить рикше договоренную сумму, а в ответ на протесты воткнул ему штык в живот. Немедля собрались толпы рикш и кули. Японцы высадили десант, построили баррикады, ударили по толпе из пулеметов. Прибыли войска НРА, занявшие позиции между империалистами и негодующими массами. Японская концессия была опутана колючей проволокой, началась спешная эвакуация из Уханя японских граждан под охраной трех миноносцев и одного крейсера.

Так империализм всех держав чередовал более жестокие и более мягкие методы, имея одну общую цель— удушить революцию. Это в первую очередь проявилось в поддержке, оказанной Чан Кай-ши державами после совершения им контрреволюционного переворота.

Чан Кай-ши прибирает вожжи

В первый момент после 12 апреля Чан Кай-ши чувствовал себя весьма неуверенно. Даже в его собственном лагере существовал разлад, он не мог в одночасье прибрать все вожжи к рукам. О действиях Чана наши советники знали, в частности, от В. Панюкова (Коми), который, как уже говорилось, состоял прежде при войсках, вошедших в Шанхай. Теперь его положение было очень опасным, он лишен был фактически свободы и использовал лишь возможность наблюдать за реакционным лагерем. Коми сообщал, что в конце апреля в Нанкине ему нельзя было показаться на улице. Солдаты Бай Чун-си преследовали его угрозами и выкриками: «Красный милитарист!», «Красная сволочь»!

Между тем Чан Кай-ши, как всегда, пытался запутать следы, маскировать свои акции дешевым актерством. В мае он пустился уверять Коми, что он «против одного лишь Бородина, властность которого перешла всякие границы», «Бородин узурпатор, он «поте-

рял лицо» и т. д. Истеричничая, Чан даже бил себя в грудь кулаком со слезами. Он и Хэ Ин-цинь бомбардировали В. К. Блюхера телеграммами с просьбой приехать немедленно в Нанкин и в качестве посредника «примирить борющихся братьев». Резкая антисоветская кампания, возглавленная Бай Чун-си и проводившаяся с 12 по 20 апреля, была временно прекращена, а 1 мая даже по всему китайскому Шанхаю были расклеены плакаты, на которых делалась попытка противопоставить СССР и КПК. Разумеется, все эти «авансы» Чана были выданы им втуне. Наши товарищи заняли принципиальную твердую позицию по отношению к изменнику революции, ни о какой форме сохранения связей с ним не могло быть и речи.

По наблюдениям Коми, в группировке Чана не было единства. Бай Чун-си, японофил и крайне правый, осуществивший 12 апреля функции палача, имел самостоятельные честолюбивые вожделения. За ним стояли 7-й, 10-й, 17-й и 15-й корпуса. Он затеял переговоры с Сунь Чуань-фаном и яро высказывался за участие в созывавшейся Чжан Цзо-линем милитаристской конференции. Переговоры с Сунем до конца апреля шли удачно. На собрании офицеров Шанхая Бай Чун-си говорил: «Сунь Чуань-фан был против нас потому, что он признавал нас за красных, теперь он понял, что мы отнюдь не красные, и искренне решил соединиться с нами для окончательной и совместной борьбы против красной своры».

Однако Чан Кай-ши опасался Бая и принял меры. Ставленники Бая, рассаженные им на доходные посты в Шанхае, были сменены чанкайшистами, лицами совершенно неизвестными шанхайской буржуазии, что даже сперва вызвало ее переполох. Впрочем, буржуазия в первый месяц и не могла сильно помочь заговорщикам финансами, ибо, удирая, шаньдунцы и Сунь Чуань-фан набрали налогов авансом надолго вперед. Недовольство буржуазии вызвало и то, что чанкайшисты не сумели даже охранить Нанкин от его обстрела шаньдунцами.

Однако постепенно положение Чана стабилизировалось. Ухань попал в блокадное кольцо. В Сычуани генерал Лю Сян начал громить левые и рабочие организации. Чан воспользовался просчетом Уханя: 2-й

корпус увяз в боях с шаньдунскими милитаристами, а 6-й корпус распылился по разным направлениям. Когда Ухань отдал этим соединениям приказ об отходе, то первое вернулось в половинном составе, а второе и вовсе было разоружено. Так бездарно была утрачена единственная опора уханьцев на востоке.

Получив, наконец, шанхайские доходы, Чан немедленно пустил их в дело. Он организовал широкую подрывную работу на территории уханьского правительства, один за другим устраивал мятежи милитаристов. На японской концессии в Ханькоу был создан штаб по подготовке контрреволюционных действий.

Путч за путчем...

Когда уханьцы начали широкие военные действия в Хэнани, то в Хубэе для охраны столицы остались немногочисленные войска, часть из которых была ненадежна: 15-й корпус, 8-й корпус Тан Шэн-чжи. Из левых соединений, преданных правительству, тыл обеспечивали 24-я дивизия Е Тина и Объединенная военная академия.

Тогда Чан натравил на Ухань сычуаньского милитариста Ян Сэня и командира отдельной 14-й хубэйской дивизии Ся Доу-иня, состоявшего на службе у Тан Шэн-чжи. Ян Сэнь шел по левому берегу Янцзы, не встречая сопротивления. 8-й и 15-й корпус дискутировали — быть нейтральными или переметнуться к врагу, причем было совершенно ясно, что хубэйские войска 15-го корпуса изменят. Заслон против Ян Сэня в районе Шаши открыл фронт и на пароходах и сампанах эвакуировался. Ся Доу-инь перерезал важнейшую железнодорожную магистраль на Чанша и подошел на 15 километров к Уханю.

Казалось, что падение столицы вопрос часов, и тогда, в боях 16—20 мая 1927 г. коммунистически настроенные части Е Тина грудью прикрыли революционную столицу. Мятеж был сорван. Чан Кай-ши, который открыто заявил, что восстание Ся совершено по

его указаниям, обманулся в своих расчетах. Но уже 20 мая был проведен переворот в Чанша.

Наши советники указывали: «Нити хунаньского переворота совершенно ясно тянулись к верхушке армии Тан Шэн-чжи, а оттуда к Ся Доу-иню». Уже в декабре 1926 г. чины штаба Тана поголовно считали, что крестьяне в Хунани осуществляют коммунизм. Хунаньские офицеры несколько раз совещались в связи с развертыванием аграрного движения.

Началось все с того, что крестьяне в деревне под Чанша арестовали за опиекурение отца командира 35-го корпуса и провели его с позорным колпаком. Солдаты Хэ Цзяня разогнали крестьянский союз, разоружили рабочие пикеты. Начались было успешные переговоры о возвращении оружия, но 22 мая из Ханчжоу прибыл полковник Сюй Кэ-сян. Он организовал вместо провинциального комитета гоминьдана чрезвычайный комитет по чистке партии, возглавил хунаньское правительство.

Началось истребление массовых организаций в Лилине, Лояне и других местах. Группа переворотчиков действовала активно, но насчитывала только 600—1000 человек. Бородин отмечал, что «первое время они боялись, как бы им самим не попасть в разряд разоруженных». Однако и здесь левые силы Хунани упустили случай. Дивизия из Иочжоу, махнув рукой на угрозу из Сычуани, погрузилась в вагоны и двинулась на помощь мятежу. Лидер переворота Хэ Цзянь начал через голову Тан Шэн-чжи сговариваться с гуансийцами и Нанкином.

К сожалению, левые силы Хунани не проявили необходимой политической гибкости. Крестьянское движение в провинции в своих требованиях и практике локализовалось. Крестьянские союзы отдельных уездов во имя защиты от весенней волны спекуляции запретили вывоз риса, ограничения ввело и провинциальное правительство. Ухань и самое главное — фронт остались без продовольствия. Это дало мятежникам возможность проводить контрреволюцию под лозунгами «Спасти армию и фронт от голода», «Рис должен быть перевезен», «Защитить героев Северного похода» и т. д. В газетах печатались мятежниками сводки поступления риса.

По мнению Бородина, левые силы Хунани «недоучли состав армии» и не подготовили вовремя сил для контрудара. 19 мая 1927 г. провинциальное правительство приняло закон о конфискации всех земель размером свыше 5 му, не оговорив прав офицерства НРА. 20-го ошибка была исправлена, но было уже поздно. Неумелость хунаньских революционных организаций привела к печальным результатам. Жертвы контрреволюционного террора были неисчислимы.

Репрессии после 5 июня 1927 г. охватили и провинцию Цзянси. Здесь Чжу Пэй-де совершил переворот в классическом стиле китайского милитаризма. Он собрал 130 коммунистов из своих войск, сказал им, что офицерство недовольно их деятельностью, и отправил их в Ухань, пока не улягутся страсти, выдав 30 тыс. на переезд. Одновременно был отдан фальшивый приказ об охране их жизни и имущества. Словом, все это походило на инсценировки и политические сальто-мортале Чан Кай-ши. Чан иногда заходил в своих фокусах далеко. Когда Ван Цзин-вэй проезжал в Ухань через его территорию, Чан не только любезно его принял, но и предложил остаться, чтобы возглавить правительство, которому бы и он, Чан Кай-ши, подчинялся. Конечно же, все это было чистой демагогией. Борьба Чан Кай-ши против уханьского центра облегчалась, как уже отмечалось, крайней непоследовательностью и серьезнейшими просчетами последнего.

Разгром „армии усмирения“

Отказавшись от немедленного удара против Чан Кайши, уханьские «левые» решили продолжить поход на Север, в Хэнань, с первоочередной целью — соединиться с народными армиями. В Хэнани начались кровопролитные бои. Еще в октябре 1926 г. 8-й корпус и другие войска НРА овладели горным проходом Ушэнгуань на северной границе провинции.

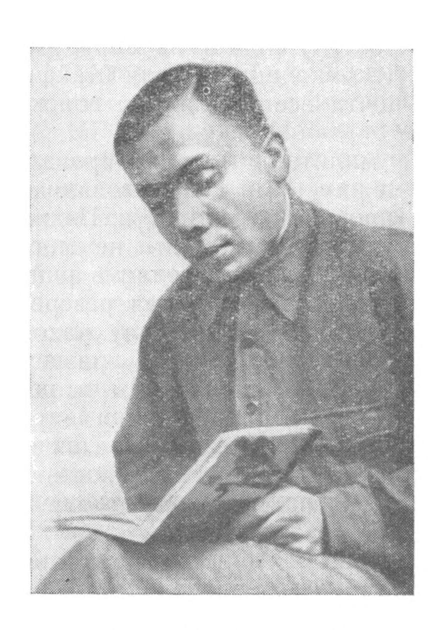
Идею продвижения НРА на Север подкрепляло соображение о большой раздробленности там милитаристских сил. С уходом Чан Кай-ши и его сторонников

на восток основным военным лидером на уханьской территории оставался Тан Шэн-чжи. К январю 1927 г. он контролировал следующие соединения помимо собственного 8-го корпуса: 4-й корпус Чжан Фа-куя, 11-й корпус Чэнь Мин-шу (в него входила 5-тысячная отдельная дивизия Хэ Луна, вскоре ставшая одной из основных сил коммунистического наньчанского восстания, советником при ней был М. Ф. Куманин), 35-й корпус Хэ Цзяня и 36-й корпус, всего более 50 тыс. человек. Таковы были силы, непосредственно подвластные главкому Тан Шэн-чжи. Всего же НРА могла выставить к началу операций на хэнаньский фронт примерно 100 тыс. (не считая могущих перейти к ней хэнаньских провинциальных войск и малонадежной аньхуйской группировки Чэнь Тяо-юаня). Чжили-мукденские же милитаристы могли этому противопоставить от 125 до 180 тыс., т. е. они обладали очень существенным численным перевесом.

На по-настоящему активные действия Фэн Юй-сяна трудно было рассчитывать. В январе 1927 г. он предпринял экспедицию в южную часть Шэньси, разбил местных милитаристов и отбросил их в Сычуань. Тогда же он прошел через горный проход Тунгуань и навел панику на У Пэй-фу, обосновавшегося в Хэнани с остатками сил после разгрома. У боялся допустить народные армии в Лоян, опасаясь их связей с местными хэнаньскими войсками, Фан Чжун-сю и НРА. Тем не менее, зная изворотливость Фэн Юй-сяна и его ярко выраженное стремление беречь армию и воевать чужими руками, на него не следовало полагаться.

В начале 1927 г. главные силы мукденцев Чжан Цзо-линя занимали северную часть Пекин-Ханькоуской железной дороги, У Пэй-фу контролировал ее центральный отрезок. Мукденцы готовились к обороне против народных армий и добивались от У перехода на их сторону.

Хэнаньские войска У Пэй-фу представляли собой лоскутное одеяло. Они делились не менее чем на полдюжины группировок, причем сам У контролировал уверенно не более 10 тыс. солдат. Имелись еще Тянь Вэйцинь, связанный с шаньдунскими милитаристами, выходец из 2-й народной армии, западнохэнаньские туфэи, бывшие части 2-й и 3-й народных армий, торго-

Советник М. Ф. Куманин

вавшиеся тайно с Фэн Юй-сяном, и т. д. Коу Ин-цзе, главнокомандующий хэнаньской армией, держал штаб в Чжэнчжоу, а сам У командовал обороной Лояна от Фэн Юй-сяна, опираясь на помощь «красных пик».

«Коньком» У, его любимой идеей, было отвоевание Уханя, для этого он предусматривал совместное наступление на Юг с шаньдунскими милитаристами из Аньхуя и Сунь Чуань-фаном. Но хэнаньские генералы вовсе не хотели воевать за шкурные интересы У, они во главе с Цзинь Юнь-э отложились от своего главаря, и У пришлось срочно сколачивать карательную экспедицию. В этот период В. К. Блюхер, тщательно анализируя данные о настроениях отдельных генералов, неустанно прикидывал, какая часть хэнаньцев способна переметнуться к НРА, какая — к мукденцам, получалось, что половина наполовину.

Наконец, в конце февраля 1927 г. мукденцы двинулись в Хэнань и перешли Хуанхэ. Тогда же определил свою позицию и шаньсийский крупный милитарист Янь Си-шань, он формально перешел на сторону НРА

и выделил ей 40 тыс. солдат на борьбу с мукденцами. 1 марта 1927 г. мукденцы заняли Кайфын, и тут выяснилось, что почти все хэнаньские войска присоединились к НРА.

Мукденские милитаристы блокировались с шаньдунскими, но между ними существовали острые противоречия из-за провинции Чжили и Пекин-Ханькоуской железной дороги, которых они не могли поделить. Основные силы шаньдунцев стояли в районе Сюйчжоу, а на Хэнаньский фронт, не считая резервов, было брошено примерно 40—50 тыс. В тылу находилась и пресловутая белая дивизия Нечаева, развернутая теперь в корпус. Мукденцы и шаньдунцы в целом насчитывали до 200 тыс. Это были типичные старокитайские милитаристские войска. Советники писали: «Грабеж населения — отличительная особенность шаньдунских войск, хотя и мукденцы в этом отношении не сильно отстают от них».

Не было прочного единства не только между отдельными кликами, но и внутри каждой из клик. Так, у мукденцев самым активным сторонником войны с Югом был молодой маршал Чжан Сюэ-лян, сын мукденского сатрапа, он рвался эмансипироваться и заполучить в свои руки всю военную и дипломатическую работу, с другой стороны, противником действий против Юга был генерал Ян Юй-тин, назначенный начальником мукденского арсенала помимо воли Чжана-младшего, и т. д. Мукденцы и шаньдунцы разоружили некоторые части У Пэй-фу и озлобили большинство хэнаньского генералитета. Большую роль в достижении временного единства всей этой плеяды хищников сыграло посредничество империалистов. Так была создана «Армия усмирения Китая», основная контрреволюционная сила.

В борьбе с НРА она имела на своих руках несколько крупных козырей. В тылу ее проходила великолепная коммуникация — крупная железная дорога, она располагала значительным техническим превосходством. В Хэнань было двинуто пять корпусов мукденцев, один из них, 8-й, был кавалерийским. Главной силой была артиллерия, сведенная в десять полков (30 тыс. солдат), из 360 орудий полевые составляли половину, имелись еще горные пушки и немного тяжелых. 40% при-

ходилось на японские и 20% на крупповские, боезапасы насчитывали до 400 снарядов на орудие. Ни о чем подобном, как читатель уже знает из описания предыдущих операций, НРА не приходилось и мечтать. Командовал артиллерией генерал, запятнавший свое имя изменой: будучи начальником артиллерии у Го Сун-лина во время описанного мною мятежа, он открыл огонь по своему лидеру и получил свой пост за это в награду. До половины мукденских офицеров прошли обучение в японских военных школах. В. К. Блюхер резюмировал ситуацию так: в Хэнани НРА «впервые столкнулась с образцовой армией». Положение осложняли и действия «красных пик», перерезавших сообщение фронтовых частей с тылом.

Я думаю, что все сказанное выше создает достаточное представление о значительных масштабах военных операций в Хэнани, о трудностях, с которыми пришлось встретиться НРА. К сожалению, мне не довелось сражаться на полях Хэнани, и я не могу взять на себя подробное описание тамошних боев. НРА противопоставила мощи врага революционный энтузиазм. В первых рядах сражались коммунисты, а борьба была невероятно кровопролитна. За несколько дней пало 7—8 тыс. солдат НРА, в том числе цвет коммунистической молодежи из 4-го и 11-го корпусов. Мукденцы располагали даже примитивными английскими танками, и выходить против них бойцам НРА приходилось, имея по 50 патронов на винтовку. Несмотря на это, героизм и упорство взяли свое. Серьезную роль в операциях сыграли наши советники, еще остававшиеся в Китае.

Самые ожесточенные бои происходили под Сюйчжэном на реке Лохэ. «Армия усмирения Китая» была разбита. В Чжэнчжоу НРА соединилась с Фэн Юй-сяном. После этого 4-й, 11-й и 20-й корпуса (последний образован из дивизии Хэ Луна) пришлось срочно оттянуть в Ухань для ограждения тыла от мятежей. Вскоре уханьский революционный центр был ликвидирован, революция захлебнулась в крови, но подвиги революционных солдат в Хэнани не пропали даром, ведь они сумели нанести жестокое поражение главной вооруженной силе реакции, и это сказалось в последующей борьбе.

„Левые“ бредут по следам Чан Кай-ши

Победа на фронтах, к тому же доставшаяся очень дорогой ценой, не могла уже спасти уханьскую революционную базу от внутреннего разложения. Если на первых порах в деятельности уханьского правительства наряду с его колебаниями и отступлениями перед натиском реакции было много и светлого, нужного революции, то заключительный этап его существования — это позорная цепь добровольных уступок контрреволюции, предательств и обмана масс. Позицию, занятую ЦИК гоминьдана в связи с хунаньским переворотом, можно определить как выжидательно-трусливую.

Уханьское правительство отправило в Чанша командира учебной дивизии Тан Шэн-чжи Чжоу Лина. Он прекратил казни трудящихся без закона, но тогда они стали совершаться «по закону». Вне закона были объявлены председатель и ответственный секретарь хунаньского комитета гоминьдана. Скрытый реакционер Чжоу внес в политбюро ЦИК гоминьдана предложение о реорганизации рабоче-крестьянского движения и «изгнании из него негодяев».

24 мая 1927 г. последовало распоряжение уханьского правительства об оказании защиты семьям офицеров НРА и возвращении им под угрозой суровой кары всего конфискованного имущества и земель. Было издано также распоряжение о запрещении конфискации земли «хороших помещиков». Указывалось, что «имуществу и убеждениям таких людей ничто не должно угрожать». Самым «большим» продвижением уханьских «левых» в сторону разрешения аграрного вопроса была резолюция политбюро ЦИК гоминьдана о частичной конфискации земли контрреволюционеров, объявленная к тому же секретной.

Для понимания общей социальной программы «левых» интересна речь, произнесенная Ван Цзин-вэем на конференции делегаций хубэйского гоминьдана. Ван говорил о необходимости временного установления государственного капитализма, который соответствует-де «трем народным принципам», о необходимости защиты имущества и близких офицеров НРА. Он заявил, что разрешение проблем земельной собственности невоз-

можно без предварительного разрешения проблемы капитала и рабочего контроля, до устранения империализма.

Стремлением оттянуть, отодвинуть социальные реформы проникнуто было и выступление Сунь Фо на конференции с хунаньскими гоминьдановцами. Сунь Фо говорил о «недавних ошибках» некоторых слоев в партии, о «слишком быстром прогрессе народного движения», о том, что для победы революционной армии необходимы доходы, получаемые ею от торговых кругов, и т. д.

Панически боясь народных масс, уханьцы продолжали опасаться и Чан Кай-ши с его диктаторскими устремлениями. Но они надеялись справиться с Чаном не с помощью подъема масс, а при поддержке части генералитета. В хэнаньской операции скрытой идеей «левых» было: столкнув Фэн Юй-сяна с мукденцами, самим рассчитаться с Чан Кай-ши. Вплоть до наньчанского восстания 1 августа 1927 г. «левые» не оставляли идеи похода на Нанкин, надеясь заручиться помощью генералов в обмен на репрессии против КПК.

В начале июня в Чжэнчжоу должна была состояться конференция лидеров уханьского гоминьдана с Фэн Юй-сяном. Перед этим 30 мая — 2 июня на квартире у Бородина состоялись два совещания. Ван Цзин-вэй на них высказался за ликвидацию нанкинской контрреволюции, призывал двинуть на нее войска, оставив небольшие части для очищения западного Хубэя. Его поддержал Чэн Цянь, указавший на следующее распределение военных сил, сложившееся к тому времени в порядке численности: 1) Ухань, 2) Мукден, 3) Нанкин. Политбюро ЦИК приняло формальное решение о походе против Чана. Однако поведение лидеров Уханя на совещании отражало уже полное неверие в дело революции, маразм уханьского центра: Сунь Фо помалкивал, Тань Янь-кай откровенно спал, Сюй Цяню не удалось попасть на совещание, его не пропустил не знавший его в лицо охранник.

Провинциальные органы гоминьдана оказались значительно более левыми, чем уханьцы. Перед Чжэнчжоуским совещанием ЦИК принял поэтому меры для их ограничения. 1 июня в «Пиплс трибьюн» был опубликован приказ. Организациям гоминьдана было предпи-

сано не вмешиваться в административные дела в их округах, хотя им и разрешалось критиковать и вносить предложения в провинциальную организацию гоминьдана, касающиеся дел местного управления. Одновременно окружным организациям гоминьдана воспрещалось арестовывать или штрафовать кого-либо без разрешения вышестоящих организаций. Правительство угрожало применением по отношению к нарушителям суровых кар, и окружные организации, повинные в нарушении настоящего приказа, подлежали роспуску. 1 июня появился еще более законченно предательский документ: приказ о роспуске всех окружных организаций гоминьдана, женских ассоциаций и крестьянских союзов в Хунани вплоть до расследования причин тамошнего переворота.

2 июня в «Пиплз трибьюн» появилось совместное воззвание рабочих, крестьянских и купеческих организаций. В нем говорилось: «К сожалению, в момент, когда наши революционные бойцы наступают на врага на фронте и сдерживают продвижение восставших войск Сяо и Яна в тылу, между рабочими, крестьянами и солдатами в Хунани произошли недоразумения...». Намечалась конференция представителей местных общественных организаций, выражалась солидарность с Тан Шэн-чжи и надежда на то, что правительство урегулирует вопрос. Все эти документы по существу звучали капитулянтски, они были проникнуты духом рабского угодничества перед военщиной, готовности во имя ее поддержки обезоружить массы.

Конференция в Чжэнчжоу состоялась 4—7 июня 1927 г. Первыми прибыли туда члены правительства. Еще до приезда Фэн Юй-сяна на совещании с главкомом Тан Шэн-чжи был решен вопрос о переброске войск в тыл. Лучшие революционные части были перемолоты в хэнаньских боях, а возвращавшиеся теперь в Хубэй могли быть использованы для подавления масс. С уходом войск делегаты лишались и военного аргумента в поддержку своих позиций. Сама конференция носила формальный характер: было известно, что Фэн Юй-сян, связав себя обязательствами перед Чан Кай-ши, мог сыграть лишь сомнительную роль примирителя. Ван Цзин-вэй сделал доклад об общеполитическом положении, Сунь Фо — о финансовом, оба они

резко высказывались против Нанкина. Сюй Цянь и Гу Мэн-юй, напротив, выступили за объединение с Нанкином, после завершения совещания они в Ухань не вернулись и сделались открытыми прихвостнями реакции.

А ведь в то время внутри гоминьдана еще имелись искренние революционеры. После переворота в Чанша в Ухани из бежавших хунаньцев была создана так называемая хунаньская комиссия. 12 июня 1927 г. «Пиплз трибьюн» опубликовала интервью с председателем делегации хунаньской организации гоминьдана, состоявшей из 80 человек. Эта делегация выработала ходатайство к генеральному секретарю гоминьдана, включавшее такие пункты: 1) немедленно отдать приказ о суде над Сюй Кэ-сяном, 2) восстановить гоминьдановские организации в Хунани, 3) возвратить Таня для восстановления правительства, 4) объявить смертную казнь Чан Кай-ши и Сюй Кэ-сяну, 5) распустить хунаньский «Комитет спасения гоминьдана», 6) восстановить профсоюзы, крестьянские союзы, 7) помочь семьям погибших. Содержание документа, вне всякого сомнения, говорит о революционной твердости и готовности к борьбе.

Как же реагировали «левые»? Они опять-таки пошли по пути оттяжек. Генеральный секретарь обещал послать телеграмму в Чжэнчжоу с изложением требований хунаньцев и другую — Сюй Кэ-сяну с запрещением репрессий, а также поставить на заседании ЦИК вопрос об его наказании. К тому времени в Хунани свирепствовал белый террор.

После чжэнчжоуского совещания «левые» уже окончательно выбрали свой путь — путь злостного предательства революции и террора против КПК, путь отказа от заветов Сунь Ят-сена. Быстро нашлись и теоретики этой измены. Программную статью сочинил Гу Мэн-юй. Она называлась «Суньятсенизм и нигилизм» (под последним, разумеется, подразумевался коммунизм). Сунь Фо и Тан Шэн-чжи разносили Бородина — «коммунистического заговорщика в гоминьдане».

С начала июля 1927 г. состоялось несколько совещаний ЦИК гоминьдана по вопросу о коммунистах. За исключение их из гоминьдана особенно ратовал Ван Цзин-вэй. Коммунисты не сдержали слова и разрушают

гоминьдан, уверял он. К тому времени КПК вывела из правительства двух своих представителей, и это позволило Вану говорить: «Раз они не хотят делить тяготы правительственной работы и выходят из правительства, то, значит, они должны выйти и из гоминьдана, если сами не выходят, то должны быть исключены». Словом, Ван Цзин-вэй, через десяток лет скатившийся до роли презренного предателя национальных интересов и прихвостня японских империалистов, выступал главным поборником разрыва с КПК. Заговор был тщательно подготовлен. Ханькоу был объявлен на военном положении, разбит на участки, и начальник каждого из них получил задание в нужное время выловить коммунистов. В Ханьяне на арсенале были расстреляны семь вожаков рабочих, и вслед за тем Ухань захлестнула мутная волна контрреволюционного террора.

Искренние революционеры из рядов левых гоминьдановцев восприняли эти события с болью, они понимали, что разрыв с КПК означает полное предательство идеалов Сунь Ят-сена. Точка зрения этих людей была 18 июля выражена в известной декларации Сун Цин-лин. Этот документ, изданный отдельными листовками, распространялся в Ханькоу и Цзюцзяне, его перепечатали шанхайские газеты. Был он опубликован и в англоязычной «Пиплз трибьюн», но Гу Мэн-юй отдал приказ конфисковать этот номер. Так прекратил свое существование уханьский революционный центр и закончился целый этап развития революции.

Все ли возможности были использованы?

Несмотря на всю неустойчивость «левых», завершившуюся их предательством, уханьский этап дал очень многое для развития коммунистического движения в Китае. Во время Северного похода, а затем на территории, подконтрольной уханьцам, китайские коммунисты получили великолепные возможности для стремительного роста своей партии, весь вопрос был в том, чтобы этим воспользоваться наиболее полно. Со дня на

день ширилось массовое движение. Тов. Бородин говорил тогда: «Опираясь на это движение масс, китайские коммунисты отвоюют себе не только те позиции, которые у них были отняты «20 марта», но и значительно расширят после свое влияние, ибо во всех вновь присоединенных провинциях они возглавляют массовые общественные, профсоюзные и партийные (имеются в виду гоминьдановские. — *А. Ч.)* организации».

В вооруженной борьбе с контрреволюцией, в беззаветной жертвенной работе по сплочению масс, их политическому просвещению, в работе по укреплению единого революционного фронта тысячи коммунистов проявляли подлинный героизм, вписали немеркнущие страницы в историю освободительной борьбы своего великого народа. Подъем революции дал возможность КПК из немногочисленной организации в несколько сот членов превратиться во влиятельную, более или менее массовую по условиям того времени партию, качественно расширить свое влияние в массах.

Я, конечно, ни в какой мере не могу претендовать на глубокие суждения относительно всего хода борьбы КПК в период революции 1925—1927 гг. Но некоторые соображения мне как непосредственному очевидцу героической борьбы коммунистов Китая хотелось бы высказать. Меня подталкивают на это воспоминания о беседах с товарищами более тесно, чем я, военный советник, связанными с деятельностью КПК, а также то горячее стремление осмыслить суть событий, которое отличало меня в те годы, как и других советских советников.

Мне кажется, что предложенная Коминтерном линия единого фронта создала все условия для становления в Китае коммунистического движения в национальном масштабе, но вместе с тем никак нельзя сказать, что КПК использовала все открывшиеся перед ней возможности. Причин здесь много, но, вероятно, главные — крайняя молодость, незрелость партии и недостаточно удовлетворительный ее социальный состав.

Коминтерн, изучение опыта КПСС дали исключительно много для идейного роста КПК, но, разумеется, успехи партии на $^{9}/_{10}$ зависели от повседневной работы самих коммунистов на местах, от способности руководства КПК ориентироваться в политической обстановке, опе-

ративно откликаться на все нюансы, от тактического мастерства КПК, ее умения и наступать и организованно отступать на заранее подготовленные позиции. И здесь молодая КПК допустила ряд ошибок. Видели ли их наши товарищи? Конечно. Но что они могли сделать? Партии предстояло расти и крепнуть день за днем в бурных водоворотах национальной революции, когда опыт дня равен опыту года мирного развития, по оценке Ленина.

Огромнейшее внимание Коминтерна и КПСС, их глубокие оценки событий играли свою роль, но, конечно же, не могли и не должны были заменить теоретическую и идейную работу самой партии. На месте всегда виднее. Когда же представлялась возможность, наши товарищи в Китае честно и откровенно по-партийному делились с работниками КПК своими мыслями и тревогами.

Вдумчивым анализатором работы КПК был М. М. Бородин. И многое вызывало у него законные опасения, особенно в действиях ЦК КПК, который возглавлял профессор Чэнь Ду-сю. ЦК длительное время находился в Шанхае, на территории французской концессии, он перевелся в Ухань лишь в марте—апреле 1927 г. Конечно, Шанхай был крупнейшим пролетарским центром, но в Кантоне, а затем в Ухане шла также важнейшая для судеб революции и партии работа в рамках единого фронта, от которой ЦК был в значительной степени оторван и плохо поспевал за бурным развитием событий. Бородин (он вообще неоднократно рекомендовал перевести ЦК КПК в Кантон) на собрании бюро ЦК КПК, куда он был приглашен, откровенно заявил, что ЦК напоминает ему порой книжного критика, который ждет, пока выйдет книга, чтобы разбирать ее достоинства и недостатки. ЦК приходилось выслушивать то, что М. М. Бородин называл «бесконечными диссертациями Чэнь Ду-сю о том, что говорит тот или иной гоминьдановец»! Бородин уловил наиболее уязвимое место в работе ЦК — его оторванность от живой организаторской работы, его тенденцию плестись в хвосте событий, подменять влияние на массы влиянием на отдельных лиц.

И в период перед V съездом, т. е. в весьма критический момент революции, Бородин констатировал: «Дискуссии и никакого руководства». Мало того: «На собраниях с гоминьдановцами коммунисты цекисты вступали

друг с другом в дискуссии и делали безответственные заявления, не договорившись предварительно в своем ЦК». Все это свидетельствует о крайней незрелости и политической неопытности партии.

Знакомясь с рядом публичных заявлений руководства партии на этом этапе, невольно приходишь к выводу, что в них не чувствуется никакой уверенности в организованной и надежной поддержке масс, иначе трудно объяснить тот дух ненужного самоуничижения, которым они проникнуты (например, заявление Чэнь Ду-сю и Ван Цзин-вэй при проезде последнего через Шанхай). Такого рода заявления могли только дезориентировать и партию и массы.

Уже 20 мая 1927 г. рядом распоряжений ЦИК гоминьдана была ограничена деятельность коммунистов: из армии удалялись коммунисты-комиссары, из профсоюзов и крестьянских союзов — организаторы. Так было в главных городах Цзянси и других местах. Как же реагировал ЦК КПК? Одновременно публикуются передовица, написанная Чэнь Ду-сю, и статья коммуниста, редактора органа хубэйской организации гоминьдана «Минью ибао», суть которых одна — необходимость поддерживать предпринимателей. Если даже и правильно было в то время ставить вопрос о сохранении единого фронта, то кому и чему могли служить такие заявления на фоне ударов по КПК, сужения ее сферы влияния?

25 мая 1927 г. появляется в центральном органе гоминьдана статья «Революция, обычаи и ритуал». В ней коммунист-автор выступает против эпидемии стрижки волос на современный лад, охватившей китайских революционно настроенных женщин, против «слишком радикального» движения за прекращение уродования женских ног бинтованием, против чересчур энергичной атаки на суеверия. Опять-таки уместно ли было публичное выступление на эту именно тему, нельзя ли было в случае чрезмерной левизны работников женского движения ограничиться внутрипартийной инструкцией?

ЦК КПК потратил значительное время на разбор вопроса, кто лучше — Чан Кай-ши или Тан Шэн-чжи. Было решено, что Чан опаснее, что он при случае вновь предъявит требования «20 марта». «Но КПК, давая правильную оценку Чан Кай-ши, на деле, по-серьезному, а не в резолюциях, не готовилась к решительной схватке с бу-

дущей контрреволюцией» (Бородин). Хунаньская организация КПК чрезмерно доверяла Тан Шэн-чжи, наши советники даже сочли своим долгом ее предупредить, что Тан — опасная фигура и далеко вместе с революцией не пойдет.

Все эти слабости в классовой оценке отдельных лиц, в общем анализе сложной ситуации коренились не только в недостаточном опыте партии, но и в незрелости ее классовой базы, в недостатке фабрично-заводского пролетариата, обладающего всеми чертами, свойственными этому классу в промышленно развитом обществе. Наши советники отмечали, что рабоче-крестьянское движение было чрезвычайно широким по своим размерам, но недостаточно мощным в глубину. Один из руководителей Всекитайского совета профсоюзов в мае 1927 г. в беседе сообщил следующее: рабочие организации хотя численно большие, но очень слабые, отдельные союзы враждуют между собой, не подчиняются Центральному совету профсоюзов, не имеют опыта работы, не связаны с массами. В апреле в хубэйских организациях состояло до 275 тыс. рабочих самой различной профессии: рикши, приказчики, портные, повара, служащие отелей, сапожники, парикмахеры и т. д.

Известную незрелость проявила партия и во время трех восстаний шанхайского пролетариата, приведших к освобождению города. Захватив огромный центр, экономический и политический, рабочие затем без боя сдали его Чан Кай-ши и, более того, понесли огромные потери кадрами лучших организаторов. А ведь шанхайские пикеты были вооружены не только винтовками, но многие и пулеметами, ведь делалась попытка организовать снизу правительство, широкое по составу. Рабочие не были готовы к коварному удару, не владели искусством организованного отступления.

ЦК КПК и его руководитель Чэнь Ду-сю в те месяцы не раз брали на себя функции, несвойственные руководству пролетарской партии. В середине мая 1927 г. ханьянская организация гоминьдана арестовала двух капиталистов и конфисковала у них машиностроительный завод и склад керосина. ЦИК гоминьдана принял решение об отмене принятых мер. И вот 18 мая 1927 г. Чэнь Ду-сю опубликовал статью «Революция и порядок» с обвинением ханьянцев в нарушении политики партии.

Одновременно публиковалась инструкция ЦИК о безоговорочном сохранении единого фронта с промышленниками и купечеством и об их защите членами гоминьдана. Линия на продолжение тактики единого фронта, вероятно, была правильной, но подобало ли Чэню делать публичные официальные заявления такого рода в гоминьдановской газете?

10 марта 1927 г. пленум ЦИК гоминьдана принял решение о предоставлении КПК двух мест в уханьском правительстве: портфелей министра труда и земледелия и министра внутренних дел. Официальное назначение на первый пост Су Чжао-чжэна состоялось лишь в конце мая. Су в связи с этим опубликовал в «Пиплз трибьюн» декларацию от 11 июня 1927 г., в которой обещал в непродолжительном будущем законы и распоряжения, касающиеся регулирования конфликтов рабочих с предпринимателями, рабочего страхования и помощи безработным. В декларации, между прочим, говорилось: «Есть много доказательств в пользу того, что освобожденные недавно слои рабочих и крестьян совершают неблагоразумные действия, причиняя таким образом большой вред революционному союзу между рабочими, с одной стороны, и промышленниками и торговцами, с другой. Впредь рабочие организации и отдельные рабочие, нарушившие предписание центрального органа гоминьдана, будут сурово караться, организации же и лица, действующие вопреки интересам трудящихся, тоже будут подвергнуты сугубо серьезным карам».

Второй министерский пост занял Тань Пин-шань, который, по характеристике Бородина, «в министерстве ничего не делал и на все это смотрел как на дело, не стоящее выеденного яйца. Ни одного мероприятия и ни одного закона не было проведено. Даже не было попыток».

Столь неудачно декларированная и проведенная правительственная деятельность и завершена была не так, как следовало бы. ЦК КПК принял решение, что Су заявит о необходимости отпуска в связи с отъездом за границу, а Тань ляжет в больницу. 30 июня в «Пиплз трибьюн» появилось заявление Тань Пин-шаня, в котором, в частности, говорилось: «Я неуклонно прилагал усилия к тому, чтобы направить крестьянское движение на верный путь. Последние события создали такое серь-

езное политическое положение, что я не в состоянии больше нести тяжелую ответственность за направление крестьянского движения. Поскольку я сейчас физически не способен продолжать работу, я прошу меня от нее освободить».

Таким образом, коммунистические министры сначала формально приняли на себя функцию сдерживания массового движения, что никак не совместимо с программой партии в революции, сделали по этому поводу широковещательные заявления, не имея никакой реальной опоры для их осуществления, а затем, когда ошибочность тактики стала очевидна, вышли из правительства, никак серьезно не мотивировав этого, не использовав великолепной возможности для правильной ориентировки масс. Это было серьезной ошибкой ЦК КПК, свидетельствующей об отсутствии тактического мастерства и ошибочных установках руководства. Бородин справедливо отмечал, что открытое письмо, опубликованное левым гоминьдановцем Дэн Янь-да, выглядело как гораздо более решительный и понятный массам документ, чем то, что было опубликовано КПК в связи с выходом из правительства.

Надо сказать, что внутри КПК существовали тогда серьезнейшие разногласия в определении правильной тактики, не было согласованности и между руководством КПК и руководством коммунистической молодежью. Последнее, например, опубликовало 30 мая пропагандистские тезисы по аграрному вопросу, где было написано: «Феодализм в деревне должен быть ликвидирован революционными средствами, и надо начать открытую борьбу с буржуазией».

Известный герой китайской революции коммунист Юнь Дай-ин, прошедший обучение в академии Вампу, 10 июня 1927 г. в «Миньго жибао» поместил статью «Детская болезнь левизны в крестьянском движении». Вот ее основное содержание: переворот в Чанша отчасти вызван детской болезнью левизны в крестьянском движении, но было бы большой ошибкой обвинять в нем только крестьянское движение. В процессе этой болезни отражены тяга крестьян к земле, к освобождению от власти феодалов. Лозунг распределения земли выявляет земельный голод, царящий в рядах крестьянской бедноты. Говорят, что в крестьянском движении есть много «бродяг». Это правда, но надо понимать, что эти беззе-

мельные крестьяне требуют земли. Люди, тормозящие это прогрессивное движение и желающие его подавить, люди, противящиеся разделу земли и добивающиеся сохранения феодализма, — безусловные контрреволюционеры.

Таким образом, в рамках коммунистического движения существовали чуть ли не диаметрально противоположные точки зрения по вопросу о тактике в важнейшем для революции аграрном вопросе в самый критический момент революции. Остается открытым вопрос, в какой степени за этой разницей во взглядах стояла способность проводить свой вариант тактики в жизнь. На первый взгляд разногласия носят скорее характер чисто теоретического спора, когда ни одна сторона не обладает достаточным влиянием на массы и способностью вести их на осуществление своей линии.

КПК приняла участие в работе гоминьдановской аграрной комиссии, о которой уже говорилось. Бородин охарактеризовал этот эпизод так: «Характерно, что позиция представителей КПК была чрезвычайно неустойчива. Тань Пин-шань не имел определенной точки зрения: сегодня он был за полную конфискацию, завтра он был за политическую конфискацию, — и сколько в комиссии было коммунистов, столько мнений. Тань Пин-шань и ряд других коммунистов в комиссии занимали гораздо более правую позицию в этом вопросе, чем гоминьдановец Дэн Янь-да».

Такая разобщенность в важнейших проблемах тактики не могла не вести к организационному бессилию в моменты, требующие от молодой партии максимума определенности и активности. Так было во время описанного выше хунаньского переворота.

Рядовые китайские коммунисты и комсомольцы показывали образцы героизма, они беззаветно шли умирать во имя торжества своих высоких идей, во имя свободы Китая. Сюй Кэ-сян предложил секретарю хунаньской организации и еще пятерым членам Коммунистического союза молодежи выбор между казнью и выходом из партии, они категорически отказались от измены своим убеждениям и через день были расстреляны.

Такая стойкость рядовых коммунистов сочеталась с организационной слабостью партии, с неразберихой в вопросах тактики.

М. М. Бородин писал: «Хунаньские товарищи не смогли организовать заблаговременно должный отпор контрреволюции и не сколотили нужных частей, в этом их вина, но большая часть вины в чаншаском перевороте и ускорении победы контрреволюции падает на ЦК КПК».

Хунаньские коммунисты дали задание крестьянским союзам стянуть отряды к Чанша, и в это время ЦК КПК дал инструкцию не драться. Это внесло растерянность в ряды повстанцев. Восстание, «может быть, и не было бы победоносным, во всяком случае, если бы ЦК занял иную позицию, движение не было бы дезорганизовано, а КПК не была бы дискредитирована».

«ЦК КПК не мог, как он заявил, организовать демонстрацию протеста и забастовку в арсенале по поводу хунаньского переворота из-за недостатков технического порядка и назначенную демонстрацию отменил, зато через три дня по поводу приезда Тан Шэн-чжи с фронта он демонстрацию организовать смог», — констатировал М. М. Бородин.

20 мая 1927 г. в Чанша направилась правительственная комиссия, еще не зная о перевороте, сразу же после очищения железной дороги от банд Ся Доу-иня. В нее вошли тов. Бородин, Тань Пин-шань, Чэнь Гун-бо и другие. Добрались они лишь до Иочжоу, где штаб местного гарнизона их вежливо задержал до получения инструкции из Чанша. Заподозрив неладное, комиссия подкупила машиниста взяткой и вернулась. Позже выяснилось, что в Чанша было решено немедленно отрубить головы правительственным уполномоченным.

Огромный интерес представляет опубликованная 2 июня 1927 г. в «Пиплз трибьюн» инструкция Всекитайской крестьянской федерации ее организациям в Хунани, Хубэе и Цзянси. По существу этот документ сводится к тому, что революционное крестьянское движение зашло слишком далеко и должно было остановиться. В инструкции говорилось: «Для поддержания своего существования, будучи введены в заблуждение различными слухами, намеренно распространяемыми реакционерами, крестьяне нередко прибегают к суровым мерам, чем причиняют ущерб объединенному боевому фронту национал-революционеров...» «Конфискация земли и собственности злонамеренных богатеев и бандитов должна

осуществляться на основе предначертаний национального правительства...» «В соответствии с распоряжениями национального правительства должны быть созданы судебные органы, которые отражали бы общественное мнение...» «Мелкие землевладельцы, равно как и семьи военных командиров должны пользоваться благами революции в такой же мере, как и крестьяне... вооруженные отряды должны подчиняться распоряжениям национального правительства».

Необходимо создание крестьянскими союзами окружных и уездных органов самоуправления, «в которых смогли бы принять участие мелкие торговцы, интеллигенты, честные люди без различия классовой принадлежности и революционные элементы». Федерация взяла на себя неблагодарный труд теоретически обосновывать необходимость сдерживания рвавшихся в бой масс, причем, поскольку они действовали стихийно, это вообще было заведомо безнадежным делом. В инструкции сквозит желание вовлечь в крестьянское движение более умеренные элементы, дабы как-то притупить его революционность.

11 июня в интервью, опубликованном в «Пиплз трибьюн», генеральный секретарь крестьянской федерации объяснял быстрое развитие крестьянского движения до восстания Ся Доу-иня тем, что «неблагоразумные действия со стороны крестьян» были неизбежны, так как правительство не дало распоряжений относительно самоуправления. После восстания Ся крестьяне-де руководствовались местью. «Это побудило членов Всекитайской крестьянской федерации выработать более умеренные методы». Итак, федерация вместо позитивной работы по сплочению крестьянства вела словесную декларативную работу негативного характера, суть которой заключалась в дискредитации ее как революционного органа и тех, кто стоял за ней, попытками тормозить аграрную революцию.

Такую же позицию заняла и конференция хубэйского крестьянского союза, резолюция которой была напечатана 29 июня в «Пиплз трибьюн» (запрещение участвовать в движении за распределение земли поровну между крестьянами... взятие правительством в свои руки конфискации недвижимости и сдачи ее в аренду бедным... Имущество, не принадлежащее бандитам, злона-

меренным аристократам и контрреволюционерам, не подлежит конфискации, а конфискованное по ошибке должно быть немедленно возвращено владельцам и т. д.).

Думается, что немногочисленные материалы, только что приведенные мною, уже убедят читателя в правильности суждения М. М. Бородина об аграрной политике ЦК КПК. Бородин оценивал ее в следующих суровых, но справедливых словах: «В то время как вожди «левого крыла» гоминьдана ограничивали революционное движение масс и подготовляли капитуляцию, лидеры крестьянского движения помогали им, обессиливая крестьян, стремящихся к радикальному разрешению аграрной проблемы... Дело не в том, что крестьяне в борьбе допускали те или иные ошибки, а дело в том, что эта борьба развивалась самотеком, почти без руководства КПК, не ориентируясь, несмотря на указание VII Пленума ИККИ на борьбу на деле, а не в резолюциях, и не готовясь к схватке с эксплуататорами. В этом была беда движения».

Не лучше во многих отношениях обстояло дело и с руководством борьбой городских масс, пролетариата. 19 июня «Пиплз трибьюн» сообщала: «По распоряжению правительства хубэйский совет профсоюзов уведомил профсоюзы о том, что правительство считает нежелательными дальнейшие заявления о конфискации собственности мятежников в этой провинции». Это была в высшей степени характерная публикация.

На последней неделе июня 1927 г. в Ухани состоялась IV Всекитайская рабочая конференция. В принятых ею решениях можно найти пункты, свидетельствующие о понимании высокой миссии пролетариата. Конференция заявила: рабочие — авангард китайской революции, они проявляют больше мужества и отваги, чем какой-либо другой класс населения. «Конференция заявляет от имени 3 миллионов организованных рабочих Китая, что они объединятся с буржуазией и крестьянством в борьбе против империалистов и милитаристов, сколько бы жизней ни пришлось принести в жертву этой кампании».

Вместе с тем в адрес наиболее острой и жизненной проблемы, волновавшей пролетариат, было сказано несколько ни к чему не обязывающих слов: «Правительство, разумеется, примет меры к улучшению экономиче-

ского положения рабочих...» 28 июня в помещение Всекитайской федерации профсоюзов и хубэйского совета профсоюзов были введены войска. Военщина стремилась задушить рабочих, обезопасить себя от них перед контрреволюционным террором. Как же реагировало руководство рабочих организаций? Хубэйский совет отправил делегацию в военный совет, и та заявила следующее: «Ввиду жалоб на то, что пикеты рабочих препятствуют деловым кругам восстановить нормальную экономическую жизнь, Совет просит включить пикеты в состав регулярной армии». Практически это свелось к тому, что в заключительный день IV конференции пикеты добровольно разоружились.

Рабочая гвардия, последняя опора пролетариата перед лицом готовившей кровавый террор контрреволюции, добровольно сдала свои позиции, капитулировала без боя. «Пиплз трибьюн» комментировала это так: «Рабочие добровольно поставят себе более скромные задачи, дабы не нарушать планов и расчетов государственной власти, добивающейся завершения нынешней военной революции...» «IV Всекитайская рабочая конференция войдет в историю китайского пролетариата как конференция, научившая рабочих, которых она представляет, необходимости самодисциплины и самоконтроля». Как известно, единственным плодом «самоконтроля» было беспорядочное отступление перед натиском реакции, что привело к большим жертвам прежде всего среди актива рабочего движения, был разоружен молодой, начинавший складываться организационный костяк КПК в среде городского пролетариата.

Другой существенной слабостью массового движения в годы революции была его разновременность на различных территориях: в одних провинциях революционный подъем был уже в разгаре, а в других царило еще полное спокойствие и борьба разгоралась по-настоящему лишь тогда, когда передовые очаги были придавлены контрреволюцией.

Очень слабо описано доныне в нашей литературе массовое движение в провинции Шэньси. Знакомство с анализом его, принадлежащим А. Лапину, позволяет мне несколько восполнить этот пробел.

Я уже рассказал о той борьбе, которая развернулась в этой провинции между милитаристами и народными

армиями Фэн Юй-сяна. В ходе нее крестьянское движение на некоторое время получило возможность развиваться легально, так как оно служило опорой в борьбе с реакционной военщиной. Крестьянство Шэньси подверглось лютому разорению в результате милитаристских войн. За два-три года цена на землю упала в два-три раза. Шэньши воспользовались этим для скупки земель за бесценок, и количество собственников значительно уменьшилось, все шире распространялась кабальная аренда.

А. Лапин докладывал другим советникам: «Еще до приезда Юй Ю-жэня в течение двух-трех лет в Шэньси работало несколько десятков коммунистов среди крестьянства. К моменту прихода армии Фэна среди крестьянства Шэньси насчитывалось около 400 коммунистов. У них была реальная связь с целым рядом районов, были подпольные крестьянские союзы, ячейки и т. д. Когда явился Юй и в соответствующих районах можно было повести работу легально, эта предварительная работа сразу дала богатые всходы».

И в глухой провинции Шэньси мы видим ту же картину, что и на юге и в центре страны: рекомендованная Коминтерном политика единого фронта даже там, где этот фронт был весьма слабым и неустойчивым, формальным и поверхностным, давала свои плоды для развития масс в революционном направлении. За короткое время к февралю 1927 г. в крестьянские союзы было вовлечено до 120 тыс. человек. В ряде мест «красные пики», тайное общество крестьян, находившееся под влиянием шэньши, легло в основу союзов после того как реакционные главари были вычищены. Такая же трансформация происходила и с миньтуань — помещичьей полицией.

Крестьяне втянулись в борьбу очень горячо. Бывали случаи, когда на большие крестьянские митинги приезжали целые союзы селений, расположенных на расстоянии более 100 ли (50 километров). Все эти собрания проходили под руководством шэньсийского комитета гоминьдана, на 80% находившегося в руках коммунистов.

Вместе с тем движение несло на себе явный отпечаток общей крайней отсталости тогдашней китайской деревенской жизни. А. Лапин сообщал: «Вскоре после того как Юй пришел к власти, в провинциальный

комитет гоминьдана в Сиани крестьяне стали приносить клетки с головами шэньши. Вот, говорили они, еще один контрреволюционер наказан нами, и мы доставили его вам». При этом они хотели получить санкцию на такие действия... «На одном из крестьянских сходов крестьяне убили двух шэньши. Но раньше, чем это сделать, они отправились к двум коммунистам, которые вели в этом районе работу среди крестьянства, объявили решение схода и просили приказа от этих товарищей на предмет усекновения голов этих джентри. Так как эти товарищи имели одинаково горячие сердца и головы, они отдали приказ».

Таким образом, и в Шэньси движение начинало перехлестывать приемлемые для фэнъюйсяновского офицерства рамки. В Шэньси бывали стихийные вспышки крестьянских восстаний против местных войск Фэна, в двух-трех случаях были разоружены батальон или рота. Фэн категорически высказался против таких выступлений, в которых, по его мнению, виноваты были «мальчишки»-коммунисты. Упомянутые выше два члена КПК по его настоянию были исключены из гоминьдана и высланы.

В целом массовое движение на северо-западе не могло оказывать решающего влияния на общую обстановку, не имели коммунисты и опоры в рядах самой армии Фэн Юй-сяна. Впрочем, и в НРА позиции КПК были весьма шаткими, КПК не сумела закрепить под своим исключительным влиянием ни одного крупного контингента войск.

Если о массовом движении я могу судить в основном по косвенным свидетельствам более осведомленных друзей, то о положении дел в армии у меня сложилось четкое представление на основе собственного опыта. Я считаю вполне правильным общее заключение тов. Бородина о том, что китайским коммунистам «вооружиться нужно было и можно во время северной экспедиции, но эта задача, к сожалению, не была выполнена».

Под реальным контролем КПК были в основном лишь дивизия Е Тина и военная школа в Ухани. Именно Е Тину и принадлежит заслуга подавления мятежа Ся Доу-иня, которого он разбил в двух кровопролитных боях и отбросил от железной дороги.

В первой половине июля 1927 г. гоминьдан решил,

что коммунисты должны быть убраны изо всех корпусов, за исключением 4-го и 11-го, а вскоре командир 11-го корпуса в ультимативной форме потребовал снятия Е Тина с поста командира 24-й дивизии («либо я, либо Е»). К счастью, уханьцы приняли решение о подтягивании 4-го и 11-го корпусов к Наньчану для борьбы против Чан Кай-ши. Это позволило 24-й дивизии Е Тина и 20-му корпусу Хэ Луна подойти в район Цзюцзяна, что позже дало возможность провести наньчанское восстание 1 августа 1927 г. Реорганизованный к этому времени ЦК КПК считал, что у Чжан Фа-куя имеется до 10 полков во главе с коммунистами, и рекомендовал двигаться в Гуандун для проведения там аграрной революции.

Опора, фактически завоеванная КПК в НРА, оказалась явно недостаточной для быстрого и эффективного отпора реакции. По заключению М. М. Бородина, для проведения в жизнь четкого указания ИККИ о необходимости накопления военных сил за партией ничего не было сделано, отдельные члены ЦК говорили о нужде в своих воинских частях, и это было все. Контрреволюционный переворот в Центральном Китае был проведен при участии или молчаливой поддержке огромного большинства армии.

Путь военных лидеров

Окончательным толчком к переходу уханьских «левых» в лагерь контрреволюции послужила позиция, занятая Фэн Юй-сяном. В его армии коммунистическое влияние оказалось на поверку еще более слабым, чем в НРА. И тем не менее вплоть до июля народные армии Фэна объективно играли революционную роль, перемалывали чисто милитаристские соединения, способствовали улучшению общекитайской политической ситуации.

К февралю 1927 г. 1-я народная армия и ее союзники насчитывали чуть ли не 150 тыс. солдат, однако основные войска Фэна, вооруженные и способные выступить на фронт, составляли лишь половину этого количества. Фэн Юй-сян в это время всячески демонстрировал хорошее отношение к советникам, просил увеличить

их количество, намекая на желательность поставок оружия из СССР.

Офицерство фэнюйсяновских армий склонно было иногда объяснять крупные военные успехи НРА военным талантом Чан Кай-ши. Фэн Юй-сяна это раздражало. «Извините, — возражал он, — НРА этим обязана не Чан Кай-ши, а гоминьдану и Галину (Блюхеру), который руководит военными действиями». По поводу взятия Шанхая и Нанкина Фэн Юй-сян устроил торжественное собрание и парад. На этой церемонии он, Юй Ю-жэнь и представители рабочих, крестьян и женщин взялись за руки и кружились вокруг знамени гоминьдана.

Однако эта трогательная сцена имела чисто демонстративный театральный характер. Фэн Юй-сян руководствовался исключительно трезвым расчетом, он стремился не впутывать себя ни в какие серьезные политические обязательства перед левыми кругами. Несмотря на неизменные приглашения, Фэн Юй-сян вовсе не бывал на заседаниях шэньсийского провинциального комитета гоминьдана, на еженедельных городских собраниях гоминьдановцев Сиани. На состоявшемся в начале 1927 г. первом провинциальном съезде гоминьдана он произнес всего лишь пятнадцатиминутную речь самого общего характера. Зато 8 марта, когда отмечался Международный день работниц, выступил весьма красноречиво о равноправии женщин в СССР и необходимости освобождения женщин Китая. Короче говоря, Фэн охотно говорил в общем плане о задачах революции, но воздерживался от каких-либо обязательств.

А. Лапин отмечал: «Его позиция до похода на Чжэнчжоу может быть охарактеризована так: он крестьянству не мешал, но и не помогал». Подход был весьма практическим. Фэн сочувствовал крестьянам, поскольку они выступали против 2-й народной армии.

По мере роста массового движения Фэн становился все правее и правее по своим установкам. Над коммунистической газетой в Шэньси была установлена строгая цензура, редактора решено было строго наказать за статью, призывающую крестьян к революционным действиям, и он в последний момент сбежал. За «самочинные» действия крестьян была введена кара вплоть до расстрела. В речи перед комсоставом Фэн Юй-сян теперь

утверждал, что борьба крестьян против шэньши вредит делу революции. Когда на небольшом сианьском арсенале началась экономическая забастовка, то ее руководители были арестованы, а в июне 1927 г. были схвачены и несколько видных коммунистических работников. За месяц до этого армейским политработникам было объявлено о наказании за проведение тайных собраний, запрещено было критически высказываться о трех принципах Сунь Ят-сена, с политработников бралась подписка о соблюдении ими единства пропаганды. Все это было направлено против КПК, которая на территории Фэна всегда оставалась нелегальной организацией.

Лицо Фэн Юй-сяна теперь определялось политической позицией, занятой его командным составом. Генералы Фэна, на словах признавая авансы революционному движению, выдаваемые щедро их лидером, оставались по существу милитаристами до мозга костей. А. Лапин из разговоров с генералом Суном узнал, что в печально известном расстреле 18 марта 1926 г. в Пекине революционной студенческой демонстрации участвовали Ли Мин-чжун и еще несколько генералов Фэна. Часть офицерства «народных армий», подобно милитаристам, рассматривала свои войска как средство для «кормления». Так, генерал Лу Чжун-лан на деньги, захваченные в Тяньцзине в 1925 г., завел предприятия в Пекине, доходные дома в Тяньцзине. Генерал Цзян, в прошлом начальник округа, а затем помощник дубаня провинции Ганьсу, имел в Пекине большую фабрику консервов с 250 рабочими. Когда мукденцы задумали ее конфисковать, то он взял себе в пайщики молодого маршала Чжан Сюэ-ляна и продолжал дело. Кроме того, он владел значительными земельными участками и вел торговлю. Короче говоря, высшее командование Фэна представляло собой полупомещиков-полукупцов. Их «кормление» облегчалось тем, что в войсках Фэна никто не контролировал хозяйственную деятельность.

В течение нескольких месяцев Фэн Юй-сян был замкнут на своей территории и активной поддержки НРА не оказывал. Когда же он принял решение идти на соединение с уханьцами, то также не вел сколько-нибудь крупных боев. Наиболее крупные бои были под Лояном, но и здесь в операциях участвовало со стороны врага лишь несколько тысяч человек.

Действия Фэна облегчались тем, что против хэнаньских генералов в районе Лояна в апреле произошло крупное выступление «красных пик», охватившее четыре-пять уездов и вызвавшее трехнедельные ожесточенные бои. Многие сотни деревень были разрушены, спилены фруктовые деревья, разграблены фанзы и даже побита глиняная посуда. Взяв Лоян, Фэн не торопился дальше и взял Чжэнчжоу и Кайфын только 30—31 мая, несмотря на то что уханьские лидеры телеграммами призывали его активизироваться.

Фэн Юй-сян долго воздерживался от каких бы то ни было заявлений по вопросу о перевороте Чан Кай-ши и занятой им политической позиции. К Фэну еще в Сиань прибыли представители и из Уханя и от Чан Кай-ши для его обработки. Чан Кай-ши предлагал Фэну не выступать против мукденцев, пока они не разобьют НРА, а затем-де они оба объединятся с Янь Си-шанем против победителей. Эта аргументация подействовала. Фэнъюйсяновские генералы были напуганы революционными событиями на уханьской территории, сложившимся там тяжелым экономическим положением, а более всего они опасались оказаться в одиночестве против мощной мукденской армии. Со стен Тунгуаня за ночь пропали все плакаты, направленные против Чана, через два дня была изъята брошюра, критикующая Чана, наконец, по армии был отдан приказ о запрещении античанкайшистской агитации. Фэн Юй-сяном была в то же время отправлена негласная телеграмма в Ухань о том, что он поддерживает во всем ЦИК гоминьдана, что национальная революция зиждется на массовом движении.

Политбюро, созданное гоминьданом на северо-западе, прекрасно понимая игру Фэна, всячески добивалось от него гласных заявлений о политической линии, к этому же стремились и наши советники во главе с тов. Усмановым, а Фэн твердил, что «сор из избы не следует выносить». На съезде армейских политработников перед походом на Чжэнчжоу, где было множество коммунистов, Фэн Юй-сян пытался вовсе снять с обсуждения вопрос о Чан Кай-ши, а затем избежать принятия резолюции в его присутствии.

С середины мая 1927 г. «вторым я» Фэна становится один из бывших лидеров уханьского гоминьдана, Сюй Цянь, который усиленно подталкивает Фэна в объятья

Чан Кай-ши. В Чжэнчжоу на совещании с «левыми» Фэн зловеще отмалчивается, а на военном совете предлагает организовать правительство на северо-западе и в Хэнани. После этого гоминьдановское политбюро на территории Фэна пополняется правыми, а коммуниста, ответственного секретаря этого органа, снимают с поста. Фэн Юй-сян заявляет, что хэнаньский комитет гоминьдана, большинство которого составляли коммунисты, ведет неправильную политику, вызывающую беспорядки в тылу. Политбюро образует комиссию во главе с Сюй Цянем для переизбрания этого комитета, и в него попадают одни правые. В середине июля 1927 г. Фэн Юй-сян на заседании с Чан Кай-ши в Сюйчжоу завершает свое скатывание в лагерь реакции, подписав совместную телеграмму против коммунистов и за отъезд М. М. Бородина.

Эволюция такой крупной для Китая по тем временам политической фигуры, как Фэн Юй-сян, в высшей степени типична и поучительна. Аналогичный путь от весьма революционных широковещательных заявлений до беззастенчивого предательства интересов революции прошли и многие другие лидеры менее крупного масштаба из кругов армии.

Для уханьского революционного центра первостепенное значение имело сходное развитие политической позиции Тан Шэн-чжи. Этот генерал был крупнейшим из военных руководителей Уханя, командующим операциями в Хэнани. Несмотря на революционные фразы, первоочередной его целью было придержать в тылу свои собственные войска, чтобы уберечь их от тяжелых боев с сильными мукденцами. Первыми он бросил на фронт 4-й и 11-й корпуса, поскольку они были враждебны Тану, а также соединение Хэ Луна. Стать, однако, единовластным контролером положения в Ухани ему не удалось, так как здесь же находились Е Тин и военная школа.

Тан Шэн-чжи чуть ли не до последнего перед переворотом дня продолжал заигрывать с массами, и, как мы видели, кое-кого ему удалось обмануть. Тан Шэн-чжи и командующий 36-м корпусом, например, официально поздравили коммуниста Су Чжао-чжэна со вступлением на пост министра, рекомендуя бороться за интересы и благополучие рабочих. Тан в декларации откры-

то выступил против переворота в Хунани, требовал дальнейшего проведения «трех политических установок» Сунь Ят-сена, немедленных активных операций против Чан Кай-ши.

Здесь как раз и был один из источников его мнимой революционности — он опасался всех действий, могущих привести к усилению Чан Кай-ши, считая последнего злейшим соперником в борьбе за власть. Тан просил направить в Хунань комиссию. «В рабочем и крестьянском движении „детская болезнь левизны", но нельзя же лечить ее штыком, — доказывал Тан. — Прежнее правительство в Хунани должно остаться, нужно восстановить рабочие и крестьянские союзы, вернуть оружие пикетам, Сюй Кэ-сян — это негодный для гоминьдановской армии генерал и его следует наказать» и т. д.

После чжэнчжоуской конференции уханьское правительство поручило ему поехать в Чанша для расследования. Перед отъездом Тана посетили более 200 представителей хунаньского гоминьдана. Тан заверил их, что рабочих и крестьян в Хунани больше не будут преследовать, «хотя ЦИК гоминьдана должен исправить некоторые неблагоразумные действия рабоче-крестьянского движения». Свое выступление Тан закончил лозунгом: «Да здравствуют революционные массы Хунани!» Тану вообще по его возвращении с фронта в Ухани был устроен триумфальный прием, сопровождавшийся громаднейшими демонстрациями, чествовали его как победителя мукденских милитаристов.

В двадцатых числах июня 1927 г. Тан прибыл в Чанша и здесь повернулся в политике почти на 180 градусов. Все действия контрреволюции он одобрил. В телеграмме на имя Политбюро ЦИК гоминьдана он утверждал, что Сюй Кэ-сян — честный человек, лишь «применивший ошибочные методы воздействия против рабочих и крестьян», главный и основной виновник хунаньских событий — лидеры рабоче-крестьянского движения, увлекшие его на неправильную дорогу.

«Я рассмотрел различные официальные жалобы, — писал Тан в отчете о поездке в Хунань, — и убедился, что рабоче-крестьянское движение под ошибочным руководством своих вождей разнуздалось и сделало все население жертвой террора». Оно «поощряет жестокую классовую борьбу». Военные части вынуждены были

защищаться, необходимы роспуск и реорганизация гоминьдановских и народных организаций.

Действия Сюй Кэ-сяна «были продиктованы стремлением к справедливости», его можно лишь подвергнуть каре в форме предупреждения. Тан внес также предложения по реорганизации движения масс, в частности, с помощью создания специальной школы для подготовки рабочих и крестьянских лидеров. Одновременно Тан просил полномочий для борьбы с революционерами. 29 июня 1927 г. отчет Тан Шэн-чжи был опубликован в «Пиплз трибьюн».

Чем же объяснить такой крутой поворот? Тан же был достаточно осторожным и расчетливым политиком. Думается, что дело здесь не только в оценке возможностей массового движения. Имела место и борьба военщины за Хунань, в которой участвовали Чан Кай-ши, Хэ Цзянь, Тан Шэн-чжи, Тань Янь-кай (в комитет Сюй Кэ-сяна вошли два его сторонника), даже Чэн Цянь. Лишь на месте Тан мог окончательно оценить силы враждующих сторон и наметить дальнейшую линию.

Так или иначе еще один из военных лидеров, распинавшихся в преданности революции, изменил ее идеям и ускорил этим падение уханьского революционного центра.

Сходным образом складывался и политический путь лидеров гуандунской военщины во главе с Ли Цзи-шэнем. В Гуандуне реакция стала крепнуть после ухода негуандунских частей, не заинтересованных непосредственно в подавлении местных масс и позволявших себе некоторую левизну. Чан Кай-ши первоначально оставил здесь некоторое количество войск, связанных непосредственно с ним, чтобы обеспечить себе базу на случай отступления. Постепенно Ли Цзи-шэнь подминал под себя все стоявшие в Гуандуне части и проводил как бы медленный удушающий контрреволюционный переворот.

Не успела НРА взять провинцию Цзянси, как Ли Цзи-шэнь отправил Чан Кай-ши телеграмму с требованием об обуздании рабоче-крестьянского движения. Гуандунский провинциальный комитет гоминьдана прошел реорганизацию по тому цзянсийскому образцу, о котором я уже рассказывал. При непосредственных угрозах военщины «левые» и коммунисты были из него выгнаны. Контрреволюционный террор, сопровождавший перево-

рот в Кантоне, по свирепости не уступал шанхайскому. В первой половине апреля 1927 г. состоялось совещание Чан Кай-ши и Ли Цзи-шэня, на котором обсуждались дальнейшие меры по подавлению революции.

Вообще контрреволюционный переворот в Шанхае и Нанкине сопровождался великим количеством интриг, закулисных махинаций политиканов, заговоров и взаимной грызни за теплые места. Чан Кай-ши в августе на время вынужден был даже уйти в отставку для обеспечения переговоров между Нанкином и Уханем. В середине сентября 1927 г. состоялась гоминьдановская конференция, на которой были созданы политический комитет национального правительства, военный совет и его президиум из 14 человек, в который вошли Фэн Юй-сян, Тан Шэн-чжи, Ли Цзи-шэнь, Янь Си-шань, Хэ Ин-цинь, Бай Чун-си, Чэн Цянь, Ли Цзун-жэнь, Чжу Пэй-де, Тань Янь-кай, Ху Хань-минь, Чан Кай-ши, Ван Цзин-вэй, Ян Цу-чжуан. Словом, все «сливки» неомилитаристской военщины. Все они, по сути, были непримиримыми врагами, и сплотить их на короткий срок могли лишь общая ненависть к массам и страх перед революцией. Вскоре развернулась борьба Хэ Ин-циня с гуансийцами за Шанхай, гуансийцев с Тан Шэн-чжи за Ухань и т. д. В ноябре 1927 г. нанкинцы побили Тана и захватили Ухань, однако и на этом грызня в реакционном лагере не утихла. В дальнейшем эта милитаристская борьба была использована при развертывании в глухих горах и на других труднодоступных территориях партизанской борьбы. Революция 1925—1927 гг. завершилась. Китайский народ потерпел временное поражение. Главная его причина — неравенство сил. Милитаристы, помещики, шэньши, компрадоры, империалистические хищники и их агенты были еще значительно сильнее и политически опытнее, чем поднявшиеся на борьбу за свободу трудящиеся и их руководители. Однако старый дореволюционный Китай и новый Китай, прошедший через очищающее революционное пламя, были несравнимы. Революция открыла глаза миллионам, вручила им в руки коммунистическое знамя, и историю уже невозможно было повернуть вспять. Наша страна не имела еще в те годы такой мощи, которая позволила бы ей оградить китайский народ от экспорта контрреволюции. Мы сами еще не имели передовой индустрии, деревня не была коллек-

тивизирована, армия сильна была больше революционной несокрушимостью, чем передовой техникой. Но нам дорога мысль о том, что в те далекие годы Родина сделала все, что было в ее силах, для поддержки трудового народа Китая, и мне радостно, что я непосредственно участвовал в этом подвиге интернационализма.

До конца на своем посту

Вклад наших советников в успешное развитие революции во время ее подъема огромен. Читатель знаком уже со многими фактами, красноречиво говорящими об этом. Сейчас же мне хочется особо остановиться на сложном вопросе об общей оценке деятельности тов. Бородина. Мне кажется, настало время объективно осветить заслуги М. М. Бородина в годы революции. До сих пор нет возможности привлечь все нужные для этого документы, но правильное общее представление, по-моему, составить можно.

Кое-кто после поражения революции склонен был второпях валить вину за это на плечи М. М. Бородина. Находились люди, которые придавали отдельным высказываниям М. М. Бородина явно злонамеренное толкование, извращали подлинные его взгляды. При этом забывалось или затуманивалось то, что так очевидно теперь — колоссальный объем проделанной Бородиным организационной практической работы на стадии подъема революции, его неустанная деятельность по созданию и укреплению единого фронта, по обеспечению революции всеми возможными союзниками.

Не надо забывать и того, что М. М. Бородин в отличие от многих товарищей, участвовавших в многочисленных в те годы и весьма страстных, непримиримых дискуссиях по китайскому вопросу, находился на месте, в Китае, в самой гуще борьбы, со всей ее спецификой и сложностью. То, что казалось с расстояния в десять тысяч километров аксиомой, не нуждающейся в доказательствах, на месте иногда оборачивалось труднейшей проблемой, требующей всестороннего учета конкретной ситуации. Поэтому сегодня нужно внимательно присмот-

реться ко многим выводам М. М. Бородина, снова их переоценить с учетом всего происшедшего с тех пор в Китае.

Нужно отрешиться также и от преувеличения возможностей М. М. Бородина, которое проникало в выступления его критиков в 20-е годы. Бородин при всей значимости его положения в правительстве национальной революции и в революционных кругах гоминьдана был всего лишь советником, приглашенным Сунь Ятсеном. Он работал в конкретной ситуации: без достаточных данных, с малым количеством квалифицированных помощников, без широких возможностей общения с массами, без постоянной связи с Москвой и т. д. Наконец, ему приходилось считаться с такими реальными факторами, как крайняя незрелость и немногочисленность революционных кадров, наличие разного рода группировок и уклонов, сильнейшее влияние мелкобуржуазных тенденций. Когда подумаешь обо всем этом, то проникаешься особым уважением к тому, чего удалось, несмотря на все это, достичь М. М. Бородину в Китае.

Я не считаю себя достаточно теоретически и политически подготовленным для глубокого анализа деятельности тов. Бородина в Китае, но мне хотелось бы ознакомить читателя с некоторыми мыслями и высказываниями Бородина и о Бородине. В июле 1926 г. Бородин произнес речь перед вновь приехавшей из СССР группой советников, стремясь ввести ее в курс тогдашней обстановки. И тогда прозвучали некоторые высказывания, дающие представление об общем понимании Бородиным китайской специфики. Он полагал, например, что в Китае пролетариат имел в те годы множество слабостей. Если подходить к нему с современной меркой развития фабрично-заводского пролетариата, то это был в первую очередь пролетариат иностранных концессий.

Для китайской революции фундаментальным будет союз трех классов: пролетариата, крестьянства и городской бедноты. «Большинство городов ремесленные, средневековые, насыщенные и перенасыщенные политически активной городской беднотой. Это при развитии революции не вычеркнешь». Для нее характерны такие требования, как устойчивая валюта, уничтожение долговых обязательств, единая денежная система.

Итак, пролетариат очень еще слаб, а «китайское крестьянство организовать государство не может», отсюда очень осторожная оценка ближайших перспектив революции.

Вокруг М. М. Бородина сплотилась небольшая группка молодых теоретиков (в Кантоне — Волин, Тарханов, Йолк, Синани, в Ханькоу еще Разумов, Лиманов и др.). Они работали над изучением важнейших социальных проблем Китая по заданиям М. М. Бородина, и он делился с некоторыми из них своими мыслями.

В литературе многократно говорилось о правооппортунистическом уклоне Чэнь Ду-сю и других в КПК, но слабее, чем необходимо, как мне кажется, освещены левацкие тенденции в революционных рядах. М. М. Бородин приложил, видимо, немало сил для доказательств несостоятельности этих тенденций, несвоевременности революционных сверхтребований и т. д., способных лишь разрушить преждевременно единый фронт, не дав ничего взамен. Эта сторона деятельности Бородина нуждается в изучении.

В ходе революции Бородин не раз выступал как опытнейший тактик, способный учесть все практические возможности данной неповторимой обстановки. Вот как характеризовал он четыре задачи Северного похода: 1) развитие массового движения; 2) борьба с империализмом; 3) маневрирование для ослабления «мартовцев» (имелось в виду, в частности, использование их противоречий с «баодинцами»); 4) развертывание революционных коммунистических частей. Как известно, последнее осуществлено не было, между тем, по мнению М. М. Бородина, сделать это можно было, так как при поражении У Пэй-фу и Сунь Чуань-фана возможность для вооружения была.

Бородин умел использовать всевозможные тактические приемы для развития массового движения. Так, он понимал, что крестьянское движение по мере расширения его требований будет вызывать отпор у военщины, связанной с эксплуататорами деревни. Поэтому М. М. Бородиным предлагалось более форсированно двигаться на Север, чтобы не дать армии заниматься политикой, оторвать ее от своих провинций.

М. М. Бородин придавал большое значение уханьскому революционному центру, так как несколько месяцев

его существования дали колоссальный практический революционный опыт широким массам китайского народа.

Гибкий дипломат, прекрасно учитывавший индивидуальность партнера, М. М. Бородин, если надо, умел поставить вопрос ребром. Как уже упоминал я выше, в январе 1927 г. Чан Кай-ши приехал в Ухань, чтобы решить здесь вопрос о местопребывании правительства. Вот какую речь произнес тогда М. М. Бородин на банкете военных организаций и правительства в честь Чана: «Сунь Ят-сен оставил завещание о «тройной политике», которую мы и должны проводить. Всякий, кто думает, что можно объединить Китай, не проводя трех принципов Сунь Ят-сена, особенно последнего принципа «социализма» и его «три политики», не является последователем Сунь Ят-сена».

Далее Бородин указал на надвигающуюся контрреволюцию, которая хочет ликвидировать и три принципа и три тактики, и призвал к борьбе с нею. Он сказал: «Я являюсь советником не какого-либо отдельного генерала, а помощником революционного и угнетенного народа Китая. У меня нет ничего. Если я завтра умру, меня должно будет похоронить национальное правительство на свои средства, но я никогда не пойду против угнетенных. Если я не нравлюсь тому или иному генералу, то я уйду, но я буду помогать угнетенным народам, а не отдельным генералам». М. М. Бородин считал, что разрыв с Чан Кай-ши стал неизбежным уже 3 января 1927 г., т. е. во время описанного Кулинского совещания. На последнем этапе уханьской эпопеи М. М. Бородин защищал так называемую «северо-западную теорию» — временный отвод революционных сил на северо-запад, ближе к границам Советского Союза.

Перспективы продолжения участия в едином фронте «уханьцев» М. М. Бородин позже оценивал в следующих словах: «Мы еще могли бы повести за собой эту демократию продолжительное время, по крайней мере до тех пор, пока мы могли бы ребром поставить вопрос о советах, о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, но на нее напал панический ужас». «Когда уханьские «левые» «отшатнулись», то можно было либо выступить против контрреволюции самостоятельно, что равнялось игре в восстание, либо сколотить «левых» против Нанкина». Последнее дало возможность 4-му и

11-му корпусам и 20-му корпусу выйти на линию Цзюцзян — Наньчан, что впоследствии и позволило осуществить наньчанское восстание.

Синани в октябре 1927 г. вспоминал об уханьском этапе: «Не раз в это время (например, в присутствии Мифа, Кучумова, Кареньяна, моем и др.) М. М. Бородин высказывал сильные сомнения в том, что КПК действительно руководит в Ухане рабочим движением и профсоюзами».

Желая усилить реальное влияние коммунистов, М. М. Бородин еще в декабре 1926 г. предлагал коммунистам, в том числе и Чэнь Ду-сю, настоять на вхождении в правительство. Как известно, это было выполнено с большим опозданием и неэффективно.

Сделал М. М. Бородин все, что было в его возможностях для создания надежной опоры КПК в армии. Позже он рассказывал старым большевикам: «Будьте уверены, что мы все сделали, чтобы выцарапать откуда можно вооружение, но этого было крайне, крайне мало».

Оценивая по заслугам деятельность М. М. Бородина, нельзя не вспомнить, что его активность на последнем этапе революции была связана с крайним риском для его жизни. Достаточно вспомнить историю его отъезда из Китая. Из Уханя М. М. Бородин приехал в Кулин, здесь его посетил Сун Цзы-вэнь, предлагая проезд через Шанхай. Тов. Бородина спасла тогда Сун Цин-лин, категорически не советовавшая принимать это предложение. «Суну верить нельзя», — твердо заявила она. Видимо, она к тому времени уже знала цену своему брату, занимавшему пост министра финансов и через несколько лет ставшему одним из финансовых лидеров правогоминьдановского Китая.

16 июля 1927 г. вечером М. М. Бородин покинул Ханькоу, а уже в 2 часа ночи генерал Хэ Цзянь, активный деятель хунаньского переворота, устроил налет на его квартиру и контору. М. М. Бородин направился в Лоян, он еще не успел добраться до этого города, когда произошло наньчанское восстание.

2 августа 1927 г. Ван Цзин-вэй истеричничал на заседании Политбюро ЦИК гоминьдана: «Надо отрубить головы двум-трем русским. Они будут знать, как устраивать восстания!» 4 августа «уханьцы» отправили телеграмму Фэн Юй-сяну о немедленном аресте Бородина.

Фэн, однако, предпочел с миром пропустить Михаила Марковича на Родину. Разумеется, в воплях Ван Цзин-вэя не следует искать отражения действительного хода событий, — наньчанское восстание — это героический подвиг китайских коммунистов, выражение их готовности продолжать борьбу, но характерно, что ненависть в устах реакции сосредоточилась на нас, советских советниках, на М. М. Бородине.

М. М. Бородин действовал в Китае в значительной степени автономно, ему иногда не с кем было посоветоваться на крутых поворотах политической жизни, не от кого получить указания. Вот его собственные слова: «Что касается резолюций, которые впервые конкретизировали нашу борьбу в Китае, резолюций VII пленума ИККИ в декабре 1926 г., то, к сожалению, эти резолюции попали к нам уже на Янцзы примерно в марте 1927 г. Объясняется это тем, что мы были на пути из Кантона в Ханькоу. В Ханькоу же вскоре после нашего приезда против нас фактически была объявлена империалистами и северными милитаристами блокада. Информация как из Китая, так и отсюда была из рук вон плохая». В самом деле, М. М. Бородин ехал домой из Ханькоу по железной дороге и на автомобиле более двух месяцев, это дает представление о невозможности курьерской связи, а телеграф находился в руках империалистов. Часто поступали к М. М. Бородину лишь части телеграмм, а после известных провокаций реакционеров — налетов на советское посольство и на шанхайское консульство — в Ханькоу вообще неделями мы не могли ничего получить.

Знакомясь с приведенной выше цитатой, читатель, вероятно, обратил внимание на характерные для М. М. Бородина «нам», «нас», «мы», «нами». Это в высшей степени знаменательно. В мыслях своих тов. Бородин никогда не отрывал себя от китайской революции, ее успехи и неудачи рассматривал как свои собственные, но так же думали тогда и все мы, советские советники.

Приводя оценки М. М. Бородина, я вовсе не хочу сказать, что все в них правильно или что Бородин в своей ответственной деятельности не допускал серьезных ошибок. М. М. Бородин позже сам признавал свои заблуждения, и даже, по-моему, не только действитель-

ные, но и мнимые. Мне лишь кажется, что суждения старого большевика и опытнейшего политика, находившегося в самой гуще событий, имеют огромную самостоятельную ценность.

В последующие годы наши читатели могли знакомиться фактически лишь с немногими оценками проблем китайской революции, главным образом, с теми, которые содержались в работах И. В. Сталина. Теперь появилась возможность рассказать о суждениях многих выдающихся деятелей нашей партии и Советской Армии, непосредственно связанных в те годы с Китаем, с животрепещущими проблемами китайской революции. Поэтому я и старался на страницах этой книги изложить все, что мне известно об оценках А. С. Бубнова, Л. М. Карахана, М. М. Бородина, В. К. Блюхера, А. Лапина и других. Думается, что историки могут значительно расширить этот перечень имен.

Мне хочется еще раз подчеркнуть, что и наши военные товарищи были вдумчивыми аналитиками политических процессов, они не стремились, как правило, закреплять свои выводы на бумаге, но в практической военной деятельности делали все возможное для укрепления и развития революционных тенденций.

В. К. Блюхер, например, вовремя заметил и учел в своей работе ту опасность, которую представлял для НРА огромный прилив так называемых «попутчиков» в ходе продвижения на Север и затем на Восток. К НРА, почти не перелицевавшись политически, примыкали милитаристские генералы — Хэ Яо-цзу, Е Кай-синь, Чжоу Фэн-ци и прочие. Для них создавались новые корпуса. Еще в ноябре 1926 г. Блюхер предложил «привести попутчиков в норму», демонстративно разоружив для этого так называемый 4-й корпус Хэ Яо-цзу.

Но В. К. Блюхер после мартовских событий был очень стеснен в своих начинаниях. Чан Кай-ши стремился ограничить его деятельность лишь помощью в руководстве операциями. В. К. Блюхер предлагал свою схему построения армии, путь упорядочения военного бюджета, — все это принималось на словах, а затем проводились прямо противоположные идеи.

Для тов. Блюхера в высшей степени характерно, что он не только вдумчиво анализировал политические взаимоотношения, но и стремился ознакомить с итогами свое-

го анализа остальных советников. Вот образец: в начале января 1927 г. в Наньчане закончилось военное совещание, и Блюхер немедля рассылает советникам документ «Разъяснение борьбы вокруг военного совещания». В нем с редкой проницательностью намечает он тенденции дальнейшего развития: «В связи с боязнью массового движения оформляются правая группа и правая тенденция в линии поведения. Главком, видимо, не доверяет нашим китайским товарищам и левым вообще. Левые здесь напуганы углубляющимся массовым движением и поговаривают о необходимости отступления, особенно в рабочем движении».

Какой же вывод делал В. К. Блюхер? Для него во все эти месяцы аксиомой было одно: до самого последнего момента, пока только существует хоть какая-нибудь возможность оказывать позитивное влияние на ход китайской революции, нам следует, продираясь сквозь все чинимые правыми препятствия, нести свою советническую службу. В том же документе В. К. Блюхер рекомендует: «Надо по-прежнему продолжать нашу работу, углубляя ее в сторону оперативных советов, по организации и боевому приведению армии в порядок...»

Тогда же, в начале января, Блюхер направил тов. Бородину свой анализ того, какие из корпусов будут поддерживать «левых» и коммунистов в случае принятия ими «мер хирургического воздействия» против заговора правых. К таким соединениям Блюхер отнес 8-й, 6-й, 2-й и 4-й корпуса, отметив, что 7-й и 3-й корпуса не могли бы служить серьезным препятствием активной акции «левых». М. М. Бородин со своей стороны просил В. К. Блюхера воздействовать своим авторитетом на правительственных лидеров, с тем чтобы они из Наньчана перебрались как можно скорее в Ухань. Тогда явочным порядком был бы решен конфликт с правыми по вопросу о революционном центре. Можно не сомневаться в том, что тов. Блюхер выполнил это поручение.

Работать В. К. Блюхеру приходилось в исключительно трудной обстановке при глухом, скрытом, а иногда и явном сопротивлении правых. В начале 1927 г. он сообщал: «За мной слежка. Число посетителей поредело. С членами национального правительства и ЦИК разговаривать трудно».

В сходных условиях действовали и остальные советники. Тем не менее они продолжали вести энергичную работу. Боязнь сговора между остатками сил Сунь Чуань-фана и У Пэй-фу и шаньдунскими милитаристами Чжан Цзун-чана заставила их активизировать чжэцзянскую операцию. «План операций по ликвидации противника в районе нижнего течения реки Янцзы» был выработан под непосредственным руководством Василия Константиновича.

Когда на уханьском этапе встал вопрос о продолжении Северного похода, то среди наших товарищей не было единства по вопросу о направлении наступления: 1) против Чан Кай-ши; 2) в Хэнань; 3) отход в Гуандун. Блюхер стоял за энергичное продвижение в Хэнань, с тем чтобы, нанеся удар мукденцам, передать фронт против них Фэн Юй-сяну, а затем самим двинуться по Лунхайской железной дороге на Нанкин. Бородин же и тогда и впоследствии считал, что нужно было непосредственно выступить против Чан Кай-ши, и отказ от этого варианта считал серьезнейшей ошибкой.

Видимо, и у Василия Константиновича были какие-то колебания в решении этой проблемы. Приехав из Нанкина, я, простудившись в пути на пароходе, лег в Ханькоу надолго в госпиталь. Василий Константинович с присущей ему чуткостью не раз меня навещал. Последние месяцы работы с Хэ Ин-цинем привели меня к мысли о том, что от дальнейшей моей советнической деятельности не может быть особого толка, — правые, как я уже писал, совершенно распоясались и попросту не давали работать. Я просился на Родину. Василий Константинович полушутя, полусерьезно возражал: «Не раньше, чем разобьем Чана. Это твое дело. Ты его организовал, обучил, тебе с ним и воевать».

В. К. Блюхер и остальные наши товарищи энергично работали до самых последних дней уханьского революционного центра, они старались использовать самую малейшую возможность для улучшения ситуации. Приведу некоторые примеры. Вместе с деятелями уханьского гоминьдана на конференцию в Чжэнчжоу направился и В. К. Блюхер. Перед началом заседаний Ван Цзин-вэй, как и в дни мартовских событий, растерял все «революционное» красноречие, облинял и готов был к капитуляции. «А может быть, нам с предложением похода

против Нанкина и не выступать?» — спросил он Блюхера. Василий Константинович не пожалел усилий, чтобы убедить Вана не сдавать позиций перед Фэн Юй-сяном и военными. В конце концов после долгой беседы, как бы получив заряд энергии от общения с Блюхером, Ван решительно взмахнул рукой и заявил: «Я выступлю за поход».

Другой эпизод. В конце апреля 1927 г. бывший советник Чжу Пэй-де Лиманов специально ездил к этому генералу, чтобы попытаться перетянуть его на сторону уханьцев. В одной из бесед встал вопрос об отношении к КПК. «Разрыв с коммунистами — это разрыв с революцией, успеха можно добиться, только проводя три политики Сунь Ят-сена», — усиленно убеждал Чжу советник. Генерал поддакивал: «шиды», «шиды». Как известно, Чжу, хотя и не учинил по примеру других милитаристов немедленной расправы с армейскими коммунистами, все же встал в Цзянси на контрреволюционный путь. Но в данном случае дело не в этом, а в настойчивом желании наших советников до самого последнего дня делать все, что было в их силах, для спасения революционных кадров.

В ходе всей своей деятельности в НРА наши советники неизменно прилагали усилия к тому, чтобы способствовать сплочению армейских революционеров вокруг КПК. Один из них в своем отчете указывал: «Наши советники неоднократно ставили перед хунаньским комитетом партии вопрос о людях для Е Тина. Комитет неизменно обещал, но дальше обещаний не шел». И здесь наши усилия не увенчались успехом, но отнюдь не из-за недостатка настойчивости и желания помочь делу революции.

До самого последнего дня своего пребывания на службе китайской революции наши люди были верны своему интернациональному долгу, преданы великому делу освобождения китайского народа, готовы жертвовать жизнью во имя революции. Революция временно потерпела поражение, разными путями через лагерь врага наши товарищи пробирались к себе на Родину. Многим из них пришлось вынести издевательства гоминьдановских реакционеров и даже попасть за решетку, но в сердцах своих все мы уносили гордое сознание выполненного до конца долга.

Советник М. Чхеидзе

Мне, к сожалению, после возвращения из Нанкина поработать уже не довелось. Болезнь затянулась — Василий Константинович прочил меня на должность советника главкома Тан Шэн-чжи в хэнаньской операции, однако вместо меня был назначен советник Ольшевский, затем предполагалась моя командировка в Сычуань, однако к тому времени, как я вышел из госпиталя, контрреволюционные намерения уханьцев определились, работа советников сворачивалась, и через Шанхай я выехал на Родину с Мишей Чхеидзе.

Мое участие в освободительной борьбе китайского народа на этом не окончилось. Минуло десять лет — и вновь наша страна, верная ленинскому интернационализму, протянула руку помощи Китаю, на который обрушились японские империалисты. Вместе со многими другими товарищами отправился я на ставшую дорогой для сердца китайскую землю, чтобы в должности главного советского советника снова служить китайскому народу. Но это уже другая полоса моей жизни.

Содержание

Александр Иванович Черепанов

Северный поход
Национально-революционной армии Китая

(Записки военного советника)

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

Редактор *В. Б. Гордеев*
Художник *А. Э. Козаченко*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *М. К. Киселева*

Сдано в набор 20/XI 1967 г. Подписано к печати 20/VI 1968 г. А—01796
Формат 84×108[1]/32. Бум. № 1 Печ. л. 9,5+0,125 п. л. вкл.
Усл. п. л. 16,17 Уч.-изд. 16,17 л. Тираж 6800 экз.
Изд. № 1862 Цена 1 р. Заказ 744

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Отпечатано в тип. МГУ, Ленгоры, с набора 1 тип. Профиздата. Зак 144

Цена 1 руб.

А.И. ЧЕРЕПАНОВ Северный поход Национально-революционной армии Китая